

Үорнер Мунн

Үорнер Мунн
КОЛЫЦО
МЕРЛИНА

Книга первая

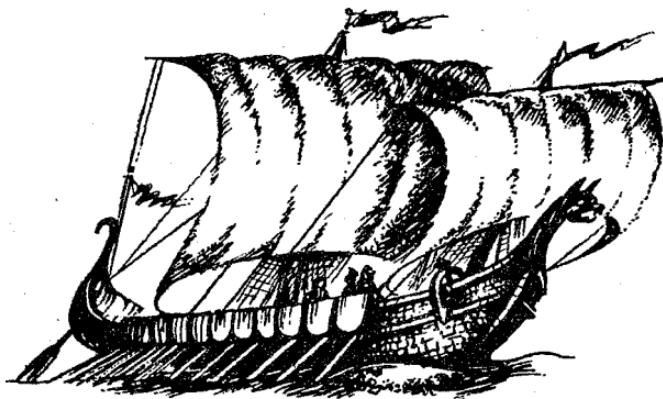

Уорнер Мунн

КОЛЬЦО
МЕРЛИНА

Книга Первая

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1992

Мунн У.

М 11 Кольцо Мерлина. Книга первая: Диология/
Пер. с англ. — СПб.: «Северо-Запад», 1992 —
413 с. ISBN 5-8352-0082-X

Американский писатель-фантаст Уорнер Мунн по праву считается классиком литературы в жанре фэнтези. Его знаменитая диология «Кольцо Мерлина» уже несколько десятков лет занимает ведущее место в парадах популярности фантастической литературы.

«Кольцо Мерлина» — это удивительная летопись, где сказка и вымысел переплетаются с реалистично написанными событиями. Герои У. Мунна путешествуют по загадочному, неведомому миру, в котором современный читатель сразу угадает Латинскую Америку. Древние боги, духи воды и земли, чудовища, таящиеся в джунглях, колдуны и маги оживают на страницах этой грандиозной эпопеи.

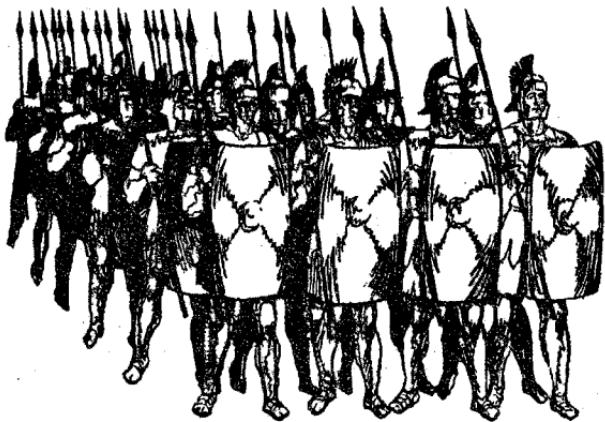
В настоящее издание вошли первые две части диологии «Повелитель Земного Предела» и «Корабль из Атлантиды».

Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое издание данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.

- © Куренная М., перевод, 1992
- © Издательство «Северо-Запад»,
оформление и подготовка
текста, 1992
- ® СЕВЕРО-ЗАПАД Зарегистрированная
торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0082-X

ПОВЕЛИТЕЛЬ ЗЕМНОГО ПРЕДЕЛА

ПРОЛОГ

После пронесшегося над Ки Уэст опустошительного урагана какой-то ветеран, занятый на восстановительных работах, извлек из-под завалов мусора и кораллов истонченный и позеленевший от времени бронзовый цилиндр. Распознав в находке вещь чрезвычайно древнюю — хоть и отнеся ее ошибочно к периоду испанской оккупации острова — человек этот рассудил, что цилиндр будет представлять большую ценность в нераскрытом виде, и отнес его в городской музей, где мне случилось в те годы работать хранителем.

Я вскрыл цилиндр в присутствии старого солдата, который посулил мне одну десятую возможного клада в случае, если последний не представляет исторического интереса.

К обоюдному нашему удивлению, в цилиндре оказались плотно скрученные пергаментные свитки с нижеприведенным посланием, написанным на тяжеловесной солдатской латыни.

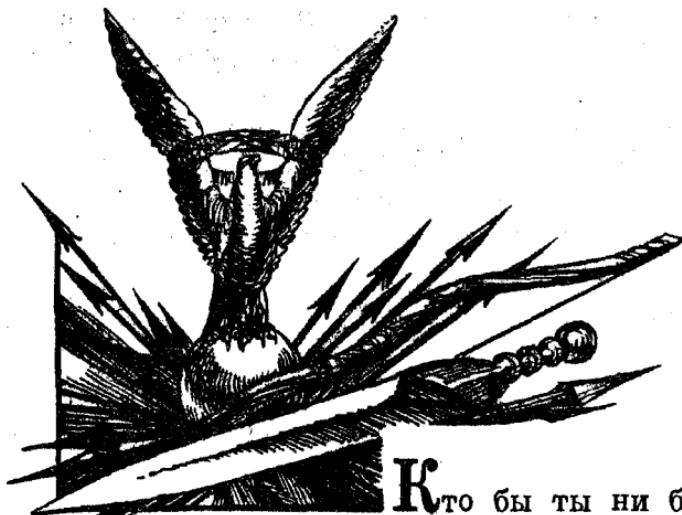
Я начал переводить текст вслух, и глаза моего посетителя засверкали: он услышал донесшийся к нему через века голос родственной отважной души.

Я тоже взволновался — но от страсти подлинного антиквара, так как знал, что ко времени написания

этого текста Рим уже пал, Западную Империю расчленили варвары, и лишь Константинополь еще хранил малую толику былого Римского величия и могущества. И, тем не менее, спустя сорок лет после падения Рима некий человек писал Римскому Императору!

Приди это письмо вовремя, вся история мира сложилась бы совершенно иначе. Но послание не достигло адресата — и не сбылись надежды его доблестного автора. Дадим же слово ему самому.

ЗАБЫТЫЙ ЛЕГИОН

Кто бы ты ни был, Император, правящий в Риме, — приветствуя тебя!

Я, Вендиций Варрон, бывший центурион Артура, Императора Британии, а ныне — Повелитель Земного Предела, известный здесь под именами Нуцитион Уицлипотчи и Атохаро, посылаю это донесение с моим единственным сыном, который обращается к тебе с просьбой узаконить мой высокий титул и разрешить передавать его по наследству.

Я полагаю, что пять полных поколений уже успели смениться с тех пор, как римские легионы окончательно ушли из Британии, и, возможно, факты, изложенные в первой части данных записок, к настоящему времени общеизвестны в Риме. Но, поскольку твердой уверенности в этом у меня нет, я чувствую себя обязанным рассказать все по порядку. Отнесись же снисходительно к многословным воспоминаниям старого солдата, покрытого шрамами на службе отечеству, коего он никогда не видел.

Как ни тяжело мне думать, что Британия, покинутая мною сорок лет назад, до сих пор находится

под властью саксонских пиратов, все же я вынужден допустить такую возможность: я прекрасно помню, как мало помощи мы получали — если получали вообще — в течение предыдущего столетия.

О, когда во времена моего прадеда мы, Британские Римляне, возвзвали о помощи к Аэцию, когда мы говорили, что, отзав свой легион, он оставил нас беззащитными, разве получили мы в ответ хотя бы одну когорту?

Нет, хотя предупреждали, что Британия будет потеряна! Так оно и случилось — если только не справедливы слова Мерлина-предвидца о том, что Рим отказался от Британии сознательно, как от земли, представляющей малую ценность.

Но как могу поверить в это я, которому прекрасно известно, как плодородна почва, как богаты рудники и обилен рыбный промысел в Британии? Нет, тут кроется что-то иное, и Мерлин сказал мне, что именно.

Наступал закат великой эпохи. Опустошенный варварами мир лежал в руинах, но к нам, в Британию сто лет не доносилось никаких новостей из-за моря; одни лишь сомнительные слухи, что передавали ненавидящие Рим саксы.

Саксы встречали наши галеры и военные корабли, двадцать против одного, и топили их. Они разоряли наше побережье: жгли, мародерствовали и грабили, пока, наконец, у нас не осталось ни одного круглого судна, которое осмелилось бы пересечь пролив, — и торговля зачахла. Даже рыболовные суда не решались отходить слишком далеко от берега. Драконоловые корабли саксов сторожили все морские пути.

Я, конечно, рискую наскучить тебе старой историей, но мне необходимо кратко описать события, последовавшие за отзывом легионов, когда в Британии остались лишь считанные воины сильно поредев-

шего Шестого Победоносного Легиона, занимавшего позицию в Эборакуме и на Стене.

Если все это тебе известно, пропусти эту часть повествования. Далее последует рассказ о предметах, совершенно для тебя новых, ибо я — единственный оставшийся в живых римлянин, который воочию видел описанные ниже чудеса.

Итак, когда император Гонорий издал приказ об отзыве войск, Двенадцатый Легион погрузился на корабли и отплыл, оставив Дева и всю западную часть страны открытой для набегов воинственных племен силуров. Затем Девятый Легион покинул Раты и оставил без защиты все низинные земли.

Двумя годами позже Второй Легион покинул Иска Силурум — и ничто больше не мешало пиратам подниматься вверх по течению широкой Сабрины.

Наконец ушла большая часть Шестого, и консул, не имеющий достаточно сил для удержания Стены, отступил с войсками дальше на юг, оставив Эборакум пиктам и саксам, которые немедленно заняли последний и осели там.

Британия, конечно, могла бы сохранить свободу, если бы все города договорились между собой и совместными усилиями собрали единую армию. Среди местного населения было много мужей со смелыми сердцами и римской военной выучкой; некоторых из них вербовал Шестой Легион в целях пополнения своих рядов. Но это было все равно что разбавлять вино водой.

Города, в которых производился набор, перессорились между собой, ибо каждый пытался удержать воинов в своих стенах. И в результате они, слишком слабые, чтобы поодиночке отразить нападение, поодиночке же и пали. Тем временем мелкие британские князьки собирали своих приверженцев и основывали совершенно независимые от полисов крохотные коро-

левства, большинство которых позже было уничтожено или захвачено оккупантами.

В конце концов, Шестой Легион — после трех поколений войн и новых призывов до сих пор именующий себя Римским Победоносным и верный своим орлам — отступил в горы Дэмнонии, последнюю твердыню Британии.

Теперь же я должен подробнее остановиться на истории своей собственной семьи и поведать о том, как на ней отразились все эти события.

Незнакомец! Сначала скажу о себе. Итак, я — Вендиций Варрон, римлянин до мозга костей — хотя никогда не видел прекрасного города на Тибре, как не видел его и мой отец. Он родился в Британии от матери-британки и со стороны своего отца унаследовал лишь четверть чистой римской крови. И все же я — римлянин, преданный Риму и отдавший всю любовь и тоску сердца восхитительному городу, который мне не суждено увидеть никогда в жизни!

В истории моей семьи отразилась вся трагедия Британии. Когда моего прадеда призвали в армию, дед мой был еще грудным младенцем. Большинство римских воинов пало в сражениях, и от гарнизонов оставались жалкие остатки — но со времени вступления в легион моего деда на голых косях римской военной организации уже наросло кое-что достаточно прочное. Образно говоря, мозги по-прежнему оставались римскими, но плоть стала британской.

Шестой сражался с пиктами, скоттами и саксами, и варвары, уже успевшие укрепить свое положение, были снова выбиты с позиций и оттеснены к морю. Следующий год мог окончательно решить исход борьбы в нашу пользу — но именно тогда Рим отозвал свои войска из Британии.

Срочно требовались люди — Рим сам находился в опасности. Мой дед отправился по следам своего

отца, в безвестность. Он никогда не вернулся назад, как не вернулся никто из новобранцев, и его жена, оставившаяся с четырьмя детьми, среди которых был и мой отец, перебралась дальше на запад, к горам Камбрии, и вырастила свое потомство в Вирикониуме.

Больше Рим не присыпал к нам наместников, ни чиновников — ни высоких, ни низких. Сильно поредевший Шестой Легион продолжал удерживать наши крепости на западе, но лучшие его воины полегли в сражениях, и я даже не знаю, где находятся их могилы.

Потом против нас повернули юты, саксы и англы, которые время от времени выступали против пиктов на нашей стороне, и моя мать бежала через Кэмбридийскую границу, оглядываясь на пылающий Вирикониум, где наряду с другими доблестными воинами сражался и погиб мой отец во имя увековечения славы Рима на землях Британии.

Раннее мое детство прошло в странствиях по дикой Кимре. Ее отважный народ некогда бросил вызов Риму и разбил брошенные на него легионы. К тому времени эта земля осталась единственным уголком в Британии, свободным от угрозы саксонского нашествия и хранящим, как это ни странно, культуру Рима.

Теперь я перехожу к повествованию о годах моей собственной жизни — к событиям, о которых ты должен знать.

Среди кимров жил один странный человек, известный местному населению под именем Мерлина, а живущим по ту сторону границы — под именем Амбrozия. Человек благородного облика, с величественными манерами, с ниспадающей на грудь белой бородой и со взглядом, внушающим трепет. Человек, происхождение которого скрывалось покровом тайны.

Если верить слухам, Мерлин появился на свет от

какого-то демона во времена правления короля Вертигерна, сразу после рождения был крещен неким Блэйзом, духовником его матери — и таким образом стал христианином, сохранив при этом демоническую способность к волшебству, ясновидению и пророчеству. Иные предполагали в нем великую мудрость, безусловно свидетельствующую о его бессмертии, и утверждали, что он появился на свет еще во времена сотворения мира, сразу восьмидесятилетним старцем, с течением лет набирая все большую и большую мудрость!

Более вероятно, однако, что Мерлин был всего лишь найденышем, воспитанным и посвященным в тайное знание друидами, которые доныне свершают свои древние обряды в Камбрии. Пусть позже он и принял христианство — но в его сердце друидизм всегда противостоял христианским тенетам.

Как известно, мудрецы древности обладали знанием, недоступным для нас, людей эпохи упадка, и мозг Мерлина хранил множество тайн, включая и способ продления жизни.

Я согбен годами, убелен сединами, изможден и почти беззуб, а Мерлин на всем протяжении нашего знакомства оставался таким, каким — судя по описанию моей матери — был в те отдаленные времена, когда она, еще совсем молодой женщиной, впервые увидела его: он шагал среди холмов Камбрии — бодрый, крепкий, сильный, — держа за руку маленького Артура, который едва поспевал за широким шагом старика.

Должно быть, они шли на поиски Антора, друга Мерлина. Именно Антору старый чародей отдал Артура на воспитание, и только благодаря неустанной заботе этого человека мальчик превратился в Артура долгожданного и бессмертного, Артура Императора, великого Пендрагона и диктатора, которому лишь

вероломное предательство помешало стать спасителем Британии.

В то время Артур был лет на пятнадцать старше меня, грудного ребенка, не имеющего никакого представления о кипящих вокруг событиях. А к тому времени, когда я натирал себе мозоли в упражнениях с мечом и копьем, Артур уже предводительствовал набегами на земли саксов.

Старые изувеченные в боях солдаты из рассеянных по Камбрии остатков Легиона вымуштровали отряды свирепых камбrijских юношей до поразительного сходства с железными когортами Рима. И снова кузнецы ковали белые клинки из красного железа, снова заводили разговор храповики и собачки на карробаллистиах и катапультах; и наконец призрак старого Легиона пересек границу — осененный ветхими знаменами, в потрепанных доспехах и с помятыми щитами.

Но Легион шел в полном составе! Мечи наши были отполированы до блеска, луки туги и стрелы остры (лук нес с собой каждый — будь то кавалерист или простой легионер) — и сверкающие в авангарде имперские орлы придавали нам смелости.

Шестой Легион, Победоносный! Привет тебе и прощай! Удобренные твоими костями поля Британии теперь зеленеют еще сочней.

К солдатам вернулось что-то от старого имперского духа. Вирикониум был захвачен, потерян и взят снова — и кимры хлынули через границу, воскрешая призраки былой славы. По равнине за стенами города скакали косматые камбrijские пони. Какая жалкая пародия на громовые атаки римской конницы! Но саксонские пехотинцы были разбиты в этой атаке — и с течением дней мы проникали все глубже на территорию врага, шаг за шагом отвоевывая Британскую землю, чтобы снова сделать ее свободной

для нас, влюбленных в Рим и навсегда разлученных с ним.

То тут, то там среди тучных равнин наталкивались мы на великолепных коней и кобыл, и к тому времени, когда войско Артура достаточно окрепло для того, чтобы встретиться в решительном сражении с превосходящими его силами саксов, три сотни наших всадников смели на своем пути стену из вражеских щитов. Саксы бежали, оставив нас хозяевами поля в первом же крупном сражении, и вслед им бросились катафрахтарии, которые рубили и топтали врага столь доблестно, что из оставшихся в живых воинов Артур сформировал впоследствии свой благородный отряд рыцарей.

Их кожаные доспехи с бронзовыми заклепками были заменены латами; для них выращивали более сильных коней, способных нести дополнительную тяжесть; и наконец — в то время как Артур праздновал триумф за триумфом, а полководцы и короли называли его амерадаром (императором) — появился на свет Круглый Стол и высокое собрание в Иска Силлуруме.

Так от битвы к битве продвигались мы вперед; наша слава росла, уверенность в собственных силах крепла и все новые солдаты пополняли наши ряды. Ночами мы бесшумно шли вдоль вражеских берегов в плетеных из ивняка и обтянутых кожей рыбачьих челнах, проскальзывали мимо стоящих на якоре длинных саксонских кораблей — и так продвигались вперед до тех пор, пока едва различимые глазу сигнальные костры на вершинах далеких холмов не обозначили границ освобожденной Британии.

Легион наш увеличился почти вдвое, и солдаты, угрожающие ворча, ждали только приказа уничтожить остатки саксов. А тут еще подоспело неожиданное подкрепление из Арморики — наши соотече-

ственники через моря пришли к нам на помощь на своих круглых кораблях и галерах.

Мерлин обратился к ним с призывом о помощи — и они благородно откликнулись.

В то время у нас был всего один военный корабль, «Придвен» — огромная парусная галера, построенная наудачу по найденным в одной древней книге чертежам, чтобы таранить и переворачивать вражеские суда. На протяжении многих веков ничего подобного не появлялось в британских водах. Корабль этот, вооруженный баллистами и стрелометами, приводился в движение веслами и парусами; с его бортов нависали галереи — средство против абордажа, — и «Придвен» возвышался над неповоротливыми круглыми кораблями и низкими галерами, словно гордый петух среди своего семейства: всеобщий защитник и покровитель.

Варвары уже выступили против нас из Уэссекса, а вражеский флот с тыла подошел к наземным войскам.

Мы встретились у горы Бадон и провели весь день и большую часть длинной лунной ночи в кровавой резне, в то время как на воде союзный флот покрыл себя славой.

Арморийские, ибернийские и саксонские галеры трещали по всем швам и полыхали огнем, взметавшимся до небес. В самой гуще судов, разбрасывая зажигательные снаряды и давя врагов форштевнем, двигался «Придвен» — наша плавучая крепость.

А потом для нас наступил мир; пришло время жить спокойно, любить и отдыхать, а для некоторых — время вынашивать планы предательства.

Мерлин задумал женить Артура на Гвинивере, дочери благородного полководца Лаодегана из Кармелиды. Переодетый Артур отправился туда, чтобы перед сватовством взглянуть на невесту, и прибыл в город как раз вовремя. Стены Кармелида были осаж-

дены воинственными горными разбойниками — но закованные в латы рыцари Артура разбили неприятеля наголову и отогнали далеко от города.

Войдя в Кармелид, Мерлин от лица Артура потребовал награды для спасителя города: руку Гвениверы.

Кое-кто потом болтал, что Мерлин сам устроил и нападение разбойников, и чудесное освобождение Кармелида, но я об этом ничего не знаю, ибо в то время находился далеко от тех мест. Однако я признаю Мерлина способным на подобный поступок: ум его часто выбирал окольные тропинки; человек этот был не из тех, кто идет напрямик, если путь к цели можно украсить каким-нибудь зреющим эффектом.

Однако на сей раз (если предположить, что эти сплетни правдивы) любовь Мерлина к показным трюкам сгубила и его самого, и Артура, и Гвениверу — и Британию. Ведь к тому времени Гвенивера уже любила некоего юношу по имени Ланселок, и он отвечал ей взаимностью.

Артур уже начал стареть; Гвенивера и Ланселок были значительно моложе него, и союз их казался вполне естественным — но разве мог честолюбивый отец отказать великому Пендрагону, спасителю города? Лаодеган повелел, Гвенивера как подобает послушной дочери повиновалась, — и начало злу было положено.

«Запретный плод слаще всех» — гласит древнее изречение. О том, что творится в императорской постели знали все вокруг, лишь благородный Артур, смелая и чистая душа, оставался в неведении долгие годы.

Но наконец некие Агривэйн и Медрод, родственники короля, которые стремились к власти, полагая, что достичь ее проще всего унизив властителя, принялись шпионить, наушничать и изливать яд на все

дорогое сердцу Артура — и с этим рухнули все наши надежды на будущее Британии.

Ланселок, Агривэйн и Медрод с родичами, вассалами и друзьями бежали в Уэссекс, спасаясь от гнева своего правителя.

Здесь они объединились с остатками саксонских сил и послали за море весть о том, что отныне пираты могут без опаски подходить к берегам Британии и безнаказанно убивать, насиливать и грабить, ибо король Артур поражен в самое сердце, а Рим давно забыл о своей потерянной колонии.

Так Шестой Легион снова выступил в поход, а саксы двинулись ему навстречу. Две огромные армиишли к роковому полю Камлан — и к погибели всей нашей славы!

АРТУР, МЕРЛИН И ВИВИАН

Не стану докучать моему Императору описанием этой катастрофы, ибо, несомненно, о печальных событиях того проклятого дня тебе рассказывали столь подробно, что ты имеешь куда более ясное представление о битве, нежели я сам. В конце концов, я был всего лишь центурионом, не посвященным в общий план сражения. Однако все наши планы расстроил густой холодный туман, спустившийся на поле в самом начале битвы: очень скоро наше войско рассыпалось на небольшие отряды, которые охотились за такими же разрозненными группами противника, убивая и принимая смерть в многочисленных ожесточенных схватках.

Потом, по мере угасания дня лязг оружия начал постепенно стихать. Потеряв свою центурию, я долго блуждал в тумане один — и наконец спешился с коня, которого ранее поймал скачущим без седока по полю битвы, и повел его вдоль берега, в то время как набегавшие на песок волны шепотом пели скорбный реквием всем моим надеждам. Казалось, сырой непроницаемый туман обволакивал и мою душу.

Небольшое солоноватое озеро, в котором я намеревался напоить коня, отделяла от моря узкая полоска суши — и, услышав плеск мелких волн среди зарослей осоки, обступающих сравнительно пресную воду, я свернул налево. Ни звука не раздавалось вокруг, лишь изредка вскрикивала морская птица, летящая вследу сквозь туман.

С протяжным вздохом конь поднял голову от воды; в этот момент туман внезапно рассеялся, и передо мной открылось пространство, протяженностью ярдов в сто. Мы стояли на краю узкого заливчика, а на противоположном его берегу я увидел страшные свидетельства кровопролитной битвы.

Мертвые тела лежали в воде и густо усеивали подернутый туманной дымкой песок. Но там были не только трупы.

Истекающий кровью человек лежал, приподнявшись на локте, а над ним склонялся мертвенно-бледный рыцарь. Доспехи воинов были изрублены в куски и залиты кровью. Я узнал обоих.

В умирающем воине я узнал Артура, в другом же — которому он слабым голосом приказывал что-то — одного из самых верных вассалов короля, сэра Бедвира. Я окликнул их, но Артур был слишком слаб или слишком поглощен своими мыслями, чтобы услышать меня. Однако сэр Бедвир глянул в мою сторону и поднял руку, призывая меня к молчанию.

Артур повторил приказ, и на сей раз сэр Бедвир повиновался: он поднял огромный меч Артура, Калибурн, и скрылся с ним в тумане. Холодная завеса снова опустилась передо мной; сквозь туман я двинулся верхом вокруг залива — и наконец, заслышав голоса, остановился.

— На сей раз ты не ослушался меня? — спросил Артур.

— С глубоким прискорбием я выполнил твой приказ, мой король.

— И что ты видел и слышал?

— Я бросил меч в воду, как ты повелел — и когда он описывал в воздухе сверкающую дугу, вдруг раздался душераздирающий стон, и из воды высунулась длинная рука в пристежном рукаве из белой парчи. Рука поймала Калибурн, трижды взмахнула им и увлекла под воду, в то время как над озером зазвучал хор голосов, исполненных горечи и печали.

— Итак, Калибурн вернулся в ту руку, которая вручила его мне, и будет доверен следующему спасителю Британии. Странно, что я ничего не слышал.

— Да, мой король, как ни горько, но слух твой уже внемлет не земным звукам.

— Так скоро? Едва я успел начать свое дело!

И с этим восклицанием Артур закрыл глаза. Я направился к раненому, не в силах понять, смерть ли осенила его своим крылом или это простой обморок.

Сэр Бедвир двинулся мне навстречу и шепотом разъяснил смысл сцены, свидетелем которой я оказался.

— По-видимому, он потерял голову от отчаяния. Раны его опасны, но едва ли повлекли бы за собой смерть, сумей я остановить кровотечение. Мне кажется, что душа его умирает. Повелитель твердо убежден, что наступил конец — для него, для всех нас и для Британии. Вот почему он попросил меня бросить его великий меч в озеро.

Да простит меня Бог! Я — рыцарь, нарушивший клятву. Я солгал умирающему. Можешь ли ты понять меня, центурион? Как мог я выбросить Калибурн? Этот меч стал символом для нашего народа. После смерти Артура остатки нашей армии смогут спло-

титься лишь вокруг некой святыни. Ты знаешь сам: толпа нуждается в кумире — будь то герой, орел или священная реликвия. Солдаты превращаются в титанов, когда им есть что защищать и есть за чем следовать; иначе они всего лишь — простые люди, боящиеся смерти и боли. Они будут драться, как демоны, лишь бы меч Артура не попал в руки саксов.

Я опустился на колени и принялся обследовать глубокие раны на боку и на бедре короля, но все мои попытки остановить кровотечение оказались не более удачными, чем попытки сэра Бедвира. Последний помогал мне перевязать Артура, между делом продолжая повествование.

— И вот я бросил в озеро украшенные драгоценностями ножны и солгал своему королю. Не было никакой руки в парчовом рукаве и никаких скорбных стенаний над озером — лишь круги на воде да вскрик морской птицы.

— То же самое было бы, если бы ты бросил и меч вслед за ножнами, — пробормотал я. — Оторви-ка мне еще одну полосу от этой рубашки.

Рыцарь печально улыбнулся.

— Если Артур умрет сейчас, то умрет со спокойной душой: полагая, по крайней мере, что я выполнил его приказ. А если он выживет, то, надеюсь, поймет благородство моих побуждений и простит меня. Как ты думаешь, правильно я поступил?

— Безусловно, — согласился я. — С мечом Артура в руках мы можем бежать в горы, собрать вокруг себя новые силы и снова пойти на врага. Только бы остановить это проклятое кровотечение!

Губы Артура приобрели землистый оттенок, и я удивлялся тому, что он еще дышит, ибо каждый слабый вздох его казался последним.

Услышав звук шагов, я вскинул голову и схватил-

ся за меч, но тут же расслабился. Около нас стояли старцы в длинных просторных одеяниях, с бородами, какие носят мудрецы, — это появился Мерлин со своими Девятью Бардами, и никогда еще я так не радовался при виде этой таинственной личности, как сейчас.

Мерлин не стал терять времени на разговоры, но отстранил нас обоих, быстро осмотрел раны, надавил пальцами на основание черепа и на две точки на спине Артура, потом знаком велел нам отойти.

— Великий Пендрагон умирает.

Барды начали горестно причитать, но мудрец оборвал их.

— Тише! Это нам не поможет. Исцелить короля я не в силах, лишь время может сделать это. Но я могу приостановить его угасание до тех пор, пока мы не найдем безопасного укрытия.

Щупальца тумана подползали к нам все ближе и становились все гуще. Мы следили за проворными пальцами мудреца: он, тихой скороговоркой произносил какие-то невнятные слова, ловко перевязал ужасные раны, кровь из которых не струилась больше. Изредка до слуха моего доносились отрывочные фразы на латыни и кимрийском — но в основном это были сочетания свистящих и шипящих звуков, не похожие ни на одно из местных наречий.

В паузах между длинными заклинаниями туман, казалось, становился все гуще, в то время как где-то рядом, сразу за пределами узкого круга нашего зрения, звучали приглушенные отголоски — словно Мерлин молился за жизнь Артура, а холодные уста тысяч британцев, лежащих на поле Камлан, откликались на его призывы.

И сквозь туман до нас доносился неумолчный

плеск воды у дальнего берега. Но у дальнего ли? Звук как будто становился ближе.

Одн раз Мерлин смолк и прислушался, но вскоре опять взялся за свои заклинания.

Внезапно я почувствовал, как холодная вода лизнула мои ступни. Оказалось, я, сам того не замечая, стоял в луже озерной воды. Я шагнул повыше на холм, где стояли осталльные.

— Он умер? — взволнованным шепотом спросил сэр Бедвир, и Мерлин покачал головой.

— Он давно мог умереть, но я остановил его дыхание, и он будет жить.

— Остановил его дыхание? Но ведь это верная смерть!

— Ну, не совсем остановил, — улыбнулся Мерлин. — Изредка Артур будет делать вздох — возможно, раз в день — а тем временем его жизненная сила восстановится. Сейчас он обескровлен почти полностью. Мы перенесем короля в безопасное и тайное место, где я смогу прятать его, пока он не исцелится и не обретет способность вновь сражаться за Британию.

Я снова шагнул из воды. Может, я увязаю в топи? Почва под ногами казалась твердой.

— Как долго он будет спать? — спросил сэр Бедвир.

— Дольше, чем ты можешь себе представить. Твои кости обратятся в прах, и могила исчезнет с лица земли, прежде чем Артур заснет по-настоящему крепко! Сейчас я не могу объяснить тебе все — слышишь лязг оружия? То неприятель крадется в тумане. Живее, Варрон! Помоги моим людям положить Артура на коня. Надо бежать!

Повинуясь приказу мудреца, я шагнул вперед, и снова из воды — на расположенный выше участок

сухой земли. Я оглянулся. Никем не замеченная вода озера украдкой подползала к нам, чтобы окружить и отрезать от внешнего мира.

Я тихо указал на это Мерлину. Глаза его слегка расширились, потом он рассмеялся.

— Ах, Бедвир! Лучше бы ты вернул Калибурн той леди, которая одолжила его королю. Моя супруга Вивиан довольно скupая особа и может затаить на нас злобу за то, что мы обманули ее. Я прекрасно помню, как однажды она держала меня околованным в лесу Броселиана. Поспешим же, пока вода не поднялась!

Огромная волна хлынула с озера, прошла по заливчику, ударила о наши колени и неохотно откатилась назад, словно не желая отпускать нас.

— Скорей, скорей! — подгонял спутников Мерлини.

Снова раздался лязг оружия — на сей раз значительно ближе, чем прежде, и скоро до нашего слуха донесся грубый говор саксов.

Они были уже совсем рядом. Сэр Бедвир взглянул на меня, а я на него. Мы с ним были единственными вооруженными людьми в группе — поэтому, не сговариваясь, повернули назад, но не успели сделать и нескольких шагов, как вновь услышали грохот чудовищной волны, которая обрушилась на только что оставленный нами склон.

На сей раз за ревом воды послышались и другие звуки: вопли ужаса и боли, предсмертные вскрики, стоны и горькие рыдания смешались с громким чавканьем и мычанием — казалось, туман милосердно скрывал от нашего взора некое ужасное существо, пожирающее свои жертвы.

Мы остановились, потрясенные. Мерлин призывал нас присоединиться к остальным.

— Скорей, не медлите! Скоро она поймет свою ошибку! Надо уходить подальше от этого проклятого места.

— Кто это? — выдохнул я.

— Любимец Вивиан, Аванк. Чудовище озера. Мы обманули и его, и ее. Она, вероятно, недовольна тем, что я помогаю Артуру, и наверняка разъярена потерей Калибурна, который, согласно условиям сделки, должен был быть ей возвращен.

— Выслушай меня, моя любезная супруга, и запомни! — прокричал мудрец в туман. — Меч Артура теперь у меня, и я буду хранить его впредь. Таким образом я отплачу тебе за годы заточения в Кольце Дымного Воздуха.

И Мерлин вновь повернулся к нам:

— Бегите отсюда! Спасайтесь же! Быстрее!

Мы побежали рядом с рысящим конем. Первые несколько минут все было спокойно; затем земля пошла волнами, словно разъяренное море. Она содрогнулась раз, второй, третий — мы все попадали, потом вскочили и бросились сквозь туман не разбирая дороги.

Тогда за нашими спинами раздался страшный грохот, словно все море разом хлынуло на окровавленный берег, — и наступила продолжительная тишина. Затем последовал мощный рев новой набегающей волны — теперь уже, к счастью, безопасной для нас, — и снова воцарилась тишина.

Где-то совсем рядом за стеной тумана раздался женский смех. Долгий, тихий, невыразимо зловещий смех. Мелодичный, приятный, но — о! — какой зловещий!

Просто смех и ничего более — но в нем таился некий намек. Казалось, та, что смеется, знает что-то,

что-то очень важное для нас, о чём мы не можем и догадываться.

Мы посмотрели на Мерлина. Он молча покачал головой.

Владычица озера что-то сделала, чтобы отомстить за нанесенное ей оскорбление, отомстить за Ланселока (по слухам, приходящегося ей родственником) и причинить вред всем нам — но что именно это было, мы не знали.

Мы продолжали наш путь в тумане, уходя все дальше от моря, — и сколько мы могли слышать, за спиной нашей журчал тот мелодичный приятный смех, от которого кровь стыла в жилах.

СПЯЩИЙ И ПРОВИДЕЦ

Нет нужды, мой Император, утомлять тебя сухим подробным описанием всех наших разговоров, мыслей и действий в последующие дни. Не за тем я пишу тебе. Скажу только, что несколько ночей мы тайно пробирались по вражеской территории, подбирая в дороге отставших от войска солдат. Наконец численность нашего отряда выросла до сорока человек, и мы смогли идти открыто при свете дня. Путь наш лежал к родной провинции Артура, Лайонессу, ибо король часто выражал желание быть похороненным в его родном селении Авалоне. В пути мы дважды вступали в бой с бродячими отрядами саксов. Но неподалеку от Лайонесса нам повстречались обезумевшие от ужаса беженцы, спасающиеся от угрозы, более страшной, чем морские разбойники — от самого моря! Ибо, по их словам, плодородная и многолюдная провинция Лайонесс на кануне рокового сражения на поле Камлан погрузилась в море!

Да, шестьдесят селений и деревень — в том числе и Авалон Артура — с церквями, домами и всем на-

селением лежали под водой, и ничто не напоминало об их существовании, кроме нескольких вершин холмов, видневшихся над поверхностью мутного желтого моря.

— Ты думаешь, это Вивиана? — спросил я Мерлина.

Он молча кивнул, а девять его бардов ответствовали «Увы!» голосами, торжественными, как звон затонувших колоколов.

Мы поспешили сквозь густой лес и вышли к заросшей кустарником низине, куда прибывающей водой вынесло трупы людей, коров и множество дохлой рыбы, убитой подводными взрывами, которые сопровождали потоп.

Мерлин вел нас к какой-то намеченной им цели, мы двигались следом: впереди шли девять бардов, за ними я, ведя под уздцы коня с телом Артура — бездыханным и пожелтевшим, но теплым и гибким, — а замыкали шествие легионеры, которые признали во мне военачальника, хотя лишь двое из них принадлежали моей центурии, остальных же я видел впервые.

Из леса мы вышли к огромной белой скале и, взобравшись на нее, устроили привал. Долго смотрели мы на затопленную землю, погубленную колдовством и злой, и следили за тем, как поднимается вода, отрезая нас от внешнего мира. Мерлин же сидел поодаль, погруженный в раздумья о будущем.

С началом отлива мы спустились вниз, оставив провидца наедине со спящим королем. На опушке рокового леса мы разбили лагерь и ждали — три дня. Все это время над вершиной горы висело густое черное облако, не похожее ни на туман, ни на дым, которое даже под яростными порывами ветра оставалось неподвижным, — и те из нас, кто отличался острым слухом, утверждали, что слышат доносящееся

из тучи бормотание на некоем незнакомом наречии. Также, согласно их заверениям, они слышали, как разнообразные невидимые существа проносятся над нами в воздухе и спешно устремляются к вершине горы, переговариваясь между собой в пути.

Что же касается меня, то я ничего такого не слышал — и по моему мнению, шумы эти свидетельствовали всего лишь о действии вулканических сил, все еще продолжавшемся в районе затопленной провинции.

Наконец Мерлин спустился к нам, и облако исчезло — как сам Артур, и слава, и честь его царствования. Где упокоился король с зажатым в руке славным мечом Калибурном, Мерлин не сказал; сказал лишь, что место это безопасное, и там никто не найдет Артура до тех пор, пока не придет время его пробуждения.

Так не волнуйся же о спасителе Британии, о мой Император! Ибо Мерлин-мудрец уверил меня, что в один прекрасный день Артур восстанет ото сна! И будет великая война, примут в ней участие все племена, имеющие хоть каплю британской крови. Тогда проснется Артур, возвестит о себе и поразит Калибурном врагов Британии. И окончится война, и вечный мир воцарится на всей земле!

Так сказал нам Мерлин. И поведал также, что написал все это неподвластными времени кимрийскими, огамическими и латинскими письменами на стенах обители Артура, и закрыл вход в нее искусно подогнанным к отверстию камнем, на коем начертал:

«Здесь покоится Артур. Король в прошлом и король в будущем».

Но, о Император! — если сейчас Британия вновь занята римскими легионами, то, дабы ни у кого не возникло соблазна разыскать сию тайную обитель и проникнуть в нее, предупреждаю: Мерлин поставил

там стражей. Артур не может и не должен пробудиться прежде назначенного срока. Об этом заботятся стражи. Это не люди: они никогда не спят и не отыкают, не едят и не пьют, не устают, ничего не забывают и никогда не умирают! Они должны следить за тем, чтобы печать на входе в пещеру оставалась нерушимой. Берегись! Стражи опасны и будут ждать, как повелел им Мерлин, пробуждения Артура — наступит ли оно через тысячу лет или через три тысячи. Не знаю, да и не наше это дело. Но там они, Хранители — Стражи!

На следующее утро мы вновь двинулись в путь, направляясь вдоль берега на запад, и спустя некоторое время достигли последней границы Британской земли, дальше за которой простирался лишь бескрайний океан. Здесь, на самом краю высокого скалистого обрыва покоялся огромный валун, так хитро уравновешенный, что его легко можно было покачнуть при коснении руки — но и множество быков не смогло бы сдвинуть камень с места. Впрочем, при желании его можно было приподнять при помощи разнообразных рычагов.

Из-под своих одеяний Мерлин извлек заранее приготовленную бронзовую табличку, содержащую повествование обо всем, что с нами случилось, наставления для входящего в Королевские покой и предупреждение для опрометчивых.

Снова мы оставили провидца одного; снова стутилось над скалой черное облако, и издалека мы узрели чудо, не поддающееся объяснению. Огромный тяжелый валун поднялся в воздух на высоту человеческого роста!

Эта работа, едва ли посильная Титану, была произведена бесшумно и с очевидной легкостью. Насколько мы могли судить, Мерлин просто дотронулся до валуна — и тот взмыл вверх.

Наклонившись, Мерлин положил пластинку под камень, и тот опустился на место, дабы надежно хранить тайну до того времени, которое Мерлин по возвращении к нам описал следующим образом.

— Когда наступит миг пробуждения Артура, содрогнется земля, качающийся камень рухнет с обрыва, и Лайонесс поднимется из моря. Тогда, согласно моему видению, люди найдут спрятанное мной послание, прочитают его, постигнут и повинуются моим указаниям. Когда же затопленные ныне земли станут достаточно плодородными для того, чтобы в Авалоне вновь зацвели яблони, то порой цветения яблонь люди войдут в покой спящего, разбудят его, не страшась Стражей, — и век мира наступит на земле.

Тебе, мой Император, все это может показаться фантастическим, но ты бы ни на минуту не усомнился в словах старца, когда бы слышал их собственными ушами. Ты можешь подумать, что Мерлин был колдуном — и действительно, временами мудрец прибегал к колдовству (как будет видно дальше), но страшился этого чрезвычайно. Христианские убеждения Мерлина боролись с его друидическими знаниями, и он чувствовал, что применение черной магии чревато для него адским пламенем.

Мерлин был наследником всего утерянного знания древних, и колдовство его большей частью состояло из ловких трюков, имеющих совершенно естественные объяснения — просто скрытый механизм этих чудес оставался тайной для толпы. Мир поседел от старости и забыл многое.

И вот, завершив нашу миссию, мы решили, что пришла пора позаботиться и о собственном благополучии. Мы собрали совет для обсуждения дальнейших действий — и тут мнения наши разошлись.

Некоторые предлагали уйти глубоко в горы, сбрать вокруг себя других спасшихся воинов и, вос-

становив силы, продолжать борьбу за свободу. Этот план выдвинул сэр Бедвир, и многие согласились с ним — но я возражал. Мне казалось более разумным погрузиться на корабль и отплыть в Арморику в расчете найти там соплеменников, которые проводили бы нас к Риму.

— Впоследствии можно будет снарядить карательную экспедицию, подобную той, что приходила из Галлии, — продолжал я. — Безусловно, Британия представляет слишком большую ценность для Империи, чтобы так легко отказаться от нее..

И наконец Мерлин пресек наш спор.

— Ты, сэр Бедвир, и ты, центурион, думаете только о возвращении Британии, но поверьте мне: оно невозможно. Сама Империя умирает, центр власти смещается на восток. Британия была утрачена для целого поколения, и единственная надежда на восстановление римско-британского господства погибла, когда предательство и заговор привели нас на поле Камлан. Та же участь ожидает и Галлию: скоро и она будет навсегда потеряна для Рима.

Сейчас Британия принадлежит сильнейшим — и будет поделена между ними. Нам же остается бежать, и не в Рим, силы которого иссякают, но в другую страну, известную по рассказам древних.

Представьте теперь, что далеко за западным океаном лежит страна, не известная ютам, англам, саксам и скандинавам; земля, во времена отдаленные известная Риму, но ныне забытая всеми, кроме ученых мужей. Разве не стоит посетить ее, исследовать — возможно, покорить и основать на ней для нас, бедных изгнанников новый дом, новые владения, в которые Рим сможет послать свои флотилии с переселенцами, если написк варваров станет слишком сильным? В существовании этой страны я уверен.

Во-первых, говорят, тиренские моряки поставляли Иудейскому царю Соломону драгоценные металлы из рудников той земли. Греческий поэт Гомер упоминает

о лежащих за океаном западных землях, где, согласно утверждению Плиния, обитают западные эфиопы. Платон сообщает о затонувшем континенте, называемом Атлантидой, — но в данном случае речь идет не о нем, ибо Анаксагор также говорит о лежащей за океаном огромной части света — сухой и незатопленной.

Историк Теопомп рассказывает о неких меропийцах и населенном ими материке, находящемся за западным океаном и превосходящем размерами весь известный нам мир. А Аристотель утверждает, что карфагенские мореплаватели открыли этот континент и осели в южной его части, но их Сенат запретил кому-либо отправляться туда и перебил всех поселенцев, дабы сохранить знание об этой земле втайне — ибо карфагеняне желали, чтобы страна сия оставалась для них убежищем, если на республику падет какое-нибудь бедствие. Но они потеряли свой морской флот во время Пунических войн.

Стаций Себозий называет эту землю «Двумя Гесперидами» и говорит, что достичь ее можно за сорок два дня морского путешествия. Требуются ли вам более убедительные доказательства, чем все вышеизложенные?

— Но это нелепо! — фыркнул сэр Бедвир. — Во всей Британии не сыщется судна, оснащенного для подобного путешествия! Для нас гораздо лучше было бы пополнить свои ряды, восстановить силы и вновь ударить по саксам.

— Ты забыл о «Придвене». Дромон Артура стоит в безопасности у Иска Силлурума. Впрочем, может быть, саксы захватили и сожгли этот город. Но если мы найдем «Придвен» в целости и сохранности, поплыvешь ли ты с нами?

— Только не я, — решительно ответил сэр Бедвир. — Я родился и умру в Британии. Как?! Осмелилось ли я пуститься в плавание на корабле, отягощенном металлом до такой степени, что легчайшее

дуновение ветерка может перевернуть его? Пусть меня убьет сталь — но не олово.

И сэр Бедвир поведал нам, что корнуоллские рудокопы подарили Артуру огромное количество олюва для отделки корабля, и Император обшил «Придвен» оловянными листами, полагая, что такая броня защитит от зажигательных снарядов и предотвратит обрастане корпуса морскими ракушками. Вот поэтому «Придвен» и сверкал столь ярко, что многие называли его «Стеклянным домом».

— Страхи твои необоснованы. Вещая душа моя говорит мне: я и все, кто поплывет со мной, увидят те земли — и они могут оказаться теми самыми Островами Блаженных, о которых вы слышали еще сидя на коленях матерей. А почему бы и нет? Мудрый географ Страбон верил в них. Неужели мы посчитаем его выдумщиком? Вероятно, меропийцы уже путешествовали на восток и открыли для себя Европу, ибо выдающийся историк Корнелий Непот утверждает, что Квинт Метелий Целер в бытность свою проконсулом в Галлии в шестьдесят третьем году до рождества Христова получил в дар от короля Ботавии неких загадочных чужестранцев. Они сообщили, что плыли от своих земель через океан строго на восток до тех пор, пока не высадились на побережье Бельгики.

Возможно, именно это и вдохновило Сенеку сто тридцатью годами позже пророчествовать в своей трагедии «Медея» следующее:

«Спустя века настанет эпоха, когда океан ослабит свои узы, и огромный континент станет досягаемым для нас, и откроются нам новые земли. Тогда Фула не будет больше самой отдаленной страной, известной в мире».

С этого пророчества прошло четыреста пятьдесят лет. Если мы поплывем на запад и откроем некую землю, то уже не сможем назвать себя первыми, ибо мы всего лишь отправимся по следам тех, кто шел

здесь раньше, и ведь они путешествовали на менее надежных судах, чем наши.

Рыбаки из Арморики, родственный нам народ, на своих утлых скорлупках ежегодно ходили в простирающиеся к северу от этих земель промысловые воды. А менее чем сто лет назад Мэлдун из Ибернии и семнадцать его товарищей были унесены в море в хрупких плетеных и обтянутых кожей челнах и, говорят, достигли огромного острова, где росли чудесные орехи с белыми как снег ядрами.

Так что, видите сами, западные земли существуют и достичь их можно. Более того, даже в наше время некий Брандон, монах из Керри — тот самый, что недавно основал монастырь в Клонферте, — был там не один раз, но дважды! А он не располагал таким большим военным кораблем, как «Придвен», и путешествовал на обыкновенном торговом судне, обшитом толстыми шкурами. Брандону и его людям потребовалось сорок дней (почти столько, сколько говорил Стаций Себозий), чтобы достичь таинственной страны.

Итак, кто из вас отправится со мной и покажет себя настоящим мужчиной?

— Я согласен! Чего нам ждать здесь? Смерти? Рабства? Вырождения? Давайте же все вместе отправимся на поиски этого земного рая, земли Тир-нан-ог, страны Хай Брэзил, Остров Счастья и Блаженства!

Так вскричал я в порыве воодушевления.

Потом, конечно, между нами разгорелся спор, высказывались доводы «за» и «против», и в конце концов отряд разделился. Многие, боясь морских чудовищ, демонов и прочих химер, предпочли остаться и, избрав сэра Бедвира своим военачальником, направились к диким горам — мне неизвестно, погибли ли они, не успев скрыться среди холмов, или ведут с тех пор тайную жизнь изгнанников.

Мы же купили в маленьком порту обтянутые

шкурами рыбачьи лодки и, держась берега, проплыли через мутные воды потопа, затем вышли в более чистые и, наконец, не встретив по пути ни одного саксонского корабля, достигли Иска Силлурума. К великой нашей радости, издалека увидели мы сверкающие борта «Придвена» и золотой блеск стража — гения Иски, стоящего на высоком столбе, — все это говорило о том, что мы вступаем в свободную и дружелюбную провинцию.

Итак, мы нашли его, маленький кусочек свободной земли, ограниченный четырьмя городами: Аква Сулисом, Кориниумом, Глевилем и Гобанием; крохотный островок свободы в море варваров — и как же не хотелось нам пожидать безопасный порт Иска для путешествия по ужасному морю Тьмы!

И все-таки месяцем позже мы покинули его. Сто воинов, не считая полной команды матросов и тридцати саксов, чьи сильные спины, по нашему мнению, могли оказаться полезными при полном безветрии. Это были заключенные, приговоренные к смерти, и мы взяли их, дабы восполнить нехватку гребцов. Было бы лучше, если бы их оставили умереть под топором.

Итак, мы повернулись спиной к Британии, чтобы никогда больше не увидеть ее.

МАЛЕНЬКИЙ КОРАБЛЬ И ВЕЛИКОЕ МОРЕ

Я не хотел бы утомлять тебя, Повелитель, скучным отчетом о нашем плавании, но хочу остановить твоё внимание на наиболее важном.

Когда твой флот из военных и исследовательских судов будет готов к отплытию, обеспечь его большими запасами провизии — ибо море обширно.

Пусть твои моряки, отойдя за пределы видимости берега, держатся лицом к заходящему солнцу — и они найдут землю, ожидающую твоего владычества.

Если шторм сбьет корабли с курса, то после приблизительно сорока дней движения на запад нужно повернуть на север или на юг и плыть вдоль побережья земли, называемой местными жителями Алата, и скоро твои моряки найдут — как нашли мы — широкий залив, в который впадает величественная река.

Пусть они отыщут эту реку, ибо в устье ее лежит укрепленный город, а в нем твоих людей ожидают проводники, которые доведут их до моей столицы.

Запаситесь водой как следует. В ней скрыта сама жизнь, ибо море столь обширно, что наш корабль носило по волнам почти два месяца, и, когда бы не обилие дождливых дней, мы бы едва ли выжили, хотя четыре раза высаживались на разных островах и наполняли водой фляги, ведра, кувшины и даже, чашки перед тем, как покинуть гостеприимные берега для дальнейшего похода на запад.

Несмотря на трудности, мы, римские британцы, не ссорились между собой, но уже на десятый день путешествия познакомились с норовом своих рабов.

Сначала мы разместили всех саксов на скамьях для гребцов по левому борту, полагая, что работа единой командой против команды свободных людей пробудит в них дух соперничества и будет способствовать лучшему взаимопониманию между нами. Пусть они были нашими врагами — мы уважали их как доблестных воинов и надеялись с выгодой для себя использовать их сильные спины. Но саксы были мрачны, озлоблены и гребли недобросовестно: погружали весла в воду с опозданием и препятствовали движению корабля вперед всеми возможными способами.

Тогда мы разделили их на две группы по пятнадцать человек и посадили через одного со свободными гребцами. Эта система — с использованием кнута — работала лучше. Хотя саксы по-прежнему оставались угрюмыми и злобными, но при хорошей и плохой погоде «Придвен» равно продвигался вперед — иногда под парусами, иногда на веслах — неуклонно стремясь на запад. И в «вороньем гнезде» постоянно находился впередсмотрящий, ибо к этому времени даже Мерлин не знал точно, сколько еще придется ждать появления земли.

На десятый день перед восходом солнца отчаявшиеся, истосковавшиеся по родине саксы выступили

против нас единственным оставшимся у них способом, предпочитая смерть вечному рабству.

Пронзительный вопль разбудил меня, дверь в каюту с треском распахнулась и в нее с криком «Пожар!» ворвался Марк, сын моей сестры. Я вскочил и, без оружия, в ночном платье, выскочил наружу.

На нижней палубе горел настил под скамьями для гребцов. Огонь быстро распространялся вдоль бортов, пожирая кожаную обшивку вокруг отверстий для весел, и поднимался высоко в небо, бросая на паруса алые отблески.

Огонь вспыхнул не в одном месте, а сразу в нескольких, но языки пламени стремительно побежали навстречу друг другу и мгновенно слились в огромный ревущий костер. Матросы спешно образовывали пожарную команду, и скоро в огонь вылилось первое ведро воды. Но за тушением пожара я не следил.

Передо мной предстало зрелище куда более впечатляющее: поведение потерявших надежду, отчаявшихся людей, столь отважное и решительное, что я просто не в силах описать его должным образом. На одной из скамей по середине левого борта трое рабов были объяты пламенем!

Двое из них уже задохнулись в дыму и умерли — или находились при смерти, — ибо головы их бес усилия свесились на грудь и длинные волосы полыхали. Третий же, заметив мой потрясенный взгляд, дико торжествующе расхохотался в предсмертных муках и ударил себя в грудь обуглившейся и покрытой волдырями рукой.

Потом он запел! Никогда не забыть мне этой картины, запаха горелого мяса, яростного треска огня и той ужасной неистовой песни:

Скот умрет, цари умрут,
Все умрут — и мы умрем.
Но вовеки не умрет
Слава доблестных героев!

Глаза его закрылись, и я решил, что сакс потерял сознание. Но внезапно он вскинул голову и вскричал (то был радостный клич, вдохновляющий, как зов трубы):

— Смелее, друзья! Отправимся же к Одину, как подобает мужчинам! — И скатился со скамьи в огонь, бездыханный.

О боги! Как отчаянно дрались саксы, когда мы пытались потушить устроенный ими пожар. Изо дня в день выливали они выдаваемое им с пищей масло на настил, пока оно не пропитало все доски, — наконец все было готово, тогда один из закованных в цепи рабов передал товарищам тлеющие угли от находящегося поблизости факела, и когда у каждого сакса в руках оказался раскаленный уголь, они подожгли настил!

Рабы отчаянно пытались помешать нам потушить огонь, надеясь, что все мы сгорим. Но в конце концов нам удалось согнать оставшихся в живых саксов на корме и взять их под стражу — причем не все они были в состоянии идти туда на своих ногах: их несли на руках товарищи, те, что не были до полусмерти избиты дубинками.

Естественно, когда пожар потушили, мы, объятые яростью, вряд ли могли проявить к мятежникам милосердие.

— За борт их! — хором кричали люди, тесно обступив рабов. Но вдруг вперед вышел Мерлин.

— Послушайте, что я вам всем скажу, — мягко вмешался он. — Саксы, погиб ли ваш вождь?

— Я Вульфгар Железное Брюхо, и я жив, — прорычал желтобородый великан, проталкиваясь вперед.

— И я, брат его, Гутлак, тоже жив, — эхом отозвался другой, должно быть близнец вождя, выступая вслед за братом. — Говори с нами обоими, старик, и мы выслушаем тебя.

— Во-первых, — начал Мерлин, — ответственность за это странствие лежит на мне. Зная ограниченность своих сил и не имея опыта морских путешествий, до сих пор я не вмешивался в дела, касающиеся жизни и работы на корабле. Но сейчас я не могу видеть, как люди — достаточно смелые, чтобы искать свободы в мучительной смерти, и достаточно отважные, чтобы спокойно наблюдать за страданиями своих сограждан и за подползающим к ним самим смертоносным пламенем — принимают бесмысленную смерть, лишая корабль почти трех десятков столь бесстрашных душ. Саксы, отныне вы свободные люди!

По толпе прошел беспокойный ропот. В своем ли Мерлин уме?

Саксы недоверчиво переглядывались. Правильно ли они поняли старца?

— Вы свободны, — повторил Мерлин. — Но на определенных условиях. Само собой, мы не можем повернуть назад, а цель путешествия, вероятно, неизвестна вам. Мы совершаляем поход к окраине мира в поисках новых земель, известных нам по свидетельствам древних. Никто не может сказать, что ожидает нас там и вернемся ли мы когда-нибудь на родину. Зная, что позади остаются лишь руины, смерть и несчастное будущее, мы двинулись на запад — туда, где наша вера разместила Страну Блаженных. Возможно, мы найдем ее. И, весьма вероятно, не найдем.

Саксы! Я прошу вас стать в наши ряды, чтобы вместе с нами попытать счастья, вместе с нами переносить голод и жажду и преодолеть таящиеся в чужой земле опасности ради радости открытия и приключений. Короче, я готов считать всех вас своими братьями. Саксы! Ответите вы мне «да» или «нет»?

Саксы посовещались между собой приглушенными голосами. Потом Гутлак с братом ударили по рукам, и глаза их засверкали на покрытых копотью лицах.

— Какую дивную историю принесем мы домой, Вульфгар!

— Полагайся на нас, как на свободных людей, находящихся под твоим началом, Вилас.

Собрание стало расходиться, и я последовал за Мерлином в его каюту.

— Во имя божье, в своем ли ты уме? Разве ты не понимаешь, что теперь слухи об открытых на западе землях достигнут и саксов? И эти пираты тут же бросятся разорять новые колонии Рима!

Мерлин покачал головой.

— Не беспокойся о пустяках, Варрон. Никто из них никогда не увидит родины. Это уже обреченные люди.

Я в изумлении уставился на мудреца. Временами Мерлин просто пугал меня.

— Тебе что-то известно? А как же мы сами? Останемся ли в живых мы?

— Я знаю больше, чем ты думаешь, но меньше, чем мне хотелось бы. Я могу предвидеть многое, но не все, далеко не все. В будущем скрыты тайны, не доступные ни мне, ни любому другому человеку, и все известные мне сведения могут оказаться неполными или неважными — ибо будущее непостоянно и подвержено изменениям. Но не беспокойся о том, что саксонские пираты разорят римские поселения на земле Брандона: этого никогда не будет.

Тогда я поверил ему, и теперь знаю, что слова его были истинны.

Итак, мы упорно шли вперед сквозь шторма столь сильные, что кипящие валы с легкостью перекатывались через фальшборт. Мы познали тягость безоста-

новочного движения сквозь мир, сплошь состоящий из воды, на неустойчивом, неповоротливом корабле, едва слушающемся рулевого. Мы изведали отчаянье из-за сломанных весел и разорванных парусов и горечь при виде матросов, скорее мертвых, нежели живых — измученных бессонницей и борьбой с бушующей стихией; матросов, которые, несмотря на слабость, откачивали воду без передышки, дабы очередная водяная гора, обрушившись на палубу, не завершила дела и не отослала всех нас к Нептуну.

Но Мерлин не давал нам упасть духом и разувериться в своем предводителе. И даже когда казалось, что нам суждено путешествовать до седых волос, мы продолжали наш трудный путь через великую Реку Океан.

Наконец ветра перестали дуть, даже легкой зыби не появлялось больше на глади воды — настало время «спустить весла и грести», чем мы и занимались целую изнурительную неделю. Но никто из нас не впал в отчаяние, ибо Мерлин сказал, что Брандон достиг этого места и миновал его целым и невредимым, хотя плавучие водоросли и затрудняли движение корабля. Следовательно, мы находились на верном пути. Сердца наши вновь исполнились надеждой, но внезапно на море спустился густой туман, и три дня мы не видели ни солнца, ни звезд — и наш капитан едва не лишился рассудка от беспокойства и страха.

Тогда Мерлин порылся в своих вещах и достал полую железную рыбку, которую с величайшей осторожностью — словно вещь необычайной ценности — опустил в ведро с водой.

Рыбка моментально повернулась вокруг своей оси и указала носом на юг, а хвостом на север, будто была живой и разумной. Наш капитан долго не

решался смотреть на нее: он мало доверял Мерлину и, полагаю, сомневался в существовании каких-либо земель, кроме уже известных ему.

— Запомни, достойный путешественник, — сказал Мерлин, — боковые плавники рыбки указывают на запад и на восток — и ориентируйся по ним. Следи за тем, чтобы эта рыбка не потерялась, ибо я ценю ее гораздо выше, чем ты думаешь: вещь эту подарил мне один желтоожий странник, который с ее помощью пересек широкие степи Скифии и прибыл на остров Самофракию, где мы с ним и встретились.

И не страшись грядущих дней. Брандон писал, что за морем Безветрия лежит прекрасный остров, населенный мудрыми людьми, — среди них мы сможем найти пристанище.

Мы продолжали грести. Солнце и звезды снова показались на небе. Наши запасы пищи иссякли. Мы наполняли желудки водой до отказа и вновь налегали на весла, находя в словах Мерлина слабое утешение, пока иаконец в один прекрасный день не задул ветер и не подхватил наш корабль — и тогда все мы упали на колени и вознесли благодарность разнообразным богам — христианским и языческим, — ибо мало у кого из нас к этому времени остались еще силы ворочать веслами.

Повторяю, Повелитель, возьмите большие запасы продовольствия — иначе твои люди окажутся в том же состоянии, в каком к этому времени оказались мы, всерьез споря, должен ли кто-нибудь из нас, бедных голодающих, умереть, дабы стать пищей для остальных. Мерлин уберег нас от греха. В этой бескрайней водной пустыне он нашел для нас пропитание!

Здесь я должен заметить, что за все долгое стран-

ствие мы не встречали никаких морских чудовищ, о которых так много говорится в легендах, хотя и наблюдали разные странные явления, наполнявшие нас ужасом.

Однажды ночью побелевший от страха вперед-смотрящий с пронзительными воплями скатился с мачты и начал кричать, что море горит и всем нам пришел конец. Мы поспешили убедиться в его словах собственными глазами и с ужасом обнаружили, что все море вокруг действительно светится и мерцает. Но то не был огонь, мой Император! — и сверкание это не причинило нам вреда, хотя объяснить сию тайну я не в силах.

Во время путешествия следует ожидать встреч со странными явлениями. Не все странное опасно и кто, кроме трусов, откажется от великого приключения только из боязни загадочного и необъяснимого?

Свечение воды мы сочли за некое предзнаменование, но оно не было таковым, а если и было, то только добрым, ибо ничего дурного с нами не случилось. Не страшись, Повелитель, этой обычной для здешних вод странности и при встрече с ней со спокойным сердцем продолжай путь далее. Мы миновали светящееся море без приключений.

Мы видели дельфинов и более крупных рыб тоже — но ни одна из них и отдаленно не напоминала размерами невероятную рыбу Джаскони, описанную Брандоном, как величайшая в мире. Согласно рассказу монаха, он и его люди отмечали на спине этого чудовища праздник Воскресения, и все полагали, что находятся на острове до тех пор, пока не развели костер, — и остров вдруг погрузился в воду, оставив путешественников барахтаться в открытом море!

Я почитаю это за детские сказки. Не верь им. Таких огромных рыб мы не встречали, хотя некото-

рое время нас сопровождали очень большие существа, которые резвились вокруг корабля, выпуская из ноздрей высокие фонтаны воды и пены при дыхании. Они не причинили нам вреда и проявляли по отношению к «Придвену» лишь любопытство, хотя существа таких размеров и веса в ярости могут оказаться крайне опасными. На этот случай предостерегаю тебя!

Позже мы познакомились с рыбами другой разновидности, расположенными к человеку чрезвычайно дурно. Вот как это произошло.

Киньял'х, один из храбрейших наших людей (хоть и чистый кимриец без примеси римской крови), был сильно ранен во время схватки с мятежниками. Пока у нас оставалась пища, он еще жил, медленно теряя силы. День ото дня ему становилось все хуже, и наконец, когда рацион стал совсем скучен, он умер.

Мы погребли его единственным для нас образом. Кимрийские товарищи оплакали покойного, полосуя себя ножами. Мерлин подготовил тело к погребению и начертал на саване не только христианский крест, но и изображение золотого серпа, рядом с которым приколол веточку смелы — это символы древней друидической веры, до сих пор не истребленной полностью среди темных твердынь Камбрийских холмов.

Мы сбросили приготовленное к загробной жизни тело за борт и стали свидетелями ужасного зрелища. Едва труп коснулся воды, как разъяренная рыба выпрыгнула из моря, вся в хлопьях пены, набросилась на него и разорвала на кусочки с помощью мгновенно подоспевших сородичей.

Нескольких людоедов мы поразили дротиками, но скоро бросили это занятие, так как убитые рыбы молниеносно пожирались товарками, и на запах кро-

ви собирались новые хищницы и следовали за кораблем. Они плыли за нами несколько дней, пока мы (как я писал) не обессилены от голода окончательно. Тогда-то к нам на помощь пришел Мерлин.

Еще прежде мы пытались убить одну из хищниц на жаркое, но раненую тут же разрывали на части ее сородичи. Теперь же Мерлин предложил нам снова попробовать поразить рыбу, уверяя, что на сей раз нас ждет удача.

Он скрутил обыкновенную веревку в кольцо, покрыл ее зеленоватой мазью из маленького горшочка, дал троим из нас толстые рукавицы и запретил касаться веревкой голого тела. Затем, дав нам все необходимые указания, старец свесил ногу за борт и притворился, что падает.

Как только одна из хищниц всплыла на поверхность, мы бросили в море веревку и рыба оказалась внутри петли. При этом вода зашипела и задымилась, словно в нее опустили раскаленное железо. Рыба яростно забилась, но не смогла вырваться за пределы круга, как если бы вокруг нее были возведены каменные стены. Затем она словно закоченела, перевернулась брюхом кверху и лежала, покачиваясь в ограниченном веревкой пространстве, в то время как ее сородичи беспокойно суетились снаружи.

Прежде чем они успели проникнуть за черту круга (ибо веревка начала тонуть), мы вонзили в тело рыбы крюки и вытащили ее на палубу. Очень скоро мы уже ели вкусное жаркое. Так мы вышли из Моря Безветрия и поплыли дальше, экономно питаясь рыбой (ведь Мерлин предупредил нас, что удача эта вызвана не волшебством и повторить ее не представляется возможным).

Жесткую и прочную кожу рыбы-людоеда Гутлак попросил себе и, пока она еще не высохла, вырезал

из наиболее толстой ее части нагрудник. Он обил его металлическими шишечками с изношенного старого панциря, который мы отдали ему. С него же сакс снял ремни и пряжки.

Оставшейся кожей он обтянул деревянный щит, из мелких кусков смастерил ножны для меча и кинжала и, наконец, обмотал ручку своего топора узкими полосками кожи. Так что, когда кожа высохла и затвердела на солнце, Гутлак стал обладателем снаряжения, столь же добротного, как и у любого другого воина на борту корабля.

Конечно, многие из нас завидовали ему, поскольку толстая, усеянная заклепками кожа по прочности практически не уступала металлу. Но тогда мы не могли предвидеть ужасные последствия этих трудов сакса!

ОСТРОВ БРАНДОНА

Неделей позже сильный ветер — сопровождаемый громом, молнией и проливным дождем — подхватил наш корабль и нес его по волнам весь день и почти всю ночь. Но перед рассветом ветер стих. Корабль, унесенный на много миль от того места, где шторм застал его, лежал, покачиваясь на волнах, и мы с каким-то напряженным вниманием всматривались в полумрак раннего утра, слегка рассеиваемый вспышками дальних молний.

Каждый из нас испытывал странное чувство: ощущение, что скоро что-то должно произойти, неизвестно радостное или ужасное — но нечто, пославшее предупреждение о своем приближении.

Затем ветер переменился, подул нам навстречу и донес отчетливый аромат свежей зелени, омытых дождем деревьев. И сразу все стало ясно, и кто-то шепнул товарищу: «Земля! Земля!» А тот отозвался: «Какая еще земля, приятель?» И вслед за ним вопросил и третий: «Какая именно?» Ибо Брандон писал о множестве островов, частью населенных доброжелательными племенами, частью — внушающими

страх колдунами, и частью — достойными жрецами, славящими в одиночестве Бога и прикрывающими свою наготу лишь покровами длинных седых волос.

Но вот, пока мы перешептывались, вдруг раздался страшный грохот, словно сами Небеса разверзлись, и с высоты хлынули потоки огня. В этом ослепительном сиянии впередсмотрящий на мачте воздел руки и дико торжествующе выкрикнул: «Остров Брандона!» Потом вокруг вновь воцарилась тьма, и на некоторое время мы словно полностью ослепли.

В это мгновение мы поняли, что повесть Скотта о его приключениях правдива, по крайней мере, отчасти — ибо все островки, населенные добрыми или злыми колдунами, были маленькими и плоскими. Земля же, открывшаяся нашему взору, была, безусловно, обширна и гориста — и за время короткой вспышки мы не успели определить, остров ли это вообще или нет.

Хочу заметить: на мой взгляд, истории о колдунах являются чистым вымыслом, которым Брандон расцвел описание путешествия, в противном случае слишком скучное, чтобы заинтересовать влюбленных в легенды соплеменников.

Поэтому не верь, Повелитель, бытующим в Иберии и Британии слухам о колдовстве в западных морях. Исчезающие острова, возможно, здесь еще есть, хотя мы таковых не видели. Народ тут простой и миролюбивый, а плоды вкусны и питательны, как сам жизненный сок, для нас возвь просоленных голодных моряков, какими мы были в ту ночь.

Итак, не зная, что за земля лежит перед нами, мы измерили глубину моря, бросили якорь и стали ожидать рассвета. После первого шумного взрыва радости мы притихли, ибо хотели увидеть и узнать побольше, прежде чем наше присутствие у берегов незнакомой земли будет обнаружено ее обитателями.

Корабль медленно покачивался на волнах, мы прислушивались к тихому рокоту прибоя, небо над нами постепенно розовело и донесшийся к нам с легким ветерком запах дыма ясней любых слов подтвердил, что земля обитаема.

Мы приготовили дротики и стрелы, проверили надежность луков, привели в готовность стрелометы, опустили короткие рычаги двух тормент и зарядили каждую ребристым булыжником из балласта. Все это было проделано по возможности тихо и, как нам казалось, почти бесшумно. Внезапно сумрак рассеялся, и мы увидели берег — а на берегу стоял человек и пристально смотрел в нашу сторону. Очевидно, его внимание привлекли странные звуки вроде скрипа ремней, треска храповика и лязга собачки, сопровождавшие подготовку механизмов к действию.

Человек несомненно увидел нас, ибо в этот момент над горизонтом вспыхнул алый край солнца и залил сиянием море и берег. Несколько мгновений мы, заставив дыхание, напряженно смотрели друг на друга через разделяющие нас волны прибоя, затем я приветственным жестом высоко вскинул разжатую правую руку, показывая этим, что мы пришли с мирными намерениями.

Тогда человек встрепенулся и с громкими криками бросился в глубину острова сквозь густые заросли деревьев и кустов. Скоро он вернулся в сопровождении людей с копьями и дубинками, усеянными острыми шипами устрашающего вида. Впереди шел седовласый старик в белом одеянии, украшенном у горла и по подолу красивым разноцветным узором, неразличимым издалека. В руке он держал зеленую цветущую ветвь и ничего больше — поэтому сразу стало ясно: нам предлагается выбирать между войной и миром.

Вооруженные люди остановились неподалеку от зарослей, а стариk подошел к самой воде и обратил-ся к нам громким благозвучным голосом, казалось, до самой глубины проникнутым покоем и счастьем мирного безмятежного существования.

Мерлин взбрался на фальшборт и, указывая на солнце, море, небо и землю, попытался заговорить на нескольких наречиях поочередно. Со своей стороны стариk отвечал ему тоже, вероятно, на разных диалектах. Но найти общего знакомого языка они не смогли и наконец оставили свои попытки и стояли в добродушном замешательстве, улыбаясь друг другу через разделяющие их волны. Потом Мерлин сказал:

— Спустите лодку. Я поплыву к берегу.

Мы выполнили его приказание против нашей воли, ибо опасались вероломства, но Мерлин уже принял решение и оставался непреклонным. Итак, он высадился на берег, и мы видели, как провидец и старый островитянин пытаются объясниться жестами.

Наконец стариk указал в глубину острова, приглашая гостя проследовать туда. Мерлин кивнул, и мгновенно эти двое повернулись и исчезли с наших глаз. Вооруженные люди последовали за ними, но несколько воинов осталось на берегу. Это были рослые здоровые парни, которым явно ничего не стоило добротить свои копья до нас. Поэтому мы незаметно направили на них стреломет, заряженный целой связкой стрел, и развернули в сторону берега бортовую катапульту. Теперь мы были уверены, что, несмотря на покачивание судна, сможем поразить цель булыжником. Затем мы крепко сжали наши луки, пряча их за фальшбортом, — и принялись ждать.

Солнце поднималось выше и выше, и наконец,

почти в полдень, Мерлин и старик вернулись в сопровождении любопытных копьеносцев.

— Опустите оружие, друзья мои! — прокричал провидец. — Высаживайтесь на берег острова Брандона — ибо это действительно та земля, которую мы искали. Оставьте на корабле охрану из пятидесяти человек, а остальные пусть плывут ко мне!

Пока Мерлин говорил, старый островитянин обратился к своим соплеменникам со страстной речью приблизительно такого же содержания — так как все воины по очереди шагнули вперед и побросали свое оружие в кучу на песок, после чего отступили футов на двадцать назад и показали нам высоко поднятые пустые ладони.

Все это время с самого рассвета до нашего слуха доносился приглушенный рокот маленьких барабанов — негромко звучавших где-то поблизости. Теперь этот угрожающий звук прекратился, и наступившая тишина показалась для наших уже привыкших к шуму ушей оглушительней грома.

В этой гробовой тишине я тихим голосом отдал команду, и вторая наша лодка была спущена на воду и отправлена к берегу. Там некоторые наши люди присоединились к Мерлину, а остальные вернулись к кораблю уже на двух лодках — и те курсировали между «Придвеном» и берегом до тех пор, пока не перевезли на остров всех, за исключением охраны, людей при торментах и механиков стреломета.

— Эти незнакомцы, — предостерег я, — могут замышлять предательство. Посему смотрите в оба и будьте готовы в случае нужды прикрыть наш отход.

Итак, наши воины построились на берегу, затем по моему сигналу сделали три шага вперед и побросали на песок луки, короткие мечи и даже кинжалы

для разрезания мяса. И два разоруженных отряда — каждый со своим предводителем во главе — стали лицом к лицу, разделенные двумя кучами оружия.

Затем Мерлин и старик приблизились друг к другу и поцеловались — и в этот момент где-то совсем рядом яростно грянули барабаны. Мы переглянулись, готовые схватиться за оружие, если это означает нападение, — но тут кусты за стоящими напротив нас воинами закачались, раздвинулись и из-за них вышла толпа женщин в убранствах из травы и цветов и множество голых детишек. Все они очаровательно улыбались и с веселым смехом переговаривались между собой, предлагая нам цветы и фрукты.

Весьма благодатными оказались чужеземные фрукты для наших просоленных глоток и удивительно приятными, хоть и несколько странными на вкус и на вид. Так островитяне сердечно приняли нас, и месяц мы жили среди них: то была счастливая передышка в нашей суперской жизни.

Мы отдыхали: некоторые из нас овладевали неизвестным наречием, учась под руководством прекрасной наставницы спрятать любовные глаголы; другие охотились среди удаленных от моря холмов или ловили рыбу в заливе. И все мы по несколько часов в день по очереди работали на «Придвене», который отвели в мелководную бухту, дабы соскоблить с дна морские водоросли и ракушки.

Мы установили на корабле новый артемон, заменили несколько покоробившихся досок настила и два обугленных шпангоута посередине корпуса — и скоро «Придвен» был готов к дальнейшему пути, хотя мы и не рассчитывали отплыть так скоро, как это случилось в действительности.

Однажды вечером вернувшиеся с охоты воины по-

ведали нам странную историю о некоем старце. Они встретили его на дальнем берегу острова и опознали в нем белого (местное население имело, скорей, золотистый цвет кожи) — ибо он обратился к ним на языке скотов.

Один из камбрийцев немного знал это наречие, так как когда-то был пленником и рабом за Иберийским морем. Он ответил старцу и узнал от него, что мы действительно находимся на острове Брандона. Старец же этот служил в команде Брандона во время первого его путешествия и, чрезвычайно полюбив сию страну, женился на островитянке и остался здесь, когда его товарищи двинулись обратно на родину.

Пока мы в поисках старого скотта огибали остров на лодках, я как следует обдумал услышанную историю и ни в чем не смог упрекнуть соотечественника — ибо здешние островитянки, хоть и совершенные дикарки, весьма привлекательны, отличаются величественной осанкой и держатся с достоинством. Человек может совершить и куда более дурной поступок, нежели остаться в этом Элизиуме. Но это было не для нас. Ни о чем не подозревая, мы плыли навстречу нашей судьбе — и война, радость, печаль и множество других сюрпризов Фортуны ожидали нас в лице старого скотта.

Старец оказался чрезвычайно древним и медленно угасающим под грузом лет. Тем не менее, от радости при виде нас взор его стал ясен и язык подвижен — ибо в этом возрасте он уже оставил всякую надежду увидеть человека из родных земель и даже не мечтал об этом.

В прохладном полумраке соломенной хижины Мерлин поговорил с ним наедине, так как при виде белых людей старик от восторга впал в такое исс-

тупление, что сначала вообще не мог признести ни слова и просто сидел и смотрел на нас, в то время как слезы медленно ползли по его отросшей до пояса бороде. Но с Мерлином он разговаривать смог — и достаточно вразумительно, хотя выговаривал слова с трудом и долго рылся в мыслях, прежде чем сказать что-нибудь.

Ну и историю же он нам поведал!

Похоже (и эта часть повествования касается непосредственно нас и тебя, мой Император!), Брандон не знал, что дальше к западу от открытых им островов лежат еще другие земли. Об этом долго не догадывался и Фергюс Скотт. Однажды группа молодых людей пригласила его совершить с ними разбойничий налет на близлежащий остров, и все их выдолбленные из бревен лодки были унесены далеко на запад одним из обычных в этих морях стремительных ураганов, которые местные жители называют Хуракан — по имени бога, согласно их верованиям, вызывающего эти волнения.

Наконец они пристали к какой-то земле и исследовали ее, проплыв вдоль берега на север и на юг, но проникнуть в глубину территории не решились, ибо им показалось, что земля эта больше простого острова, и неизвестно было, какие люди или чудовища ее населяют. Перед возвращением молодые люди смогли убедиться, что на побережье хозяйствует некое воинственное племя: однажды ночью, когда они спали под лодками, на них внезапно напали и многих убили в бою. Так что в результате из отправившегося в поход отряда в двадцать человек живыми вернулись лишь трое — без добычи и пленниц, правда, с пленником из числа напавших. Я видел чучело

этого существа и затрудняюсь сказать, принадлежит ли оно к человеческому роду. Кожа у него чешуйчатая и скользкая от слизи; будучи живым, существо это большую часть времени проводило в море. Глаза у него скорей круглые, нежели овальные, и лишены ресниц, а ноздри плоские и незначительных размеров, словно предназначенные для длительного пребывания под водой. Под широким безгубым ртом, полным острых клыков, по обеим сторонам чешуйчатой шеи видны шрамы, очень похожие на жабры рыб. Но они не открываются и не закрываются — так что, если существа эти когда-то и жили в воде постоянно, то, видимо, очень давно.

Ноги у существа кривые, а в самом конце костистого позвоночника выступает костяной нарост, длина которого в зависимости от возраста особи варьируется от шести до десяти дюймов. По-видимому, перед тем как сесть, данный индивидуум выкапывал в земле ямку для размещения своего неподвижного хвоста — а может быть, он не мог сидеть иначе, как на бревне или на камне.

Между пальцами рук и ног у него виднелись перепонки, каждый палец заканчивался кривым острым когтем — поэтому в схватке существа эти весьма опасны, хоть и не знают никакого другого оружия, кроме камней. Фергюсу с товарищами крупно повезло: они сразились с этими чудовищами и остались живы.

После того похода Фергюс больше не пускался в странствия: сидел дома и растил здоровых сыновей и дочерей на утеху своей старости.

Поведав эту историю Мерлину, старик рассказал все, что помнил, о пути к той земле и показал нам чучело странного существа. Потом он поговорил о том о сем, задал множество вопросов о своей родине, на

которые Мерлин, обладающий цепкой памятью и много странствовавший на своем веку, смог подробно ответить — и наконец отпустил нас, теша себя приятной мыслью о продолжении беседы на следующий день.

Затем жившие в той части острова люди (они называли эту местность Кабанакан) устроили в нашу честь праздничный пир, и мы мирно заснули среди своих друзей. Но, отправившись наутро навестить старого скотта, Мерлин нашел его мертвым, лежащим в постели, со счастливой улыбкой на устах.

Так умер добровольный изгнаник. Умереть бы и мне так счастливо — но это, мой Император, зависит от тебя!

Двух старших сыновей Фергюса мы взяли с собой, ибо они были полны решимости стать в наши ряды, и, конечно же, для такой семьи отсутствие двоих ничего не значило. И потом, мы каким-то образом чувствовали, что они могут оказаться нам полезными, принести удачу в поисках далекой таинственной земли Двух Гесперид.

Снова вернулись мы к месту нашей первой высадки, прожили там еще неделю и — хоть нас и уговаривали остаться жить среди дружелюбного и благорасположенного народа — не без сожаления и легкой печали мы отплыли. И на сей раз нас сопровождали тридцать лодок с нашими друзьями.

Они долго плыли впереди и позади нас, описывали вокруг «Придвена» круги, пока не подул свежий ветер и не наполнил наши паруса. Тогда раздалась команда «Сушить весла и отдыхать», и мы наблюдали, как по одной отставали лодки с уставшими гребцами, и остров постепенно исчезал из виду.

Наконец он исчез окончательно, и самая высокая гора его едва виднелась на горизонте, похожая на

далекое серое облако. Повернула к берегу последняя лодка, увозя с собой наше обещание скоро вернуться, и мы с трудом различали сверкание мокрых весел, высоко поднятых в знак последнего прощания. Наконец и они исчезли вдали.

«Тайно» называет себя это племя. «Добрые люди». И народа, который проявлял бы большую сердечность и доброту к чужеземцам, я не встречал.

Мы плыли в полном одиночестве — даже птицы не встречались на нашем пути; плыли снова на запад, чтобы никогда больше не вернуться на счастливый безмятежный остров Брандона.

ПОТЕРПЕВШИЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Дождливые и солнечные дни сменяли друг друга, и мы плыли... плыли в томительном круговороте дней, оставляя позади множество плоских островков — пустынных, необитаемых и навевающих своим видом тоску.

Вскоре после отплытия с острова Брандона Мерлин нашел странное морское сокровище, о котором хочу упомянуть здесь — впоследствии оно принесло нам столько же добра, сколько горя принес рыбий панцирь Гутлака.

В один прекрасный день мы увидели плывущее по воде дерево, в ветвях его сидела крупная сухопутная птица зеленоватого цвета и жалобно кричала, так как дерево постоянно переворачивалось на волнах. Насквозь промокшее неприкаянное существо то поднималось в воздух, то погружалось под воду.

Мерлин, воодушевленный мыслью о том, что мы движемся в верном направлении, не позволил нам проплыть мимо. Да мы и сами не собирались этого делать, так как сердца наши разрывались от жалости к одинокому беспомощному созданию, и нам тем

более хотелось спасти его, потому что зеленый цвет считается у Друидов священным.

Поэтому Мерлин — порой Друид, порой христианин — счел сию находку хорошим предзнаменованием.

Мы подплыли к дереву с намерением подобрать птицу. Когда корабль приблизился, птица расправила крылья и попыталась подлететь к нам, но, отяжелевшая от воды, упала в море и начала тонуть.

Один из бардов подцепил птицу крючком и отдал Мерлину, но даже в руках провидца она задыхалась, дрожала — и наконец закатила глаза и перестала шевелиться.

Мерлин опечалился, но колдовством тут нельзя было помочь. Мудрец мог раздуть тлеющие угольки жизни в яркий костер, но был бессилен, когда угасала последняя искра. Воскрешать из мертвых он умел не лучше любого другого человека.

Вероятно, предвидя важность сего поступка или из чистой сентиментальности Мерлин приказал высушить кожу птицы и во время долгих дней странствия смастерили из нее величественный головной убор.

В своих парадных одеяниях, расшитых загадочными мистическими символами, и в этой короне (птичья голова гордо поднята, клюв полураскрыт, словно вот-вот исторгнет призывный клич) Мерлин выглядел тем, кем и являлся на самом деле: истинным Князем Магии.

Все дальше углублялись мы в лабиринты островков, но материка так и не обнаружили, пока не вышли снова в открытое море. Внезапно цвет воды изменился, стал грязноватого оттенка, и вскоре впереди показался низкий берег и устье широкой мутной реки, несущей в море много грязи и ила.

При виде реки мы поняли, что перед нами про-

стирается обширная земля. Но, уже знакомые с обликом одного из ее обитателей, мы не спешили с исследованиями и некоторое время плыли вдоль побережья, наслаждаясь прекрасной погодой. Мы не покидали корабля, хотя не замечали на берегу никаких признаков жизни — ни человека, ни зверя. Лишь стаи птиц сопровождали корабль, привлеченные объедками, которые наш повар выбрасывал за борт.

Мы плыли очень долго и уже начали подозревать, что в движении вдоль берега повернули на юг, обратно к острову Брандона. Тут у нас кончилась вода, и мы стали на якорь, чтобы наполнить бочки.

Повсюду здесь простирались отвратительные болота и бесплодные земли. Вода была солоновата и непригодна для питья. Поэтому мы поплыли дальше, но по-прежнему не видели ничего, кроме соленых топей: ни дыма костров, ни единого следа какого-нибудь мирного племени.

Наконец мы подошли к землям, которые показались нам привлекательней прежних: группы зеленых деревьев свидетельствовали об источниках пресной воды, и в глубину берега вдавалась маленькая бухточка, удобная для якорной стоянки. Итак, мы спустили на воду лодку и отпустили к берегу Гутлака, выражавшего страстное желание отправиться за водой, и с ним десять саксов с бочками и ведрами и нескольких наших людей.

Все они были вооружены, и мы, до сих пор не замечавшие никаких признаков жизни в этих местах, не беспокоились за них. Некоторое время мы наблюдали за тем, как несколько воинов разбредается среди камней в поисках моллюсков, а остальные исчезают за деревьями — и затем вернулись к своим занятиям.

От этих занятий нас оторвали раздавшиеся с

берега крики. Искатели моллюсков бежали назад, а за ними по пятам гналась стая разъяренных чешуйчатых лягушкообразных существ: они скакали на коротких кривых конечностях — иногда на двух, иногда на всех четырех, — не уступая в скорости лошади, и с громким кваканьем швыряли в убегающих камни.

И тут прямо на наших глазах они настигли наших товарищев, повалили их на землю, разорвали на куски и сожрали!

На шум из-за деревьев выбежали остальные люди и в ужасе замерли при виде кровавого пиршества. Я увидел, как Гутлак спешно расставляет воинов — римлян наравне с саксами — в саксонский боевой строй, а затем толпа квакающих оскаленных существ скрыла воинов от наших глаз. Как мы могли стрелять? Наши воины тесно перемешались с врагами.

Один раз в толпе появился просвет, и я снова увидел Гутлака. Истекающий кровью сакс разрубил страшным зазубренным кинжалом голову противника от макушки до самых зубов и, лишившись при этом своего оружия, выхватил топор и принялся наносить им удары направо и налево. Затем толпа вновь сомкнулась и скрыла от нас сакса. Но мы успели заметить, как ужасные острые когти скользнули по панцирю из рыбьей кожи, не причинив Гутлаку никакого вреда, хотя кожаные одежды они раздирали с необычайной легкостью.

Все кончилось очень быстро. Новые полчища существ повалили с болот на помощь сородичам, и остроглазому Марку показалось, что в давке лягушкообразные увлекают куда-то пленного воина — похоже, Гутлака. Но утверждать наверняка Марк не мог, поскольку в этот момент наш трубач заиграл сигнал «Орудия к бою!».

Схватив луки, наши лучники выпустили в гущу

толпы тучу стрел, но злобные существа, хоть и не знакомые с подобным новшеством, не обратили на него внимания и продолжали наступать. Конечно, с такого расстояния наши стрелы не могли причинить им большого вреда. Камни же, летящие с берега, достигали палубы: по точности и силе броска руки противников не уступали праще.

Затем с грохотом выстрелил стреломет, посыпая в первые ряды противника целый колчан стрел, каждая из которых пронзила по несколько существ разом. Две-три дюжины убитых повалились на землю, а остальные с оглушительным урчаньем и кваканьем прыгнули в воду и поплыли к кораблю.

Мы не стали терять время на подъем якоря — просто перерезали якорный канат и, вспенивая веслами воду, на полной скорости вылетели из бухты. А лягушкообразные преследовали нас, подобно стае дельфинов до тех пор, пока мы не метнули из катапульты булыжник в самую их гущу. Тогда все они ушли на глубину и долго преследовали нас под водой. Наконец, поняв бессмысленность погони, кровожадные существа повернули назад.

Возможно, так бросаться наутек не к лицу римлянину — но в данном случае бегство представлялось наиболее разумным поступком (хотя, возможно, тебе, Повелитель, издалека так и не кажется), ибо останься мы, наш поход на этом и закончился бы.

Мы поплыли дальше вдоль берега, скорбя всем сердцем о погибших боевых товарищах. Потерявший брата Вульфгар обезумел от ярости и отчаянно попривался прыгнуть за борт и поплыть назад, чтобы убивать и принять смерть. Наконец саксы с великим трудом схватили его, исходящего пеной, отвели вниз, сунули ему в руки весло и велели грести. И Вульфгар начал грести, и услышав скрип прочного дерева — забыл за работой свое горе.

Мы долго томились от жажды, пока не нашли на

одном голом крохотном островке несколько обмелевших луж дождевой воды. «Придвен» двигался на юг вдоль недружелюбного побережья, потом обогнул мыс и вновь устремился на север. Скоро разразился дождь — напоил нас и наполнил водой оставшиеся на корабле бочки. Мы продолжали идти вдоль берега — теперь взору нашему открывались прекрасные песчаные отмели и заросли зеленых густолиственных деревьев. Мы были уверены, что земля эта более гостеприимна, но высаживаться на нее не решались.

Долго плыли мы, сменяя друг друга на веслах. Саксы в свою смену гребли у левого борта, соревнуясь с командой лучников, сидящих напротив. В следующую смену команда матросов выступала против команды инженеров. Во время же третьей смены римские британцы состязались с чистокровными кимрийцами.

Так тяжелый труд мы превратили в соревнование: бились об заклад, кто раньше устанет и следили за тем, чтобы все команды работали поровну.

Наконец однообразное течение дней было нарушено: небо стало темно-бронзового цвета, и вдалеке послышался ужасный зловещий гул. По этим признакам (пусть и твои матросы, Император, знают их и помнят) мы поняли, что яростный бог ветров Хуракан гуляет по морю и гневается.

Мы убрали паруса, которые не сворачивали прежде в надежде на ветер, и выгребли в открытое море, в сгущающуюся тьму — дабы корабль не выбросило на берег во время шторма. Здесь капитан приказал спустить плавучий якорь, и когда задул ветер, мы шли с голыми мачтами и держали корабль по курсу с помощью весел.

Море ревело, неистовствовало и швыряло «Придвен» из стороны в сторону, словно ничтожную щепку. Двум нашим островитянам стало дурно (вероятно,

впервые в жизни), и их, полумертвых, бросало по каюте от стены к стене, пока мы не привязали бедняг к койкам ради их же собственной безопасности.

Настала ночь, но яростный ветер не стихал. В его неистовых порывах я с трудом добрался до каюты Мерлина и перевел дыхание, что невозможно было сделать снаружи.

— Почти так же мы нашли остров Брандона, — улыбнулся Мерлин. — Сначала шторм, ночь, затем затишье — и наутро счастливая, безмятежная дружелюбная земля. Будет ли также на сей раз?

— Молю богов об этом! Однако этот ветер стихать явно не желает. Давай же умолять богов о милосердии, дабы в стонущей ветреной夜里 они не поднесли корабль слишком близко к берегу...

Не успел я договорить, как раздался страшный удар.

Нас швырнуло на стену каюты. Я услышал, как треснул артемон, затем сломалась мачта, и обе ее половины с грохотом рухнули на скамьи гребцов. Послышались вопли умирающих людей, которые так долго шли за нами с Мерлином через многие опасности, голод, сражения и жажду, чтобы погибнуть в темноте на незнакомом берегу у самого края земли.

Дверь каюты заклинило, и я начал рубить ее своим коротким мечом. Дромон сотрясался под ударами огромных волн, которые бились о борт и переворачивались через палубу, раскачивая «Придвен», как колыбель. Я услышал, как трещат и ломаются доски корпуса, и воды океана свободно льются в отсек для груза и балласта и затапливают яму для гребцов. Затем до моего слуха донесся оглушительный голос, взывающий к мертвым внизу.

— Витта! Бледа! Кисса! Освульф!

Ответа не последовало.

— Тольфиг! Беотрик! Ойск! Бальдэй! — Я узнал голос Вульфгара.

— Говорил же я, что ни один сакс не потревожит римских поселений! — прокричал Мерлин мне в ухо.

Пол каюты уже заливало водой.

Однако к тому времени, когда она достигла наших колен, я уже расчистил путь, и мы с Мерлином бросились прочь.

Было темно, как в недрах Тартара. Ревели волны — почти не видимые до тех пор, пока они не обрушились на нас.

Я услышал захлебывающийся крик «Здоровье Одина!» и, уносимый вместе с Мерлином мощным валом в водяную тьму, успел подумать, что последний из саксов канул в морскую пучину. Нас с Мерлином тут же разнесло в разные стороны, яростная волна подхватила меня и попыталась увлечь в открытое море.

Я глубоко нырнул и изо всех сил поплыл в направлении движения волны, а поднявшись затем на поверхность, обнаружил, что волна покатила дальше, и я свободен от плена этого могучего вала. Повернув в сторону предполагаемого берега, я постарался расслышать грохот разбивающихся о камни волн, чтобы плыть на этот звук сквозь завывающую вспененную мглу — и наконец до слуха моего донесся отдаленный треск: то рассыпался корпус «Придвена» на сём немилосердном берегу.

Я с трудом продвигался на этот звук и благодарили милостивого Бога за то, что умею хорошо плавать, и за то, что никакое тяжелое снаряжение не влечет меня ко дну. Недалеко от берега прямо перед собой я услышал придушенный вскрик и тут же натолкнулся на слабо барабающегося человека — сначала он судорожно вцепился мне в плечи, но

когда оба мы тут же пошли ко дну, отпустил меня и вынырнул на поверхность воды.

За ним вынырнул и я и, вцепившись человеку в бороду, догадался по ее длине, что нашел Мерлина. Не успели мы обменяться и парой слов (если такое вообще было возможно), как я почувствовал под ногами твердую землю и, криком ободряя старца, с силой оттолкнулся от дна. Легко, словно пару щепок, Нептун вышвырнул нас, сплетенных в тесном объятии, далеко на песчаный берег.

Несмотря на крайнюю слабость, мы все-таки отползли на несколько шагов от кипящих волн и некоторое время неподвижно лежали на песке, измученные до полусмерти. Когда же сердце мое перестало колотиться так, словно пыталось выскочить из груди, я поднялся на ноги и велел старцу оставаться на месте, пока я буду искать на берегу оставшихся в живых людей. Я не успел отойти далеко, когда почувствовал чье-то присутствие за спиной и, обернувшись, увидел рядом бесстрашного старца. Я обнял провидца и почувствовал, как иссохшее тело его дрожит от холода под мокрыми одеяниями и как тяжело бьется его непобедимое сердце. И, не говоря ни слова, мы двинулись вперед вдвоем.

Никогда прежде наши сердца не были столь близки, как в тот час, когда можно было ожидать, что в первую очередь старец подумает о себе. Но бессмертный дух его погнал вперед немощное тело, презрев горе, шторм и катастрофу.

Воистину, несмотря на грешную сделку с Тьмой, обрекшую его на существование за пределами обычной жизни, несмотря на свои ошибки, Мерлин был настоящим человеком!

Мы продвигались сквозь насыщенный водой ветер и очень скоро наткнулись в темноте на чье-то тело. После некоторых усилий с нашей стороны человек с трудом вздохнул и заговорил — оказалось, это Марк,

сын моей сестры. Он был сильно помят и побит волнами и жаловался на боль в голове. Мы нашуяли у него на затылке рану и, как смогли, перевязали ее в темноте, столь густой, что я едва мог разглядеть собственные пальцы.

Я оставил Марка на попечение Мерлина и убедительно попросил обоих, как только юноша слегка оправится, возвращаться назад, внимательно смотря по сторонам. Сам же я отправился дальше. Долго искать мне не пришлось. Казалось, на берег были выброшены все наши люди — так часто в движении своем вдоль самой полосы прибоя спотыкался я о тела, лежащие в воде или на песке у воды.

Каждого человека я оттаскивал повыше на берег и пытался привести в сознание до тех пор, пока не добивался успеха или не убеждался в бесполезности усилий. Наконец, когда последний найденный мной человек судорожно вздохнул, закашлялся и дыханье его выровнялось, я поднял голову и обнаружил, что тьма постепенно рассеивается, а вокруг меня стоят семь уцелевших после кораблекрушения воинов.

Я уже различал в полумраке знакомые лица. Вдруг сквозь частые струи дождя — который до сих пор хлестал так, словно в небесах каждые несколько секунд переворачивали огромный бак — я увидел смутное пятно, приближающееся к нам с той стороны, куда мы направлялись.

Скоро пятно это превратилось в небольшую группу человек из двадцати. Они сообщили нам, что путь дальше перекрыт глубоким заливом и что я вижу сейчас перед собой в сех оставшихся в живых людей. Мы вернулись назад вдоль берега к месту кораблекрушения и, рассыпавшись длинной цепью, прочесали часть суши, удаленную от моря, в надежде найти тех, кто имел силы отползти от волн по дальше.

Живых мы больше не нашли, но нашли тела двух

несчастных, которых море катало и швыряло по отмели, словно играющий с мышью кот. Мы отнесли тела на берег и присоединили их к растущему собранию мертвцов, непоправимость утраты которых мы пока едва осознали. Нам суждено было оплакать их куда более горько в грядущие дни.

Одним из них был капитан — и его смерть уже потрясла и глубоко ужаснула нас. Как без его спасительного знания моря, движения ветров и течений сможем мы вернуться в Британию или Рим?

Мы поискали среди мертвцов: по иронии судьбы оказалось, что Нептун забрал к себе только своих крестников и презрительно отверг нас, людей сухопутных. Все без исключения стоявшие вокруг меня были воинами, а все мертвые, лежавшие на песке, были в основном матросами.

Второй принесенный нами труп принадлежал единственному среди нас человеку (после Мерлина), без которого мы никак не могли обойтись, хотя в тот момент еще не осознали этого и скорбели о смерти капитана сильно, а о смерти Морго-кузнеца значительно меньше.

Но с кончиной Морго кончилось и наше знание о металлах и их обработке. Пусть годы спустя Мерлин и помогал нам сведениями, подчерпнутыми из своих книг, но мы утратили практические навыки, необходимые для реализации его советов, — и во многих отношениях страдали от этой потери. Безусловно, именно из-за отсутствия должного опыта произошло одно из самых опасных наших сражений, и много храбрецов нашли в нем свою смерть — как ты узнаешь в должное время.

Серые небеса стали светлее, хотя по-прежнему были затянуты стремительно бегущими облаками. На время мы оставили мертвых и поспешили к разбитому «Придвену». Печальное зрелище предстало перед нами!

Под беспрестанными ударами волн дромон разло-

мился пополам. Целой оставалась лишь носовая его часть — она лежала среди камней ярдах в ста от берега. Другая его часть была безнадежно разбита, вместе с ней погибло почти все наше снаряжение. На берегу валялись его остатки: опутанная водорослями одежда, сундуки с провизией, луки, стрелы и доски — словом, все, что может плавать.

Объятые отчаянием, мы вернулись к месту, где Мерлин, Марк и другие спасшиеся воины с безутешным видом стояли над телами погибших, среди которых был и Вульфгар Железное Брюхо, и все барды, кроме одного. Единственный, оставшийся в живых бард отважно пытался аккомпанировать своим причитаниям на арфе, столь же мокрой и безголосой, как и он сам.

Горестные его крики настолько отвечали нашему угнетенному состоянию, что нам захотелось сесть на песок, заломить руки, зарыдать хором и умереть под дождем, не пытаясь ничем помочь себе. Этого я просто не мог вынести и, вырвав арфу из рук барда, обратил к нему лик, столь разъяренный, что тот поднял локоть, защищаясь от ожидаемого удара, и прекратил жалобно стенать о «храбрецах и героях, растоптанных серебряными копытами белогривых морских скакунов».

Все замерли в ужасе, ибо для людей, в жилах которых течет британская кровь, личность барда священна и прерывать причитание считается кощунством. Следующий шаг нужно было совершать быстро, не упустив момента решительных действий.

Я обратился к Мерлину — но так громко, что слышали остальные.

— Владыка и вождь! Ведомые тобой, мы оставили далеко позади земли, исследованные скоттами. Теперь мы пропали. Наш капитан погиб и с ним большая часть команды.

Мерлин вздрогнул. Потом знаком велел мне продолжать.

— Владыка! Поскольку ты не в силах отвести нас туда, откуда мы пришли, из этих земель, где до нас не ступала нога римлянина, — значит, здесь мы должны жить и умереть. Из двадцати десятков отплывших с нами от Иски три месяца назад в живых осталось не больше пятидесяти. Все мы, кроме тебя, относительно молодые люди. Наше оружие, инструменты, ценности и одежды лежат под обломками корабля, а вода прибывает. Там остались и твои колдовские приспособления, без которых человек, сколь бы умен он ни был, мало чего может сделать. Так должны ли мы терять время, внимая этому кошачьему вою? Мертвцы, при всем к ним уважении, теперь не помогут нам. Благоразумный человек в первую очередь заботится о собственном благополучии и лишь потом оплакивает мертвцев. Раздевайтесь, воины, и марш в море! Надо спасать что успеем!

И словно рассеялись некие темные чары, тяготевшие над душами. Хриплые одобрительные восклицания раздались мне в ответ. Все мы взялись за работу и снова ожили. Бард скинул с себя платье столь же проворно, как и другие, хотя, входя в грязную воду, и продолжал шипеть, словно рассерженный кот, при мысли о прерванной погребальной песне. Но за работой по спасению имущества даже он несколько воспрял духом и так же, как остальные, громко вскрикивал и счастливо улыбался при виде очередной удачной находки.

Только Мерлин держался поодаль. Конечно, он был стар и непригоден к тяжелой работе в ледяной воде, но все же мне было горько видеть, как провидец удалялся от моря с опущенной головой, словно погруженный в мрачные мысли, и наконец скрылся за росшими неподалеку деревьями.

Я чувствовал, что посягнул на его власть, восстал против высшего, нарушил доверие между собой и человеком, которого уважал и боялся.

И все-таки я не виноват в несходстве наших характеров. Я человек практический, земной и думающий о земных вещах. Мерлин же человек духа, пусть он участвовал в сражениях и даже однажды принял командование у Артура и привел войска к победе — но все это было чуждо его природе. Несомненно, провидцу казалось более важным проститься с отходящими душами наших товарищей согласно с освященной временем традицией. Мне это казалось нелепым. И я ничего не мог поделать с собой. Такой уж я человек — и таким остался доныне.

Но с момента моего выступления я начал обретать власть над умами воинов, а Мерлин — в обратной пропорции к росту моего авторитета — начал терять свое влияние, хотя всегда продолжал считать себя главным среди нас.

Сначала я решил, что старец ушел, желая оставаться в одиночестве, но скоро понял, насколько ошибочно судил о его характере. Когда мы отдыхали возле кучи спасенных вещей, я вдруг увидел выющийся за деревьями дым. Приняв его за дым вражеского костра, я уже приготовился схватить меч и построить воинов, но в этот момент из-за деревьев появился Мерлин и жестом позвал нас. Мы направились за ним. Оказалось, старец нашел среди поросших деревьями дюн уютное место, куда яростный вой ветра доносился лишь в виде приглушенного ропота, и теперь дым гостеприимного костра поднимался почти до самых верхушек деревьев.

— Есть кое-что, Вендиций, что я могу делать и без своих магических орудий, — тихо сказал Мерлин и улыбнулся.

Я почувствовал себя пристыженным и не нашел

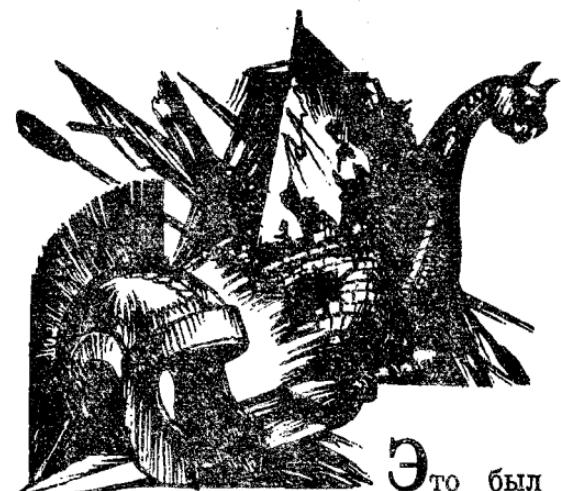
что ответить, хотя не понимаю, почему я должен был испытывать угрызения совести. Старец легко пожал мне руку и оставил меня сущиться у огня. Никогда больше не вспоминал он мою вспышку, случившуюся в тот злосчастный день.

Теперь же я должен признать крайне печальный просчет в своем руководстве.

Мы, несколько десятков потерпевших кораблекрушение людей, были выброшены морем на дикий и, вероятно, враждебный берег. И, однако, при виде жаркого костра я забыл о простейших мерах предосторожности и вместо того, чтобы приказать воинам собратьгодное к употреблению оружие, высушить тетивы и приготовиться к любой неожиданности, я с удовольствием занял место в тесном кругу у огня.

Там было тепло и уютно, и скоро от наших обнаженных тел повалил пар. Наслаждаясь теплом, мы поворачивались к огню то одним боком, то другим — и вдруг наша веселая болтовня разом смолкла, ибо на вершине ближайшего холма мы увидели группу очень странных людей.

ПЛЕННИКИ ТЛАПАЛЛАНА

Это был отряд суровых, хорошо вооруженных воинов, численность которого превосходила нашу по меньшей мере на два десятка. Они появились из сосняка на вершине холма и теперь без всякого страха внимательно рассматривали обнаженных незнакомцев. При этом ни они, ни мы не шевелились.

Затем вперед выступил их вождь и приветственно вскинул руку, обращенную раскрытой ладонью к нам.

Поскольку одет он был, как остальные — лишь некоторые незначительные особенности одеяния обличали в нем представителя знати, — то описание его вполне подойдет почти ко всем.

Кожа этого человека была медного цвета, и его снаряжение соответствовало ей по тону, ибо груди воина от плеч до живота прикрывал блестящий медный панцирь, а кисти и предплечья обхватывали медные браслеты.

На его голове сверкал медный шлем, украшенный олеными рогами, но макушка воина оставалась открытой — что, вероятно, облегчало врагу работу по

снятию скальпа, — и в действительности это был не шлем, а, скорей, толстый плоский тяжелый обруч.

Медный пояс — широкий и толстый — защищал живот воина и поддерживал короткую матерчатую юбку, увенчанную сверкающими кружочками слюды.

Шею воина обхватывало широкое ожерелье из медвежьих зубов, позвякивающих ракушек и жемчуга. В левой руке он держал медный топор, привязанный к деревянному топорищу.

Вдруг справа и слева от костра появились новые группы вооруженных дикарей в таких же — но менее богатых — одеяниях. Их панцири и пояса были не столь широки и толсты, и юбки не сверкали слюдой: юбки центурионов украшала единственная полоска орнамента, а рядовые обходились и вовсе без украшений.

Воины окружили нас, демонстрируя при этом хорошую дисциплину. Некоторые из наших противников несли копья, другие держали наготове уже заряженные приспособления для метания дротиков, а трое в каждой группе из десяти человек несли на плечах четырехфутовые палки с загнутыми с одной стороны и выдолбленными наподобие черпака концами. Эти последние — инженеры дикой армии — нагрузили черпаки тяжелыми камнями, и каждое подобное устройство превратилось в смертоносную, хоть и маленькую, катапульту, предназначенную для острястки раздетых невооруженных людей.

Представь же себе теперь: перед нами и по обеим сторонам костра стояли угрюмые молчавшие меднолицые люди, а позади свирепствовало море. Упрекнешь ли ты нас в том, что, выбирая между пленом и смертью, мы предпочли первое?

Мы, замерзшие и еще непросохшие, находились в совершенно подавленном состоянии духа из-за собы-

тий последней ночи. Неподалеку на берегу лежали наши окоченевшие друзья. Один щелчок пальцев, один гневный взгляд, одно неосторожное движение — и наши кости смешались бы с костями мертвых товарищей.

Будь наши луки высушены, тетивы натянуты, пращи наготове, мечи под рукой, тогда, возможно, история наших приключений сложилась бы совсем иначе — но в этом случае ты, мой Император, остался бы без подчиненного короля, который может ее поведать, и без подвластного тебе королевства в незнакомой стране.

Предводитель дикарей вышел нам навстречу, и я заговорил с ним. Все напряженно слушали. Я безрезультатно пытался объясниться с воином на латинском, кимрийском и саксонском и с горечью вспоминал при этом островитян, которые могли бы послужить нам переводчиками и которые утонули, крепко привязанные к своим койкам.

Воин заговорил со мной на певучем наречии и, не дождавшись ответа, перешел на другой язык, в котором слова произносились без движения губ. Я не понял ни первого, ни второго.

Из наших рядов выступил Мерлин в мокрых, прилипших к телу одеяниях — единственный одетый человек среди нас — и заговорил сначала на языке Друидов, а затем (как он сказал мне позднее) на греческом, еврейском и на разных галльских диалектах. Попытки не дали ощутимого результата, хотя время от времени какое-то слово казалось предводителю дикарей знакомым — тогда он перебивал старца и повторял его, но в конце концов всякий раз выяснялось, что это не то слово, которое воин имел в виду.

Он стоял и слушал провидца с выражением все

возрастающего удивления и недоумения и наконец прервал переговоры, повернувшись к нам спиной и махнув рукой своим людям.

Те схватили нас, и Мерлин крикнул остальным нашим товарищам: «Не сопротивляйтесь!» Нас повели вверх по холму к лесу под охраной копьеносцев, чьи суровые взгляды и угрожающее поведение внушали мало надежды на возможность успешного сопротивления.

Почти не разговаривая между собой, мы сидели и лежали на траве на вершине холма и наблюдали сверху, как пленивший нас воин и подчиненные ему офицеры (легко узнаваемые по рогатым шлемам) рылись в спасенных нами вещах, явно восхищаясь одними и презрительно отбрасывая в сторону другие.

Особенно их очаровали предметы из стали и железа, а также — хоть и в меньшей степени — из литой бронзы. В последней они узнали металл, родственный местной меди, но его твердость и прочность озадачила их, когда один из воинов, пробуя остроту моей бритвы, мгновенно отрезал себе кончик пальца.

Все металлические предметы дикари отложили в сторону, а остальные вещи разложили по кучам, сортируя их по весу, размерам и предполагаемой ценности. Затем они спустились к морю и долго смотрели на останки нашего корабля.

Потом офицеры сменили некоторых наших охранников, и те присоединились к товарищам на берегу: скинули одежду и попрыгали в воду. С удивительной скоростью они сняли с «Придвена» все, что только можно было оторвать, отковырять и отломать: винты, скобы, гвозди и ничтожнейшие металлические детали.

Возиться с затонувшей кормовой частью судна дикари пока что не стали, но стрелометы и торменты

разобрали полностью, перенесли деревянные детали на берег и сожгли вместе с бимсами.

Собрав всю добычу на берегу, меднолицые люди отвели нас вниз и уложили рядом с нашими собственными вещами, словно выочных животных. Затем они увязали вещи в огромные тюки — как мне показалось, совершенно неподъемные. Однако мы несли их на плечах с помощью специальных ременных петель, которые закреплялись на тюке и накидывались на голову, широкой частью ремня на лоб. В результате большую часть нагрузки брали на себя шейные мускулы. Действительно, это простое изобретение значительно облегчало труд, и я могу порекомендовать его крупным римским рабовладельцам, не желающим входить в расходы на выочных животных.

Вообще в этой стране нигде не используют никаких выочных животных, кроме собак (улучшенный вариант прирученного волка), и с помощью вышеописанного хитрого приема спасают свои спины от чрезмерных нагрузок.

Наши спины, однако, это приспособление не спасло, ибо на нас навьючили гораздо более тяжелый груз, нежели здесь обычно принято носить. Длинной вереницей потащились мы вдоль берега в направлении залива и, проходя мимо тел погибших товарищ, увидели омерзительную картину.

Еще прежде мертвые тела были раздеть и ограблены, но даже у обнаженного покойника оставалась еще одна вещь, которую можно было украсть, — и три кровопийца как раз занимались этим страшным делом.

Дикари поднимали по очереди голову каждого трупа, молниеносно надрезали острым ножом кожу вокруг черепа, глубоко погружали в надрез пальцы и рывком снимали с головы кожу с волосами. Вся

операция длилась считанные секунды (мы даже не успели запротестовать), а затем дикари быстро сокабливали кусочки мяса с обратной стороны полутившейся волосатой шапочки.

Дурнота и отвращение охватили нас при виде этого зрелища. Нам открылась вся жестокость и мерзость бытующих в этой стране обычаев, и мы устрашились уготованного нам будущего.

Охранники подгоняли нас древками копий. Спотыкаясь и шатаясь под чудовищной тяжестью тюков, мы углублялись в лес по рыбачьей тропе.

Позади оставались наши покойники, лишенные погребения по христианскому обычаю, униженные, изуродованные и достойные глубочайшего сострадания! Они казались символом всего утраченного наами — и если мертвые беззвучно вопиют о мести, то те горестные трупы, брошенные на проклятом берегу, громко взывали о ней в нашем сознании. Думаю, все мы остро чувствовали это, в угрюмом молчании входя в лес.

Мерлин был единственным среди нас человеком, расположенным к разговорам.

— Этот народ, должно быть, родствен скифам. Они точно так же сдирают кожу с черепа по самые уши. Полагаю, позже они дубят свои трофеи или коптят...

Дальше продолжать ему не пришлось. Ближайший к нему охранник яростно обернулся к старцу и, не произнося ни слова, ударил его плашмя по губам каменным топориком.

Мы пошли дальше без всяких разговоров. С бороды Мерлина — теперь не белой, а красной — кровь капала на расшитые узорами одеяния.

Тогда мы приняли этот поступок за очередное проявление бессмысленной злобной жестокости, но

скоро поняли, что у дикарей имелись веские основания требовать тишины. Не прошли мы и мили, как один из офицеров, который шел чуть в стороне от двигающейся по узкой тропе вереницы людей, вдруг схватился за горло и, кашляя кровью, упал на колени и повалился на бок.

Дикари тотчас пришли в движение, воины схватили свои атлатлы (или метательные палки) и вложили в них дротики, копьеносцы бросились в заросли налево и направо, испуская воинственные кличи «Я-хи-и-хи!». На нас обрушился град камней, без разбора поражающий и пленников, и охрану.

Мгновенно тихий лес превратился в ревущую Сатурналию. Копьеносцы начали отступать под натиском свирепых дикарей, которые были раскрашены так жутко, что мало походили на людей. И завязался смертельный бой. На периферии сражения кружили несколько стариков, слишком слабых, чтобы держать в руках дубинку или топорик — они криками призывали соплеменников к наступлению и, часто поднося к губам длинные тростниковые трубочки, посыпали из них в наши ряды маленькие стрелы.

Именно такая стрела и поразила первого офицера, пронзив ему шейную вену. Подобные стрелы представляли опасность и сами по себе, но кроме того, они предварительно выдерживались в позеленевшем гнилом мясе!

Наши хозяева никоим образом не теряли времени даром. Вооружение давало им заметное преимущество над врагами — и раз за разом на наших глазах искусно отражали они удары топора, дубинки или пики медным браслетом или панцирем, а в ответ мгновенно пронзали противника копьем или разрубали пополам его череп.

Свирепые же налетчики совершенно обезумели от

вида кровавой бойни, и постоянно задерживались то около одного, то около другого трупа, чтобы содрать с него волосы, не обращая внимания на кипящую вокруг битву и бездумно подставляя себя смертоносным ударам противника.

Мы, очутившиеся между двух огней бедные пленники, не знали, чью сторону принять. Обрушившийся на тропу в начале нападения град камней не причинил никому из нас вреда — и я предположил, что, возможно, белые люди и являются той самой добычей, за которую дерутся оба племени. А если так, решил я, нам лучше оставаться на стороне первого племени, нежели искать защиты у этих голых ярко раскрашенных демонов.

По крайней мере, военное снаряжение наших хозяев свидетельствовало о достаточно высоком уровне развития. Подумав об этом, я окончательно определил свою позицию в полном яростных воплей кровавом аду — и начал действовать.

Рядом со мной, осаждаемый тремя противниками, сражался наш вождь: одного он пронзил копьем, второму раскроил череп. Но третий повалил его на землю ударом узловатой дубинки и, с торжествующим воплем выхватив каменный нож, прыгнул на поверженного.

С меня этого хватило. Я молниеносно скинул с плеч тяжелый тюк и — как был — обнаженный и безоружный, набросился на дикаря и сдавил пальцами его горло. В схватке я успел мельком заметить изумленное лицо поверженного вождя, но мой противник не дал мне времени на раздумья.

Его тело, смазанное каким-то маслом, было страшно скользким. От дикаря дурно пахло прогорклым медвежьим жиром, дымом и шерстью. Со змеиной ловкостью он вывернулся из моих рук и мгно-

венно всадил мне нож в предплечье. Следующий удар пришелся бы мне в горло, если бы вождь, который к этому времени уже поднялся из-под наших ног, не схватил свой топор и не раскроил свирепую раскрашенную физиономию дикаря от макушки до зубов.

Я схватил нож, вскочил на ноги и испустил воинственный клич «Я-хи-и-хи!». Вождь вторил мне, улыбаясь (и это была первая улыбка, увиденная мной со времени высадки на кровавый берег), и спиной к спине мы принялись отражать удары наступающих врагов.

Слишком занятый, чтобы смотреть по сторонам, я все-таки услышал, как остальные мои товарищи последовали моему примеру и с воинственными британскими кличами бросились в бой. Внезапно волны атак перестали разбиваться о незыблемую стену нашей обороны. Нападающие и атакуемые вдруг замерли на месте и прислушались. Где-то вдали прозвучал долгий крик с подыванием — и повторился после непродолжительной паузы.

Не задерживаясь, чтобы подобрать убитых и раненых, наши враги тихо скользнули обратно в заросли и мгновенно исчезли, а победители отдохнули и занялись осмотром поля боя.

После непродолжительного отдыха нас принудили сдать оружие и вновь взвалить на плечи поклажу. Но теперь с нами обращались с известной долей уважения и не подгоняли, как прежде, — ибо ожидаемое нападение осталось позади, и лес больше не таил опасности.

Скоро ко мне приблизился вождь и, заметив, что рана на руке причиняет мне боль, знаком велел одному из воинов взять мой тюк. Некоторое время он шел рядом, обдумывая возможный способ общения,

но наконец с веселой усмешкой отказался от этой затеи и пристально посмотрел на меня.

Потом воин несколько раз медленно и отчетливо произнес по слогам «Хай-он-ва-та» и стукнул себя в грудь, отчего звякнуло его ожерелье из медвежьих зубов и жемчуга.

Так, значит, это твое имя, мой знатный варвар! — подумал я и повторил его жест — «Вендиций Варрон». Я назвал свое имя дважды, но оно показалось вождю чересчур сложным, и после нескольких неудачных попыток произнести звук «в» он окрестил меня сначала «Харо» (и это было максимально приближенное к подлинному звучанию воспроизведение моего имени, на какое оказался способен Хайонвата), а впоследствии называл «Атохаро».

— Харо! Харо! — восхликал он теперь, поднимая вверх одну руку с растопыренными пальцами. — Хайонвата! — И вскинул вверх другую руку.

Затем, разразившись журчащим потоком слов на своем губном языке, воин сцепил ладони над головой жестом, означающим наш с ним союз, а затем прижал левую руку к сердцу и плавно повел ею в мою сторону. Таким образом он предлагал мне свое сердце и дружбу, и я радостно повторил жест, довольный тем, что так скоро нашел друга. Но на этом дело не кончилось.

Достав нож, воин сделал надрез на собственной руке и прижал свою кровоточащую рану к моей, чтобы наша кровь смешалась. Так я обрел брата по крови, который (хотя тогда я не мог этого предвидеть) в грядущем стал мне надежным союзником и верным товарищем.

Пока все это происходило, мы продолжали энергично шагать по лесу, а затем внезапно вышли на открытое пространство в несколько акров. В центре

его находилось обнесенное частоколом укрепление с высокими прочными стенами из бревен — передовой сторожевой пост в дикой стране, которую можно было держать в мире только под страхом постоянных набегов и налетов.

Мой новообретенный друг остановил меня, и мы пропустили длинную вереницу людей вперед, внимательно оглядываясь по сторонам. Огромную поляну со всех сторон обступал густой сосновый лес, но на открытом пространстве значительная часть земли была возделана, и на ней росли высокие злаки с длинными листьями. Подобное растение я видел впервые и не без труда выяснил его название: теоцентли.

Зерна теоцентли зреют в мясистых початках, обернутых мягкими листьями. Каждое из них в дюжину раз превосходит размерами зерно пшеницы и, будучи хорошо измельченными, эти зерна превращаются в великолепную муку для выпечки, хотя их можно вкусно приготовить и многими другими способами. Растение это является основным хлебным злаком, на котором зиждется цивилизация этой страны — ибо лишь огромные урожаи, собираемые после посадки всего нескольких семян, позволяют прокормить огромное количество рабов, живущих в широких бассейнах рек — а здешнее общество целиком основывается на рабстве.

Семена этого растения ты найдешь среди посыпаемых мною вещей. Несомненно, снимать и обрабатывать урожай с теоцентли во многих отношениях легче, чем возиться с распространенными у нас зерновыми, вроде пшеницы, ржи и ячменя.

Хайонвата показал мне также другой участок распаханной земли, на котором рос буйный широколиственный злак, и знаками дал мне понять, что тот

чрезвычайно хороши: погладил себя по животу и глубоко вздохнул. Но каким образом употребляют сей злак, я тогда и представить себе не мог. Как это ни странно, местные жители подсушивают его листья, измельчают их и насыпают в маленькие каменные чашечки с приделанными к ним тростниковые мундштуками. Затем они поджигают сухую труху, втягивают ароматические пары через рот и выпускают их через ноздри!

Эти ароматические пары оказывают целительное воздействие на организм. Правда, новичок испытывает сначала головокружение и дурноту, но за ними следует чувство приятного возбуждения, похожего на то, какое испытываешь, напившись слабого вина. Среди местных дикарей обычай дышать дымом широко распространен, и они не отрывают совет и не решают никакие важные вопросы, не выпустив предварительно клубы дыма на все четыре стороны света и не исполнив затем некий сложный (и едва ли необходимый) ритуал с целью заручиться поддержкой добрых духов.

Однако народ, среди которого мне довелось жить, стоит выше подобных примитивных суеверий, почтает всего лишь трех главных божеств: Солнца, Земли и Воды — и курит траву лишь в их честь.

Видя мое желание узнать побольше, Хайонвата начал указывать на проходящих мимо людей, произнося при этом на своем певучем наречии: «Чиппэвэй, Ямаси, Отали, Нэши, Шавано» и прочие названия разных племен. Теперь я имел возможность рассмотреть воинов внимательней и заметил некоторые различия в их раскраске и вооружении.

Затем вождь повел рукой, широким жестом охватывая все племена разом, и произнес: «Тлапаллико»,

после чего погрузился в мрачное молчание, словно раздраженный некоей мыслью.

Я постучал его по груди и спросил: «Тлапаллико?»

Хайонвата вздрогнул, сверкнул глазами и сильной рукой схватился за ручку заткнутого за пояс топора.

— Онондагаоно! — воскликнул он и ударил себя в грудь с глубоко оскорбленным видом. Потом улыбнулся и, желая убедиться, что я больше не впаду в подобное заблуждение, повторил дважды: «Онондага! Онондага!» — на сей раз без окончания «оно», применяемого, как я понял, для обозначения племени или рода, но никак не отдельного человека.

Я указал на своих товарищев и сказал: «Римляне», и вождь несколько раз повторил слово, стараясь запомнить его как следует.

— Тлапаллико? — спросил я затем, указывая на нескольких пленных дикарей — большей частью раненных, — идущих под охраной в самом конце процессии.

— Калуза! — прорычал Хайонвата и презрительно сплюнул в их сторону. — Чичамеки!

Так я бы мог сказать: «Саксы! Варвары!»

И все-таки именно от коренных жителей этих мест и их соседей, Каранков, Тлапаллики были вынуждены обороняться в лагере за земляными валами с возведенным на них высоким частоколом из заостренных сверху бревен.

Процессия прошла мимо, мы последовали за ней через поляну, вверх по земляной насыпи — и через ворота в частоколе вошли в крепость Чипам. За ограждением находилось множество хижин — непрочных сооружений и конструкций из шестов, установленных над находящимся ниже уровня земли полом и обтянутых широкими кусками коры или звериными шкурами.

В самом центре лагеря стояли два бревенчатых сооружения — одно большое, другое маленькое. В маленьком жил вождь, а в большом, двери и решетчатые окна которого могли запираться наглухо, располагалась крепостная тюрьма.

— Вейк-Баум, — сказал Хайонвата, и все ставни были мгновенно открыты. Здесь провел ночь наш отряд из пятидесяти человек. Незадолго до наступления темноты нас накормили вкусным блюдом из медвежатины и оленины, тушенной с желтыми зернами теоцентли и мелкими черными бобами. После вкусного сытного ужина многие отправились на боковую, но ни я, ни Мерлин заснуть не могли.

Большую часть ночи мы с Мерлином наблюдали из зарешеченных окон за разыгрывающимися на плацу сценами: там казнили пленных Калузов, чтобы умиротворить души Тлапалликов, убитых в сего-дняшнем сражении.

Изуродованные и оскальпированные, они все до единого погибли на костре с дерзкой песней на устах. И нескользкими днями позже я видел их черепа, насаженные на колыа ограждения в напоминание лесным разведчикам о судьбе, ожидающей всякого, кто осмелится посягнуть на силу крепости, расположенной на самых отдаленных границах могущественной империи, которой мы достигли.

— Хью-хью-Тлапаллан, — так позднее назвал ее мне Хайонвата. — Старая-старая Красная Земля!

И действительно, каждый дюйм этой земли был красным: кровь насквозь пропитала здешнюю почву, обычай и дух племени; алтари смердели, и жрецы воняли сырым мясом. Красной была листва деревьев на северных границах империи; красной была земля здесь, где мы лежали теперь, — и такой же красной была она дальше к югу.

Даже мысли, мечты и желания здешних людей были окрашены в красный цвет — еще более красный, чем цвет их кожи.

В тот вечер закатное солнце залило своими лучами всю крепость и окрасило багровым крыши хижин. Скаты насыпей из красной земли и рубленные из красной сосны помосты для стрельбы стали густо-кровавого оттенка: сначала в лучах заходящего светила, а после заката — в алых отсветах костров, на которых почитатели Солнца сжигали своих врагов.

Знай мы тогда больше, мы приняли бы это за предзнаменование, касающееся нашей дальнейшей жизни в сей жестокой стране.

КАК ПУГАЛИ НЕПОСЛУШНЫХ ДЕТЕЙ В САМФРАКИИ

Рано утром нас разбудили чьи-то голоса. Мы снова выглянули в забранные жердями окна и увидели нескольких проходящих мимо людей — легко одетых, но хорошо вооруженных: готовых и к трудностям долгого перехода, и к встрече с врагом.

Они вышли за северные ворота, настороженно осмотрелись по сторонам и, рассыпавшись, исчезли в лесу. Мы догадались, что это гонцы, посланные уведомить некоего монарха о нашем появлении в стране.

Очевидно, эти люди внушали местным дикарям глубокое уважение, ибо после отбытия последнего гонца небольшой отряд воинов еще на некоторое время задержался у ворот на случай, если кто-то из посыльных вернется, преследуемый противниками.

Но ничего такого не случилось. И когда туман и предрассветный холодок уступили место теплым солнечным лучам и нас накормили, воины разошлись по своим хижинам. Теперь на каждом четырехстенном помосте для стрельбы осталось по два часовых, а высоко над ними постоянный дозорный следил за

лесом со сторожевой вышки, расположенной между тюрьмой и домом вождя.

Часовые на этом посту сменялись каждый час, и лишь однажды за сорок дней, проведенных в крепости, мы явились свидетелями некоторого ослабления бдительности и военной дисциплины.

Люди постоянно входили в крепость и выходили из ворот группами, разными по численности, но не менее четырех человек за раз. Иногда они приносили плетеные корзины со свежей и соленой рыбой, иногда оленью тушу, иногда убитого медведя — черного или бурого, — разжиревшего, как свинья на ягодах, которыми изобиловали окрестные леса.

Кроме известных нам голубей, гусей, уток, журавлей, куропаток, фазанов и прочих годных в пищу пернатых охотники часто приносили незнакомых птиц — чрезвычайно жирных, с бронзовым опереньем и красными бородками.

И с утра до самого вечера в крепость прибывали корзины соли. Их уносили на склад с величайшей осторожностью, словно бесценное сокровище, для охраны которого, казалось, и возведена эта крепость.

Здешние земли изобилуют всем, необходимым для безбедной жизни. Я видел в небе стаи голубей, за-слоняющие солнце и столь длинные, что три дня кряду не видно им ни конца ни края. Когда же такая стая спускается на землю, то ночью можно спокойно идти в лес, не соблюдая никаких мер предосторожности и даже не вооружившись палкой, и собирать спящих с деревьев и кустов голыми руками. А к утру лес остается без единого зеленого листочка, словно за ночь его поразила какая-то вредоносная болезнь.

Это богатая и плодородная земля, мой Император — земля, которую я берегу для тебя!

Однако в описываемое мной время никто из нас

не рассчитывал на нечто большее, чем каждодневное питание. Все мы с чувством неуверенности и страха ожидали возвращения гонцов с распоряжениями, касающимися нашей судьбы.

Так прошла неделя. В нашем окружении и распорядке дня не произошло никаких изменений — разве что нам вернули одежду (но не оружие), и лекарь залечил разбитые губы Мерлина, мою раненую руку и различные ушибы и травмы остальных, пострадавших во время кораблекрушения. Одного человека, в частности, этот лекарь лечил способом, который наверняка заинтересует римских врачей так же, как заинтересовал меня.

На второй день нашего плена человек этот пожаловался на головную боль и скоро начал стонать и кричать от муки, а на следующий день смотрел на нас лихорадочно блестящими глазами, никого не узнавая.

Мерлин ничем не мог помочь несчастному, и мы уже отчаялись спасти его. Но упомянутый лекарь осмотрел больного и, в то время как некий молодой человек (очевидно, сын целителя) с интересом наблюдал за происходящим, дал нашему товарищу пожевать каких-то сухих листьев, а затем пожевал их сам.

Потом лекарь велел четырем из нас сесть на каждую руку и ногу больного, дабы тот не мог пошевелиться, — и приступил к работе.

Сначала острый как бритва ножом из вулканического стекла (которое называется здесь итцтли) лекарь частично оскальпировал больного, откинув срезанную кожу назад, обнажив черепную кость, и поплевал на рану соком разжеванных листьев. Затем он вынул осколок треснувшей кости, который — как мы увидели — давил на мозг, проворно удалил пинцетом мельчайшие частицы кости и зачистил края

отверстия, смазывая их слюной, после чего ловко вырезал из толстой морской раковины кусок, повторяющий форму раны, и вставил его в череп.

Потом, предварительно еще раз поплевав на рану, лекарь пришил жилой срезанную кожу на место и знаками велел нам следить за тем, чтобы больной оставался в неподвижности. И два дня мы выполняли это указание, привязав товарища лицом вниз к деревянной доске, которую меднолицые принесли нам. По истечении же этого срока он пришел в сознание и, несмотря на крайнюю слабость, был уже в состоянии заботиться о себе сам.

И вот что странно: хотя больной и страдал во время операции, но все-таки слюна лекаря и проглоченный им самим сок разжеванных листьев значительно ослабили болевые ощущения.

Поэтому посылаю тебе все листья, что мне удалось собрать, — они редки и в высшей степени ценные, их с великим трудом доставили нам из лежащих к югу вражеских земель. Надеюсь, твои ученые сумеют опознать их и найти подобные растения в Европе.

После недели заключения, в течение которой с нами обращались скорей как с почетными военно-пленными, нежели рабами или врагами, меня пригласили проследовать в вейк-ваум вождя.

Здесь мы с Хайонватой снова попытались разговариться и, поскольку оба очень хотели понять друг друга, то к концу месяца я уже знал достаточно слов на местном наречии, чтобы суметь внятно объясняться. Мерлин тоже допускался на эти занятия и овладевал новыми знаниями значительно быстрей меня. В свою очередь и мы с провидцем обучали наших товарищества своему языку.

Во время этих бесед мы узнали многое, о чем следует здесь поведать, ибо сие отступление во многом прояснит для тебя стремительное развитие по-

следующих событий. Однако ты должен понять, что сам я долгие годы не знал всего этого.

Страна, где мы живем, называется Алата. При составлении карты, прилагаемой к сему донесению, я руководствовался отчасти личными наблюдениями, но в основном — свидетельствами местных торговцев, которые по воде и по сухе преодолевают огромные расстояния на лодках и пешком, ибо нигде в этих землях нет иных средств передвижения.

Далеко на севере этой земли находится внутреннее море с пресной водой. В его окрестностях, как и вдоль всего побережья океана, обитают дикие племена. Все они говорят на разных языках и, будучи совершенно варварами, постоянно воюют между собой. Страну эту называют Чичамека, а всех ее обитателей — чичамеками, независимо от того, как они сами себя именуют.

К западу до самого края мира простираются широкие холмистые равнины и долины, также населенные кочевыми племенами. Рубеж земли обозначен колоссальным горным хребтом, перейти который не по силам человеку, ибо вершины его возносятся на такую высоту, где воздух непригоден для дыхания.

К югу лежит жаркая, курящаяся испарениями земля под названием Атала — покрытая буйной растительностью и неприятно влажная. Это родина майя, правящего класса Тлапаллана. Оттуда они двинулись на север и осели в плодородных, удаленных от моря долинах. Могучие реки, несущие свои воды в этом краю, являлись удобными путями сообщения и обеспечивали население огромными площадями пахотных земель.

Здесь майя множились и процветали. Исконных обитателей этих мест они вытеснили в леса, обрекая на дикое существование, — и те, превратившись в

великолепных охотников и воинов, жили в вечном страхе перед тлапалликами и майя.

Вдоль границ Тлапаллана — особенно северных, северо-восточных — тянется цепь сильно вооруженных и всегда готовых к бою крепостей; они контролируют крупные реки, являющиеся в этой стране главными путями сообщения. Основные тропы, проложенные через леса и горные цепи, тоже находятся под контролем крепостей. Кроме того, в горах постоянно несут дозор патрульные солдаты.

По отношению к дикарям чичамеки испытывают глубокий страх и одновременно некоторое презрение: страх перед боевыми качествами противника и презрение к их культуре. Ибо солдаты эти сами являются выходцами из чичамеков, но, выступив на защиту дорог Тлапаллана, стали мало чем отличаться от возможных захватчиков.

Система рабовладения здесь такова: после плениния женщина или мужчина немедленно превращаются в раба. Практики освобождения из жалости или обмена пленными здесь не существует. Нет у раба и ни единого шанса на побег — ибо после плениния его немедленно препровождают в глубь страны, и там, затерянный среди несметных полчищ тлапалликов, несчастный превращается во выючное животное и от зари до зари трудится на полях, ловит под строгим надзором рыбу или работает на возведении одной из бесчисленных насыпей в форме пирамид (достигающих иногда высоты в сто футов и занимающих акры площади) или просто небольших курганов, возводимых только для того, чтобы занять работой праздные руки.

Эти холмы и насыпи разной формы являются основным предметом гордости и отличительной чертой Тлапаллана. Почти вся жизнь тлапалликов так или иначе связана с насыпями.

Из земли насыпаются крепостные валы, на вершине которых возводится частокол. По берегам полноводных рек высится множество холмов: на них люди ищут спасения во время внезапных наводнений, ибо здешние могучие реки способны широко разливаться или менять русло в течение одной ночи. Другие курганы возводятся над телами прославленных мертвцев — и они воистину огромны. Мне говорили, что на сооружение одного подобного кургана ушло пятьдесят лет, и две тысячи рабов трудились на его строительстве (когда не были заняты на земледельческих работах).

Два человека погребены под этим курганом — но погребены очень давно, и никто ныне не помнит их имен и деяний!

Рабов хоронят совсем иначе. Именно они возводят курган возле храмов. Именно они днем и ночью следят за священными кострами, поддерживают огонь и гасят раз в год с тем, чтобы немедленно зажечь снова. Но в религиозном культе им отведена незавидная роль.

Став старыми и слабыми, рабы долго не заживаются на свете — ибо из ценных предметов собственности превращаются в лишние рты, впустив переводящие корм. Тогда им снова предстоит взойти на храмовые курганы, обильно политые их слезами и потом, и погибнуть на алтарях во славу жестоких богов своих хозяев.

Иная судьба у их детей. Оторванные от родителей в самом раннем возрасте, молодые чичамеки воспитываются в соответствии с суровыми законами Тлапаллана. С рождения лишенные любви и нежности, они вырастают безжалостными и жестокими. Большинство мальчиков становится солдатами; воспитанников, подающих надежды, специально готовят к

офицерской службе. Но тупоумных детей и калек постигает судьба родителей — и годы спустя кто-то из них, взбираясь с полной земли корзиной на высокий курган, может встретить ковыляющую вниз старую каргу — и не узнать в ней свою мать; а кто-то, стоя в толпе у храмового кургана, может увидеть, как в последних лучах заходящего солнца верховный жрец поднимет над головой еще бьющееся сердце его отца, упрашивая уходящего бога вернуться наутро из своего темного логовища.

Но каким бы тяжелым ни был труд этого не способного к обучению раба, какой бы тяжелой и голодной ни была его жизнь, все же у него есть надежда, которой не знали его родители. Сын родителей-рабов по простой прихоти хозяина может стать свободным человеком, взять небольшой надел земли и, заделавшись мелким тлапалланским землевладельцем, лелеять надежду, что в свою очередь его сын — тлапаллик в третьем поколении — уже сможет заняться торговлей, продавать вулканическое стекло, изделия из металла или краски для раскрашивания тел чичамеков, своих сородичей.

В этом случае из походов торговец будет привозить домой массу ценных вещей: меха, жемчуг, редкие изделия из перьев, золота и серебра — если, конечно, эти кичливые дикари не убьют его, как истинного сына Тлапаллана!

Хотя цветом кожи, внешностью и гордым жестоким выражением лица представители разных племен очень похожи друг на друга, майя легко отличать от тлапаллика по форме черепа. Вскоре после рождения ребенку майя крепко привязывают к голове спереди и сзади маленькие дощечки, в результате чего мягкая черепная кость порой собирается сверху в склад-

ки и превращается в подобие петушиного гребня, но чаще приобретает форму высокого острого конуса.

Поэтому раб никогда не сможет выдать себя за представителя правящего класса или вступить в брак с кем-то из майя.

Хайонвата принадлежал ко второму поколению выходцев из леса, воспитанному для войны. Но по странному недоразумению в детстве к нему приставили нянькой его собственную мать — поэтому он успел вкусить запретной материнской любви и рано лишенный ее, пронес через всю свою жизнь горькую ненависть к тlapалликам и сыновьям рабов, составляющим основную часть рядовых солдат и крепостных гарнизонов. Именно эта мучительная ненависть отчетливо прозвучала в его голосе, когда во время первого нашего похода он перечислял названия племен, к которым принадлежали проходящие мимо воины, — названия, неизвестные самим воинам, ибо их поставили защищать крепости далеко от родных земель с тем, чтобы никогда не узнали они своих соплеменников, всегда чувствовали себя чужаками во враждебной стране, единственными своими друзьями считали товарищей по оружию и в каждом обитателе окрестных лесов видели врага.

Таким образом отдельный человек терял индивидуальность и превращался в тlapаллика, гражданина Тlapаллана. Бывали редкие исключения вроде Хайонваты, который в порыве безумной гордости перед спасшим ему жизнь ничего не понимающим чужеземцем отрекся от своего данного по рождению права гражданства и объявил себя «Онондага» по названию родного племени своей матери, обитающего на северных берегах Внутреннего Моря.

Все это Хайонвата подробно объяснил нам с Мерлином во время личных бесед и поведал также о том,

что пришли майя из юго-западных земель, не нуждающихся ныне в защите и охране, — эти пустынные земли с отравленными колодцами и родниками разделяют границы Тлапаллана и ближайшие территории, населенные крупными цивилизованными племенами. Он рассказал, как тлапаллики, предварительно запасшись картами с обозначением источников свежей воды, совершали набеги на эти Спорные Территории и возвращались оттуда с пленниками, которые высоко ценились за искусство изготовления изделий из перьев и умение ткать одеяла.

Также Хайонвата сказал нам, что некоторые дикие племена почитают юго-западные земли за место последнего отдыха, ибо верят, что оттуда некогда вышли все люди и что там находится Земной Рай. Поэтому мертвцевов кладут в могилу головой на юго-запад, лицом вверх — а вместе с ними погребают их ценные вещи и оружие, дабы в Стране Мертвых они могли процветать и защищать себя от врагов.

Все это чрезвычайно заинтересовало Мерлина: он решил, что упомянутый Земной Рай и является тем самым Райским Садом, откуда вышли все люди. Мудрец просто изнывал от желания скорей выйти на свободу и отправиться на поиски этой Страны Блаженных — и страшно боялся, что нам не дадут такой возможности.

Бесчисленное число раз рассказывал он мне о различных известных ему верованиях и религиях, согласно которым Рай находится в некоей таинственной Западной Стране, и беспрестанно напоминал о том, что в поисках материка Двух Гесперид мы плывли все время на юго-запад.

По ночам, когда все спали, целиком поглощенный и буквально одержимый мыслью о таинственной стране Мерлин стоял у зарешеченных окон, пытаясь

найти в звездном небе некое указание на благоприятный исход нашего заключения.

Но — к великому разочарованию старца — звезды молчали. Некоторые созвездия были нам и вовсе незнакомы, поэтому я предположил, что, возможно, способности Мерлина к колдовству и прорицанию не помогут нам в стране Алата — ибо боги ее настроены против нас.

В ответ на это предположение Мерлин улыбнулся и сказал, что, хотя будущее действительно скрыто за мраком неизвестности, способности его к колдовству остаются в силе в любой стране, поскольку колдовство основано на неких главных принципах природы, остающихся неизменными в любом месте на земле, и мастерство колдуна в основном зависит от обычных земных вещей, общих для любого человека, способного постичь их и выявить их достоинства.

— Дай мне мои книги, — сказал он, — мои колдовские инструменты, и я выведу всех вас отсюда с помощью белой магии. Но что я могу сделать, лишенный всего, кроме своих одеяний?

— Черная магия! — воскликнул я. — Используй ее! Достойная цель оправдывает грязные средства.

Мерлин покачал головой.

— Да, черная магия помогла бы нам. Я могу разрушить крепость заклинаниями и этим подвергнуть опасности свою бессмертную душу. Но я слишком много странствовал вдоль темных границ Ада! Когда-то давно слишком многое открылось мне — и я получил предостережение. Никогда больше не стану я прибегать к черной магии — разве что в самом крайнем случае, могущем оправдать сей великий риск. Однако, дабы ты не сомневался в том, что в моем распоряжении остались силы, способные защитить нас, выгляни в окно и ничего не пугайся — ибо

я обращусь сейчас не к черной и не к белой магии, но к простейшему приему, которым раньше владели все самофракийцы и которым взрослые пугали непослушных детей.

Мерлин подошел к окну и приглушил свистнуло себе в бороду. Внезапно из сумерек, хлопая крыльями, вылетела летучая мышь, вцепилась коготками в решетку окна и обвела нас взглядом. Указательным пальцем Мерлин погладил шелковистую спинку и снова свистнул — и крохотное существо пискнуло в ответ!

Затем в мгновение ока летучая мышь исчезла, Мерлин поднял руку.

— Смотри! — произнес он. — И не двигайся!

Летучая мышь облетела спящую крепость против движения солнца — раз, другой, третий — и вновь скрылась с глаз.

Мерлин уронил руку вниз и прислушался.

— Ты слышишь? — спросил он.

Я отрицательно покачал головой. Все оставалось по-прежнему, разве что подул легкий ветерок.

Так я и сказал. Мерлин усмехнулся.

— Ветерок? А ну-ка прислушайся.

Ветерок превратился в сильный ветер, а затем в ураган, под ударами которого наша прочная тюрьма закачалась, и бревенчатые стены ее затрещали.

Из солдатских хижин донеслись крики, ибо ненадежные эти строения посыпало ветром, и спящие оказались под открытым небом.

Но ураган все усиливался. Теперь проснулись все заключенные. Тюрьма дрожала и раскачивалась, до нас доносился треск падающих в лесу деревьев. Сначала, чтобы услышать друг друга, нам приходилось кричать — потом и это стало бесполезным. А чудовищный ураган, словно огромная метла, сметал жал-

кие обломки вейк-ваумов в кучу к южной стене крепости.

Внезапно мы увидели над головами черное небо и далекие бесстрастные звезды — мелькнула в воздухе сорванная ветром крыша тюрьмы, и раздался страшный грохот ее падения на плац. Мы почуяли запах дыма: то взметнулись снопы искр от бивачных костров за нашими стенами.

— Останови его! — завопил я. — Ты убьешь всех нас!

Мерлин поднял руку, и ветер мгновенно стих.

Теперь мы услышали многоголосые стенания и жалобы раненых. Вдруг все вокруг озарилось ярким светом — то, превращая ночь в день, горела куча обломков от частокола. Яростные языки пламени ползли снаружи по стене тюрьмы, лизали двери и плясали за окнами.

По очереди взбираясь друг другу на плечи, мы выглядывали из-за стены и осматривали разрушенную крепость. «Маленькое заклинание для острастки непослушных детей» сработало отлично.

На территории крепости не осталось ни одной хижиной. Там и сям ковыляли раненые, неся на руках или поддерживая товарищей. Погибла почти третья гарнизона и все — кроме нас, заключенных в самый прочный застенок — так или иначе пострадали.

Сторожевая вышка рухнула и проломила крышу в доме вождя. Но сам Хайонвата остался жив и сейчас прихрамывая ходил по крепости, пытаясь восстановить порядок.

Частокол полыхал ярким пламенем, но гарнизон был настолько ошеломлен случившимся, что дал ему спокойно догореть. Ударь тогда чичамеки, никто из нас не остался бы в живых.

Оружие, продовольствие и предметы торговли горели в одной куче с обломками хижин. Немногие вещи избежали огня — в том числе и наши, которые хранились в подвале под домом вождя и остались в целости, хотя сам дом рухнул.

Мерлин обернулся ко мне.

— Ну как, Вендиций, работает искусство Друида в Алата?

Отрицать этого я никак не мог.

КУКУЛЬКАН

Но как только прошел первый шок, показала себя замечательная дисциплина этих людей. Вождь отрывистым голосом раздал приказы — и работа по спасению крепости началась. До восхода солнца огонь был потушен, а оружие, ценности и прочие уцелевшие вещи извлечены из-под обломков.

Со своей стороны я, как командир нашего отряда, велел своим людям оказывать солдатам гарнизона всемерную помощь, ибо рассудил, что подобное проявление благорасположенности сможет оказаться всем нам полезным, как оказалась полезной моя помощь Хайонвате, послужившая залогом нашей дружбы и его благосклонности ко мне.

Мои действия, хоть и являющиеся дальнейшим посягательством на власть Мерлина, не вызвали у него никакого недовольства — напротив, он искренне их одобрил. Казалось даже, в глубине души мудрец почувствовал некоторое облегчение, когда я взял на себя командование людьми, ибо он не любил исполнять воинские обязанности, несмотря на то, что сражался в Британии.

Мы предложили помочь в уходе за ранеными и скоро разместили всех их в нашей бывшей тюрьме. Здесь Никанор (легионер, имевший некоторые познания в медицине) и Мерлин опекали пострадавших, пока их не сменил крепостной лекарь.

Во время переноски раненых мы наткнулись на яму, в которой лежали наши вещи, и, пользуясь царапящим вокруг смятением, вооружились луками, мечами, щитами и кинжалами.

После этого мы строем отправились к вождю.

— Владыка! — возвестил я. — Прошу тебя, прими нас как друзей и союзников в сих чрезвычайных обстоятельствах. Тебе грозит опасность нападения лесных дикарей. Мы будем охранять брешь в ограждении до тех пор, пока его не восстановят.

Хайонвата странно взглянул на нас.

— Понимаешь ли ты, что делаешь, Атохаро? Вы запросто можете бежать. Теперь мы не в силах помешать вам.

Я рассмеялся.

— Куда нам бежать? К чичамекам? Нет, мы хотим заслужить свободу, показав себя истинными друзьями. Поставь нас на самую опасную позицию — и в случае нападения дикарей ты увидишь, как умеют драться белые люди!

Снова тот же странный взгляд.

— Пусть будет так. Я предупредил вас. Если вы предпочтете остаться, мы должным образом оценим вашу помощь. Что бы ни случилось, этот день сделал нас истинными братьями. В будущем я всегда помогу тебе, чем смогу. Но помни: твоя свобода зависит не от меня, но от Кукульканы!

Итак, я отобрал два десятка воинов, и они стояли на страже у дымящихся руин, пока остальные облачились в полное военное снаряжение. Потом мы смешили часовых, и те, в свою очередь, надели доспехи.

Затем все мы рассыпались вдоль стен, держа наготове луки и колчаны со стрелами.

Теперь крепость целиком находилась в нашем распоряжении — самый странный поворот судьбы, какой только можно вообразить. Если бы мы могли извлечь из него выгоду!

Сразу после восхода солнца из крепости вышли гонцы и рассыпались по лесу. А к полудню из ближайшего к нам укрепления, крепости Виатоза, подоспело подразделение, в два раза превосходящее силы нашего гарнизона — тяжело вооруженные воины в сопровождении нагруженных военным снаряжением рабов, которые плелись из последних сил, задыхаясь от усталости.

Видел бы ты, как эти меднокожие воины расхватали свои атлатлы с дротиками, копья и костяные, кремневые и выточенные из ракушек ножи и важно вошли в крепость, чувствуя себя героями. По мере того, как поднималось их настроение, наше падало.

Подошедшие часовые сменили нас на земляном валу и у бруствера. Мы построились на плацу — и ждали.

Скоро появился Хайонвата в сопровождении старших офицеров. Мы напряженно следили за их приближением. Какие приказы последуют? Воины за моей спиной взволнованно перешептывались. Неужели снова тюрьма? Насколько я знал, они скорей предпочли бы принять сражение.

Мерлин и Никанор выбежали из здания тюрьмы — посмотреть, что сейчас произойдет. Я сделал пять шагов вперед, отстегнул от пояса меч и ножны и протянул их Хайонвата. Тот поднял руку жестом величественного отказа.

— Оставь свое оружие при себе, Атохаро! Сегодня ты завоевал себе место среди нас. Давайте же будем не пленниками и хозяевами, но единым народом —

до тех пор, пока я не получу указания с гонцами, отосланными по вашем прибытии в крепость. И приими также сей символ нашей дружбы.

Офицер вручил ему ожерелье, подобное тому, которое носил и сам вождь: из нескольких рядов сверкающих жемчужин, оленьих и медвежьих зубов, кусочков золота и слюды. Я снял шлем, и Хайонвата надел роскошное украшение мне на шею. Я отсалютовал вождю. Мерлин вернулся в госпиталь, незаметно улыбаясь в бороду, и мои воины разошлись.

То был радостный вечер, ибо для любого мужчины — будь то тлапаллик или британец — нет больше радости, нежели чувствовать тяжесть оружия у бедра. И если наши бывшие хозяева расхаживали по крепости с важным и довольно видом, то подумай о нас, так долго лишенных удовольствия взять в руки добрый клинок и верный лук!

И представь себе, как мы, словно сошедшие на землю боги, вышагивали среди бивачных костров — желанные гости возле каждого из них, герои дня!

А Мерлин — человек, которому мы всем этим были обязаны — скромно сидел поодаль в своих красивых одеяниях, спокойно наблюдая, размышляя над будущим, гадая по звездам.

Не буду подробно описывать тебе, как в последующие дни мы удивляли местных воинов меткостью своих луков, невиданной ими доселе. Я заранее велел своим людям ослабить тетивы, желая сохранить втайне подлинную мощь нашего оружия, и категорически запретил пускать стрелы на расстояние, превышающее дальность полета атлатла, чтобы таким образом не обнаружить превосходство нашего вооружения и скрыть имеющиеся в запасе силы.

Кроме того, когда местные воины выразили желание смастерить себе луки и посостязаться с нами в стрельбе, мы старательно выбрали для них не вполне

пригодные породы дерева и без особой точности объяснили, как держать лук и отпускать палец.

Спустя некоторое время они вернулись к своим атлатлам, удовлетворенные тем, что не уступают нам если не в меткости, то по крайней мере в дальности выстрела. Именно этого мы и добивались.

В лесу во время охоты на мелкого зверя пращи римлян соревновались с пращами тлапалликов — и снова мы проиграли по всем статьям.

Мы посетили крепость Виатоза, похожую на нашу как две капли воды. Отправившись на рыбалку, мы вновь увидели остов «Придвена» с кормой, лежащей на глубине десяти футов, — по-прежнему сверкающий и прекрасный, хоть и внушающий видом своим скорбь о былом великолепии.

Чичамеки с опозданием узнали о постигшем нашу крепость несчастье — но все же много позже ее восстановления. Совершенно не обращая внимания на звенящие стрелы и дротики, они бросились на приступ и ворвались в ворота, чтобы принять смерть от стали и камня. Оставшиеся же в живых отступили в лес: так пятятся раненые медведи, угрожающие ворча и зализывая раны — но не побежденные и не устрашенные.

Однажды утром приблизительно через два месяца после нашего прибытия бдительный дозорный на вышке заметил в лесу какое-то движение и дал нам знать об этом. Скоро на поляну вышел отряд из сотни воинов, они построились в шеренги по четыре и приветствовали гарнизон крепости.

Ворота мгновенно открылись, воины строем промаршировали на плац, и их офицер в виде удостоверения личности предъявил Хайонвате расшитый бисером пояс. Предъявитель пояса был объявлен новым начальником крепости, и согласно его приказу двум третям бывшего гарнизона под командованием

Хайонваты вменялось в обязанность сопровождать нас к столице Тлапаллана.

Я всего этого не знал и был удивлен, найдя Хайонвату мрачным и раздраженным, ибо для меня он не являлся тем суровым жестоким командиром, каким его привыкли видеть рядовые солдаты. Но мне мало чего удалось у него вы获悉ать. Поведение вождя ясно показывало, что полученный им тайный приказ изменил наши отношения.

— Но по крайней мере, — сказал я, несколько раздосадованный, — если ты не можешь сказать, какая судьба ожидает нас, то можешь открыть нам, куда мы идем.

— Мы выступаем на рассвете. Идем к Кукулькану. Вы должны предстать перед судом.

— Но кто или что такое Кукулькан?

Хайонвата, казалось, не слышал меня. Он сидел на скамье, обхватив голову руками, и голосом, исполненным глубокого отчаяния, повторял:

— Кукулькан! Кукулькан!

Итак, я покинул его, сосредоточенно размышляя над тем, означает ли слово «Кукулькан» название страны, города или имя правителя. Об этом я не имел ни малейшего представления.

ГОРОД ЗМЕЙ

На следующее утро по легкому морозцу мы тронулись в путь. По мере продвижения на северо-запад по хорошо заметным хоженым тропам, лежащим приблизительно на фут ниже уровня земли в лесу, мы начали мерзнуть и каждый день с нетерпением ожидали теплого ночлега.

Пристанище на ночь давали нам крепости. Вставало и заходило солнце, но ежедневно с наступлением сумерек мы выходили к новой крепости, являющейся очередным звеном в колоссальной системе укреплений, которая защищала протяженные границы Тлапаллана от посягательств врага. Хотя крепости эти не соединялись между собой никаким подобием Стены Адриана, в то время система эта была столь же эффективна, как и британская, ибо широко организованное нападение майя не грозило. Расколотые на множество племен чичамеки вечно воевали друг с другом. Все племена говорили на разных языках и диалектах, хотя их представители и могли довольно легко объясняться с помощью жестов.

Мы следовали от одной крепости к другой, везде

нас снабжали продовольствием и нагружали товарами: каменотесы — кувшинами, охотники — шкурами, рыболовы — драгоценными камнями и жемчугом. А когда мы проходили мимо горной гряды со слюдяными рудниками, к нашей процессии присоединились люди, которые на устланных травой носилках несли тщательно завернутые пластины и плиты великолепно обработанной и отполированной слюды.

Некоторые куски слюды достигали трех футов в поперечнике — из них изготавливали зеркала для украшения дома какого-нибудь знатного господина. На шее простолюдинов здесь сидели три различных аристократических касты, потомки древних майя, не пригодных ни к чему, кроме как притеснять и преследовать.

По мере продвижения дальше на север, с пополнением из рабов и их охраны, численность нашей процессии в конце концов возросла до трех сотен человек — и принимавшие нас крепости входили в чудовищные расходы, обеспечивая постояльцев продовольствием. Наконец наш первоначальный отряд отделился от людей, присоединившихся позже. Те последовали отдельной группой, а мы быстро двинулись вперед, не обремененные ничем, кроме нашего оружия и снаряжения, хотя рабы с трудом поспевали за нами, сгибаясь под тяжестью снятых с «Приддена» металлических деталей. Во все время похода нам разрешалось держать свое оружие при себе — это обстоятельство немного успокоило нас и несколько рассеяло возможные страхи.

Все холодней, все короче и сумрачней становились дни. Ночами иногда сыпал сеющий снежок, и наконец нам выдали толстые одежды из оленьей кожи. Спали же мы теперь под теплыми медвежьими шкурами.

Мы шли через горы и долины, пересекали реки вброд или на лодках и оставляли за спиной такие

пространства заросших деревьями земель, что Андерида, самый большой лес Британии, со всеми своими населенными гоблинами руинами, бесследно затерялся бы среди этих бескрайних лесистых равнин. Один раз мы в рыбачьих лодках, обтянутых кожей, поднимались больше чем на сотню миль вверх по течению широкой реки, и на всем протяжении плавания не видели ни одного просвета в стене деревьев по обеим берегам, как не видели ни дыма костров, ни каких-либо иных признаков человеческой жизни — за исключением крепостей, обеспечивающих безопасность передвижения граждан Тлапаллана по этому водному пути.

За время путешествия мы — никогда не знавшие ни голода, ни настоящей сытости — стали тощими и мускулистыми. Наконец на берегу необычайно широкой реки нам предоставили (в очередной крепости, разумеется) добротные лодки, которые должны были привезти нас к конечной цели этого путешествия. Все пешие переходы через леса к этому времени уже остались позади.

Долгий путь дался нам довольно легко. Мы двигались через непроходимые чащи так же уверенно, как почтовый курьер двигается по дорогам Римской Империи, уверенный, что в случае необходимости всегда сможет сменить коня, найти пристанище для отдыха или сменного курьера, способного доставить послание к месту назначения.

Мы, белые люди, прониклись уважением к царящему в этой стране порядку — особенно когда в утро нашего отплытия увидели множество рыбачьих лодок, покачивающихся на волнах в мелкой бухточке.

— Охион, — так назвал реку Хайонвата. — Там, на расстоянии нескольких дней пути вверх по течению, находится город Змей — и Кукулькан.

Со звоном ломая тонкий ледок у берега, мы вы-

гребли на глубину. Едительные разведчики тут же оторвались от основной группы и стремительно ушли вперед, а мы принялись неторопливо преодолевать заключительную часть нашего долгого пути.

Порой мы видели водопои непуганых зверей: волков, медведей, огромных диких быков с горбатыми спинами, косматой шерстью и короткими острыми рогами. Встретился нам и гигантский лось, и безгривый лев, который при виде нас зарычал, яростно хлестнул себя хвостом по бокам, злобно сверкнул глазами и одним прыжком скрылся в густых зарослях.

Листва растущих по обеим берегам кленов, дубов, берез и буков уже увяла от мороза, но некоторые деревья еще ярко алеяли. На привалах наши товарищи предлагали нам какие-то орехи — странные на вид, но очень сладкие и вкусные — а на десерт мы ели растущий здесь в изобилии дикий виноград, чуть отдающий дымом.

Это изобильная страна, мой Император! — обогащающая своих властителей.

Наконец пограничные территории остались позади, и прибрежные леса начали редеть. Теперь по берегам реки встречались открытые пространства — каждое со своей насыпью, крепостью, полями и великим множеством рабов. Последние при виде нас отрывались от работы и с мрачным тупым любопытством глазели на нашу белую кожу до тех пор, пока на их покрытые шрамами спины не обрушивались кнуты надсмотрщиков.

Тогда без малейшего намека на протест в черных глазах несчастные снова поднимали свои корзины и продолжали труд по возведению новых курганов или по надстройке старых.

Открытые пространства постепенно становились широкими лугами и вересковыми пустошами. А крепости превратились в целые селения и деревни за

оградами в виде насыпных земляных валов с возвышенным по верху частоколом — подобные оборонительные сооружения, хоть и построенные без применения камня, были, тем не менее, неприступны для любой существовавшей здесь враждебной силы.

Затем в один прекрасный день мы покинули реку Охион, свернули в ее приток и вскоре прибыли в главный, хоть и не самый красивый, город Тлапаллана — величественный и залитый кровью город Змеи.

Еще двигаясь по Охиону, мы заметили впереди поднимающиеся высоко в небо столбы дыма, разорванные на короткие и длинные клубы. Наши друзья сказали нам, что таким образом от деревни к деревне передается весть о нашем приближении.

Поскольку расположенные по берегам притока селения не были защищены крепостными стенами, мы сначала рассудили, что прибыли в местность, свободную от угрозы нападения дикарей. Но, похоже, мы заблуждались — ибо внезапно увидели длинный земляной вал, тянувшийся вдоль узкого берега притока в месте слияния его с совсем маленькой речушкой.

При первом взгляде на эту стену нас поразило сходство ее со змеей. Правда, подобие змеи во много раз превосходило размерами любой оригинал, когда-либо ползавший по земле, — поскольку тянулась стена на добрую четверть мили. А если расправить все ее далеко уходящие в сторону извины, образующие замкнутые (наподобие крепостных) пространства, то получилось бы и того больше.

Ширина стены достигает тридцати футов, хотя высота ее не превышает роста высокого человека. В образуемых извилиами замкнутых пространствах в случае вражеского нападения спасаются жители незащищенных селений, расположенных вверх и вниз по течению небольших рек. Хвост этой земляной змеи находится около одной реки, голова — у другой, а

на спине ее высятся бревенчатые дома, соединенные между собой частоколом, — и получившаяся таким образом сплошная стена нигде не имеет в высоту меньше двадцати футов. Внешние укрепления у трех ворот делают их совершенно неприступными.

Пока мы шли снаружи вдоль этой впечатляющей крепости, на всех крышах и за частоколом толпились люди. Они внимательно рассматривали процессию, но не спешили приветствовать ее и не следовали за нами — просто неподвижно стояли на месте и провожали нас взглядами, пока колонна не скрывалась с глаз. Этот прохладный прием произвел на нас зловещее впечатление.

Чувство беспокойства не ослабло, когда отряд тlapалликов по приказу Хайонваты разбрелился на две части и пошел справа и слева от нас. Так, шеренгами по трое, мы приблизились к воротам, расположенным в змеиной пасти. Они были широко распахнуты и за внешними укреплениями мы увидели еще один курган — овальных очертаний, увенчанный крышей или павильоном из бревен — и за этим яйцевидным холмом заметили раскрытую пасть другой змеи, как будто готовой проглотить его... Но тела у сей змеи не было, ибо протекавшая за курганом река препятствовала продолжению земляных работ.

Не зная, считать ли себя пленниками или почетными гостями, мы, пятьдесят римлян, приблизились к широко распахнутым перед нами воротам. На расстоянии ста футов от входа наша колонна остановилась, трубач поднес к губам сигнальную раковину и возвестил о нашем прибытии. Из ворот навстречу нам размежленной поступью вышла длинная процессия.

Отряд за отрядом двигались воины и, расходясь налево и направо, бесстрастно занимали свои места по обе стороны от нас. Мы были окружены.

Дурное предчувствие во мне усилилось, и я тихо

передал своим людям приказ приготовиться к любым неприятностям. Позади я услышал лязг стали в ножнах, звон натягиваемых луков, бренчание стрел в колчанах — и несколько успокоился.

— Возможно, мы обречены, — подумал я. — Но встретим смерть достойно.

Из ворот рабы вынесли носилки, на которых полулежал невероятно тучный человек средних лет с жестоким выражением лица.

Он был мощного телосложения — футов восеми ростом — и одновременно являлся наиболее совершенным представителем своей расы. Венчающие его голову массивные олени рога из кованой меди зорко делали его еще выше, но подползающая страсть и порочность изуродовали прекрасные в прошлом линии его лица и тела. Вместо скипетра повелитель держал в руке тонкой работы копье, медный наконечник которого весил больше, чем топор лесоруба.

Одеяние его, как мы узнали позже, было соткано из человеческих волос!

Приветственно застучали древки копий.

— Кукулькан! — прошептал Хайонвата, и все краснокожие замерли в низком раболепном поклоне.

Затем Хайонвата взял за руку Мерлина и подвел его к носилкам, где упал на колени и коснулся лбом земли. Старец гордо отступил назад, и лицо правителя побагровело.

В тот же миг рабы набросились на Мерлина, сорвали с него одежды и швырнули старца на землю. Я резко обернулся к своим людям. Тут на мою голову обрушился страшный удар, и, зашатавшись, я увидел, как мои товарищи валяются на земле под градом ударов, а меднолицые воины набрасываются на нас, смыкаются вокруг и наваливаются со всех сторон!

Еще слыша боевые кличи друзей и врагов, я чувствовал, как теплая кровь стекает струйкой по спине под панцирем и, как песок, скрипит у меня на зубах. Это смерть! — подумал я. И мысленно проклял вероломного друга, который притворился моим братом по крови, чтобы успешней заманить нас в ловушку. Я знал, что меня топчут ногами, но не чувствовал боли от пинков и ударов. Мне просто показалось, что земля подо мной разверзлась, и я падаю в черную бездну.

ЗМЕЯ И ЯЙЦО

П

отом, помнится, я лежал в кромешной тьме — в луже холодной воды. Я попытался откатиться в сторону и услышал стоны. Но я достаточно хорошо соображал, чтобы понять, что стоны эти — мои собственные. Затем, должно быть, снова наступило забытье, ибо вдруг без всякого перерыва тьма перед моим взором рассеялась и стало светло. Но то был не дневной свет, и воздух, которым мы дышали, был не чистым свежим воздухом земли.

Как кроты, мы лежали вповалку, я и мои люди. Подавленные, мы сбились в кучу. Другие же заключенные — меднолицые воины — держались в стороне, хоть и бросали на нас странные взгляды. Все мы были раздеты до ног и дрожали в сыром холодном воздухе поздней осени. Лежа на голой земле, я размышлял над тем, не является ли это уготованным нам видом казни.

Послышался отдаленный шум, и я с трудом сосредоточил взгляд воспаленных глаз на ярком свете факелов за решеткой из прочных дубовых жердей,

перегораживающей вход в эту просторную подземную камеру. Решетка отъехала в сторону, и в камеру вошел офицер и два стражника с факелами. Помещение ярко осветилось.

Офицер с презрительным видом прошел между нами. Мы для него представляли явно не больше интереса, чем овцы для пастуха. Безо всякого страха он обошел камеру, осматривая стены в поисках подкопа.

Убедившись в отсутствии оного, он вернулся ко входу и отрывистым голосом отдал какой-то приказ. В камеру вошли рабы с дымящимися ведрами, вылили их содержимое в длинные корыта и удалились.

Решетка плавно скользнула на место, стопорные клинья встали в пазы, и мы остались в нашей берлоге. От корыт с едой, где толкались и злобно перегревались заключенные, доносились звуки, похожие на чавканье и хрюканье голодных свиней. Меня затошило, я перевернулся на живот и, лежа лицом в воде, мечтал о смерти.

Чья-то рука нежно погладила меня по голове и добрый голос произнес:

— Мой бедный друг!

Я снова перевернулся на спину. Это был Мерлин. Изможденный и костлявый, прикрывающий наготу лишь своей бородой, старец по-прежнему держался с достоинством.

— Встань и поешь. Соберись с силами и укрепись духом. Это еще не конец.

Только тут я увидел, кто стоит рядом со старцем: Хайонвата, заманивший нас в эту ловушку — мой брат по крови!

— Предатель! Иуда! — прохрипел я, пытаясь подняться и броситься на Хайонвата. Но я был слишком слаб даже для того, чтобы сбросить с плеча сдерживающую мой порыв руку Мерлина.

— Поешь, — повторил старец. — Наш друг такой же пленник, как и мы, и приговорен к смерти вместе с нами. Мы все объясним тебе, пока ты собираешься с силами. Положись на него как на истинного друга, ибо его будущее неразрывно связано с нашим.

Итак, поверив наконец Мерлину, я поел тушеной кукурузы и бобов из сложенных чашечкой ладоней Хайонвата, которого я хотел убить. А затем лежал, приподнявшись на локте, и слушал. Сытная пища постепенно возвращала меня к жизни, и кровь стучала в висках уже не так сильно.

Я узнал, что законы этой варварской страны подлежали неукоснительному выполнению, а преступившие их карались смертной казнью. Кодекс правил оставался неизменным в самых ничтожных мелочах. Закон, предписывающий приводить арестованных связанными, раздетыми и безоружными, был беспрецедентно нарушен появлением римлян — свободных, одетых и вооруженных!

Хайонвата вообразил, что нас, снискавших его дружбу, должны встретить здесь как друзей — и жестокое обращение с Мерлином глубоко потрясло его.

Подобное же обращение Мерлин навлек на себя отказом унизиться перед человеком, которого считал ниже себя, но которого краснокожие почитали воплощением божества, повелителем моря, неба и земли.

За хорошее отношение к нам Хайонвата поплатился своим ненадежным гражданством (ведь он принадлежал всего лишь ко второму поколению тлавалликов), а вместе с ним гражданства лишились и все его солдаты, которые не низложили вождя и не потребовали себе нового командира. Именно это известие и опережало нас в виде столбов дыма. И, ни о чем не догадываясь, мы шли навстречу уготованной нам судьбе, хоть Хайонвата после смены гарнизона

крепости и заподозрил неладное. Он получил приказ привести римлян как пленников — именно поэтому его воины и при входе в город выстроились таким образом, чтобы арестовать нас, не причинив никому вреда. Но все они подлежали аресту вместе с нами.

Здесь, в яме, на протяжении трех дней беспамятства мои люди и воины Хайонваты не ладили между собой. Но злоба истощила силы противников, и в сердцах людей поселилась апатия — ибо надеяться на побег не приходилось, а ожидающий всех нас страшный конец был уже близок.

— Так что, сам видишь, Вендиций, — сказал Мерлин, — Хайонвата сделал для нас больше, чем мы имели право от него ожидать. И доброе отношение нашего друга к нам обрекло его на равное несчастье.

Я попытался улыбнуться. Было больно. Я взял руку Хайонваты.

— Когда я чуть оправлюсь, мы подумаем, что можно сделать.

— Значит, мы друзья?

— Друзья, — эхом повторил я. — Мерлин, — скажи об этом нашим людям.

Старец отошел, и из-под полузакрытых век я наблюдал, как римляне и краснокожие смеиваются между собой. По крайней мере, — подумал я, — если побег невозможен, то давайте сражаться вместе, как единый народ. Затем мне стало хуже, и, кажется, я бредил. Но, однако, сознание мое не совсем угасло, ибо я видел, как меркнет свет в высоких маленьких окошечках и как рабы снова приносят пищу.

Потом я услышал голос Мерлина: «Еще один» — и, выйдя из состояния оцепенения, увидел, как огромные стражники волокут одного из тлапалликов к выходу.

Пленник отчаянно сопротивлялся и громко протестовал, а добрых полторы сотни человек неподвижно стояли и наблюдали за происходящим, не пытаясь помочь товарищу. Снова затворилась решетка, дневной свет постепенно угас, и в глубокой яме воцарилась почти непроглядная тьма.

Потом откуда-то из далекогодалека, едва слышный сквозь многофутовую толщу земли, до нас донесся приветственный рев толпы — он медленно нарастал и потом резко стих. Вместе с тишиной наступила ночь, стало еще холодней, и какие-то существа скользили и ползали по нашим скорченным от холода телам.

Подобный эпизод, повторяясь вновь и вновь, стал привычным событием в нашей жизни на многие грядущие дни.

— Здесь, — пояснил Хайонвата, — протекает река, по которой мы приплыли. Здесь находится Начан, город Змеи. А здесь — сама Змея, Чиакоатль, Пожирательница, Мать-Земля, защищающая город своим собственным земляным телом — крепостной вал и объект поклонения одновременно.

Мы, три предводителя, сидели на корточках вокруг куска сухой земли, и Хайонвата водил пальцем по грязному полу.

— У такого чудовища должен быть достойный супруг, — заметил я.

Хайонвата поднял взгляд.

— А у нее таковой имеется. Супруг ее находится в пятидесяти милях отсюда, расположен от точно так же, как Чиакоатль; то есть замыкает своим телом излучину другой реки. Обе змеи лежат головами друг к другу и смотрят друг на друга через разделяющие их пространства. Имя второй змеи Мишкоатль, Змея Бури, божество воды и дождя. Телом своим Мишкоатль защищает крупный город

Конхуакан, город Вьющегося Кургана. Десятью милями выше по течению той реки расположен Майяпан, величайшая крепость Тлапаллана — в случае осады шестьдесят тысяч людей с продовольствием и имуществом могут укрыться в ней. А ниже по течению реки находится укрепленный город Тлакопан, защищающий жителей низинных земель.

Эти три города являются основными твердынями майя.

А на северо-востоке простирается великое Внутреннее Море, по берегам которого находятся охотничьи угодья родного племени моей матери. Путь до моря займет не очень много дней, и если мы сможем достичь тех мест по дороге, проложенной рудокопами от этих четырех городов к медным рудникам, уверен, нас встретят там с радостью. Многие луны правления в Тлапаллане майя теснят онондагаонов дальше в леса, преследуют их, захватывают в плен и превращают в рабов. Но мое племя по-прежнему остается свободным, и, сумей мои сородичи сдержать природную свирепость и объединиться со своими соседями, они бы достойно встретили любого захватчика.

— А что за соседи? — осведомился я.

— Некогда в этих местах жило племя жестоких, внушающих страх воинов — независимое и отважное. Но превосходящими силами вышколенных и дисциплинированных майя эти люди были изгнаны со своих земель. Отступив на север, они сделались охотниками и рыболовами — и маленькими общинами стали вести в лесу дикую жизнь. Борьба за существование была очень тяжелой и, потеряв связь друг с другом, разные общинны начали драться за места охоты или за женщин — и таким образом сложились противостоящие группировки. Со временем группировки эти превратились в отдельные племена, которые ныне ни в чем не находят согласия и готовы

скальпировать друг друга точно также, как готовы скальпировать подлинных своих врагов майя.

— И сколько всего, ты полагаешь, этих племен? — спросил Мерлин.

Хайонвата посчитал на пальцах.

— В тех лесах обитает пять могущественных племен. Во-первых, Онондагаоно, мое родное племя — самое сильное и храброе. Затем Гвенгвехоно, Нундадаоно, Ганеагаоно и Онайотекаоно.*

— Как по-твоему, смогут они объединиться?

Хайонвата мрачно усмехнулся (подобная усмешка являлась у него максимальным приближением к смеху).

— Конечно... В Смерти! И ничто больше не сможет объединить их. Даже Таренъявагон, Хозяин жизни, не в силах сделать этого!

— Таренъявагон? Это тот, кому вы поклоняетесь?

Но Хайонвата, столь словоохотливый в некоторых случаях, внезапно словно лишился дара речи и в глубокой задумчивости отошел от нас и сел в стороне. А мы (поняв, что ненароком прикоснулись к чужой тайне) остались на месте и продолжали обсуждать наше будущее.

Из всего сказанного Хайонватой стало понятно, что в случае удачного побега мы просто поменяем одну ужасную судьбу на другую — если только собственной доблестью не внушили лесным племенам такой страх, что они оставят нас в покое, после чего мы будем обречены на жизнь изгнанников.

Среди всех чичамекских племен пять названных Хайонватой казались наиболее высокоразвитыми — ибо в диком своем существовании они сохранили независимость и, обреченные добывать на охоте пропитание, не потеряли чувства собственного достоинства.

* Названия соответствуют названиям индейских племен, известных нам как Онондаги, Каюги, Сенеки, Мохавки и Онейди.

ства. Правда, их военные законы мало чем отличались от законов, которых придерживались самые дикие из раскрашенных пленников, виденных нами во множестве крепостей по дороге к Кукулькану.

Майя воевали ради захвата рабов, рабочей силы. Все их враги воевали ради захвата пленников, которых можно истязать — ибо их жизненный уклад не нуждался в рабах. Обычаи лесных племен казались нам страшными и бессмысленно жестокими.

Каждый выступающий в поход военный отряд старался нанести врагу наибольший ущерб. Безжалостно убивались даже женщины и дети — поэтому пять перечисленных племен были обречены на взаимное истребление.

Тем не менее, когда Хайонвата объяснил нам законы чичамеков, мы не смогли отказать им в некоем примитивном здравом смысле. Каждая женщина может воевать или быть матерью воинов. Следовательно, из каждого ребенка может вырасти воин или мать воина. Поэтому женщин и детей убивали наравне с мужчинами, ибо гибель их являлась сильным ударом по противнику, ослабляла силы врага и предположительно вселяла ужас в его сердце.

Но нам показалось, что значение ужаса в этом случае несколько преувеличивалось — ибо убийство жены или ребенка естественным образом должно было породить в душе мужчины неутолимую жажду мести. Итак, племена чичамеков взаимно ослабляли друг друга и делали себя легкой добычей для тлапланских поработителей.

Все же, удастся нам побег, лучшим убежищем для нас оставались леса на севере, за границей Тлапаллана, — мы имели основания обрести друзей только среди племени Хайонваты и нигде больше во всей Алате.

Мы узнали, что наша подземная тюрьма находится под Яйцом, зажатым между челюстями Змеи. Ес-

ли бы нам удалось сделать подкоп, что представлялось невозможным из-за ежедневного тщательного осмотра стен, мы выбрались бы на поверхность земли среди городских строений или среди открытой равнины за крепостным валом. В том и другом случае мы были обнаружены, ибо передвижения такого большого количества людей не могли не привлечь внимания часовых.

Можно было бы попытаться бежать через выход — но он постоянно охранялся. Мы столько раз в отчаянье бросались на решетку, что теперь во время утренних, дневных и вечерних обходов проверяющего офицера сопровождал целый отряд стражников, и почти все заключенные были искошоты их копьями.

Никого из римлян наверх еще не уводили, но численность отряда Хайонваты сократилась больше чем на шесть десятков.

Каждый день на восходе солнца, в полдень и на закате стражники выбирали очередного человека и уводили наверх. Снова мы слышали рев толпы и понимали, что наш товарищ принесен в жертву Солнцу, но не знали, каким образом, — ибо краснокожие воины содрогались от ужаса при любых разговорах на эту тему. Мы не особенно приставали с расспросами: ведь опрошаемый мог оказаться следующей жертвой.

Однажды я попросил Мерлина спасти нас колдовством, но он печально отказался. Здесь под землей старец потерял связь с силами воздуха. Будучи до-нага раздетым, он был лишен всех своих колдовских инструментов, кроме маленького нательного крестика, который наши тюремщики позволили ему оставить при себе, как позволили всем нам оставить при себе амулеты, кольца и прочие, не представляющие ценности украшения. Даже черный маг, пояснил ста-

реп, нуждается в определенных инструментах. Здесь же у него не было никаких принадлежностей для работы.

Итак, смерть казалась неотвратимой. Видя, как ежедневно уводят наших товарищев, мы почти смирились с этой мыслью. А несчастные уже почти не сопротивлялись, потеряв всякую надежду на спасение.

А там, наверху, год шел на убыль. Проникающий в камеру свет стал серым, и на меховых одеждах проверяющего офицера иногда лежал снег.

Наконец от отряда Хайонвата осталось десять человек — по количеству их мы знали, что находимся под землей ровно месяц, но могли лишь догадываться, для какой страшной цели нас, белых, приберегают напоследок. Однажды вечером сразу после того, как нам принесли ужин, Мерлин подозвал меня.

— Вендиций, можешь ли ты сказать мне, какой сегодня день года?

Я расхохотался. Вопрос показался мне совершенно нелепым.

— А я могу. В течение всех наших странствий я вел счет дней. Скажи всем нашим людям, чтобы они присоединились к торжественному празднованию Рождества. Хоть я грешный человек, но единственный среди вас умеющий служить христианскую мессу. Поэтому давайте попостимся и проведем ночь в сосредоточенном раздумье. Пусть каждый заглянет в свою душу и приготовится к жизни вечной — ибо я думаю, это последняя наша ночь в тюрьме.

Итак, мы начали свершать богослужение, а наши краснокожие товарищи наблюдали на нами, пытаясь понять смысл происходящего. Стражники за решеткой грубо комментировали наши действия, и между прочими их замечаниями прозвучало одно, которое Хайонвата услышал и запомнил. И когда мы кончили молиться, он поспешно подошел ко мне и спросил:

— Готовы ли вы к смерти, Атохаро?

— Да, если нам уготована смерть.

— Уготована. Это несомненно. Завтра праздник Солнца!

— И как его отмечают?

— Этой ночью все огни в Тлапаллане будут потушены. Завтра — самый короткий день в году. В этот день Солнце больше, чем когда-либо, расположено покинуть нас и никогда больше не вернуться. Чтобы предотвратить его уход, Х'мены, мудрецы, совершают огромное жертвоприношение: Солнце должно почуять запах крови и, восхитившись им, вернуться на землю, чтобы радовать сердца своих почитателей.

В течение всего завтрашнего дня ни в одном очаге не загорится огонь. Ни утром, ни днем жертвоприношений не будет. Вместо этого члены тайного братства Ш'толов начнут священный танец, обращаясь сначала к Солнцу с просьбой оставаться еще на год, а затем умоляя Мишкоатля и Чиакоатль замолвить за них слово перед дружественным божеством.

Затем почти до самого вечера они будут исполнять танец войны. А потом начнутся кровавые состязания в ловкости, имеющие целью приучить молодых майя к виду крови и внушить им желание стать повелителями Тлапаллана.

А вскоре после этого начнутся жертвоприношения. Когда нижний край Солнца коснется холмов, старейший Х'мен с помощью Састуна — волшебного кристалла — зажжет пламя, от которого впоследствии загорятся огни во всех домах города. Но мы этого уже не увидим.

— Сегодня наступит наш конец.

— Никогда не отчайвайся, — сказал Мерлин. — У нас еще целый день впереди.

Но больше он не произнес никаких слов ободрения, и, понимая, что у старца надежды на спасение не больше, чем у нас, мы не воспряли духом и про-

вели ночь в раздумьях, беседах с собственными душами и молитвах.

Утром Мерлин повторил богослужение со всей точностью, какую подсказала ему память. Телом Христовым послужил нам черствый хлеб из зерен теоцентли, а кровью Христовой — просочившаяся в камеру грязная речная вода из мелкой лужи на полу. Но, совершив обряд, мы окрепли душами и почувствовали себя готовыми к любой судьбе.

Наши товарищи тоже готовились к смерти: они пели резкие немелодичные песни, расчесывали друг другу волосы и заплетали их в косички со всем тщанием, с каким это можно было сделать без масла и пользуясь вместо расчесок пальцами.

Так ждали мы почти весь день. Пищу нам больше не приносили, и проверяющий офицер в камеру не приходил. Издалека до нас доносился многоголосый ропот громадной толпы и беспрестанный бой барабанов. Сегодня все жители равнинных земель собрались в тот или иной из четырех крупных городов — но большинство пришло сюда, ибо здесь находилась столица и религиозный центр Тлапаллана.

В каждой деревне, селении и крепости в пределах границ Тлапаллана проходили сегодня подобные церемонии, и «старая-старая красная земля» в эту ночь должна была стать во много раз краснее!

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ И КОЛДОВСТВО

Приивычный топот ног доносся до нашей подземной камеры, и жерди стали черными на фоне ярко-красного света факелов: словно вход в преисподнюю. Стражники отодвинули решетку и знаками начали вызывать нас по одному из камеры. Каждому выходящему заводили руки за спину и надевали на предплечья деревянные колодки.

Все колодки были одинакового размера, поэтому руку крупного мужчины они сильно сдавливали, защемляя кожу, а на руке юноши болтались свободно. Каждую колодку соединяла с парной волосяной веревка, длина которой могла регулироваться. Стражники затянули ее так сильно, что едва не вывихнули нам плечи. Малейшее движение руками причиняло страшную боль.

Только нашего Марка, по-девичьи тонкого, тиски эти держали не очень крепко, и я порадовался за него, ибо все мы любили юношу и считали его в каком-то смысле нашим подопечным.

В таком положении нас, испытывающих смешан-

ное чувство удовлетворения, боли и ужаса, погнали наверх, подбодря пинками и ударами копий. Наконец неверной походкой мы вышли на поверхность земли и остановились в замешательстве, щурясь от света. Наше появление встретил оглушительный рев толпы.

Мы стояли на вершине Яйца!

А вокруг бушевало людское море. Люди тесно толпились у кургана, вдоль ограждений и на крышах домов, а избранные плотно скучились вдоль челюстей и глотки Змеи.

В центре голой верхушки Яйца высился павильон без стен. Внутри находился каменный алтарь, вокруг которого собирались высшие представители местной знати: правитель страны, тучный великан Кукулькан и Х'мены, жрецы Солнца.

От группы Х'менов отделился жуткий призрак и приблизился к нам, приплясывая и кружась на ходу так, что пышные перья и полоски разноцветного меха летели вокруг него вихрем. На его выкрашенном в черный цвет теле были нарисованы красные кости скелета. И лишь когда отвратительное существо приблизилось к нам вплотную, смогли мы окончательно удостовериться в том, что это живой человек, а не оживший труп.

Он потрясал погремушками из насаженных на веревки костяшек человеческих пальцев. Талию его обхватывал ремень, с которого свисали скальпы и высушенные куски плоти, являвшиеся ничем иным, как человеческими сердцами.

Он подошел ближе — злобно ворча и взвизгивая, словно раненый зверь.

Вооруженные стражники крепко держали нас, мы ничего не могли поделать. Проходя мимо, жрец яростно дернул за веревку, съединяющую мои колодки! Я недовольно застонал и повалился на колени. Боль в плечах была нестерпимой.

Жрец взвизгнул и прошел дальше. Двигаясь от одного к другому, он наконец приблизился к Марку, с силой сдернул с него колодки, поднял их высоко над головой, потом швырнул на землю — и толпа взревела.

— Первым боги желают этого! — провизжал жрец. Стражники подхватили Марка и бегом поволокли его к смердящему алтарю, где ожидали жертву мясники в красных одеяниях с ножами из вулканического стекла.

И на этом алтаре наш Марк принял ужасную смерть от окровавленных рук сих сыновей ада. Его убивали медленно, дабы как следует умилостивить злобных богов тьмы.

Сначала палачи содрали кожу с плеч и со спины юноши. Стражники силой заставляли нас смотреть на алтарь, и мы видели, как Марк потерял сознание, потом очнулся и героически пытался сдержать стоны, пока его истязали и калечили во славу богов Тлапаллана!

Мы смотрели — да простит нас святое небо! — и чувствовали, как затвердевают сердца наши, превращаясь в куски железа. Наконец, когда последние силы юноши иссякли, мы услышали его голос — услышали вопли, стоны и мольбы о пощаде или о смерти! И мы смотрели — смотрели и ничего не могли поделать!

Когда началось жертвоприношение, было уже за полдень. И к тому времени, как жрецы вырвали из груди юноши трепещущее сердце и подняли его к солнцу в виде дара, тени стали заметно длиннее. Марк только что испустил дух, на губах его еще играла улыбка — он подарил ее мне, своему единственному родичу, встретив мой взгляд и почувствовав, как близится милосердная смерть на спасительных крыльях, спеша набросить на его чело прохладную тень спокойствия.

— Ах, были бы у меня мои инструменты! — бормотал Мерлин. — Всесильный Создатель, ну почему ты лишил меня их!

Остальные проклинали палачей, молились или плакали, чувствуя, как самообладание покидает их.

Один я с сухими глазами следил за принесением в жертву собственного племянника и в глубине души знал: это злодеяние не может оставаться неотмщенным. И я поклялся себе, что выживу, сумею бежать и в сей жестокой стране соберу силы, которые сотрут с лица земли эту цивилизацию и все, на чем она зиждется.

Казалось, больше надругаться над мертвецом было невозможно, но жрецы еще не закончили свой зверский обряд. Тяжелыми каменными топорами они разрубили тело на крохотные кусочки, и подручные жрецы принялись разбрасывать их налево и направо среди собравшихся, которые поедали человеческое мясо, как мы вкушали бы святые дары.

Затем наступила очередь Мерлина. Его подтащили к павильону и привязали к опорному столбу. Никанора же, Тибурка и Агрестия (о, когда бы я мог написать их имена золотом!) развязали, дали им в руки луки и стрелы — и Кукулькан велел им продемонстрировать умение владеть сим оружием.

Мерлин закрыл глаза и беззвучно шевелил губами, словно молясь. Я видел, как эти Тroe перекинулись несколькими словами, подтянули тетивы, подготовили стрелы и подняли луки. Я отвел взгляд в сторону.

Зазвенели тетивы, раздался ужасающий вопль — и я увидел, как эта жирная скотина, Кукулькан, зашатался со стрелой в брюхе, попытался выпрямиться, содрогнулся всем телом и повалился наземь. Я услышал свист стрел, летящих в людей у алтаря; увидел, как разбегаются в стороны и падают Х'мены и как главный мясник, избравший Марка, с хриплы-

ми стонами мечется по павильону со стрелой в глазнице. Я услышал свой собственный голос и голоса моих товарищих, слившиеся в громком боевом кличе римлян — и увидел, как падают наземь трое героеv, пронзенные пятью десятками копий.

Так закончился обряд жертвоприношения.

Мерлина отвязали от столба и вернули к нам. В небе сгущались черные тучи, словно стихии прогневались, видя гнусные деяния, совершившиеся у нечестивого алтаря, — поэтому оставшиеся в живых Х'мены спешно принялись разжигать свой священный костер, покуда тучи не застили лиц их божества, сделав сие невозможным.

Итак, вопреки предсказанию Хайонваты мы все-таки увидели Састун — правильной формы кристалл, который использовали для собираания солнечных лучей на куске трута — и увидели, как вспыхивает под крышей павильона священный огонь, постоянно поддерживаемый и охраняемый служителями культа.

Нас погнали обратно в подземелье, жестоко избивая по дороге дубинками. Мы успели увидеть, как жрецы бросают в священный костер горсти жемчуга во искупление нашего святотатства, и внезапно вспомнили, что Мерлин, казалось, не собирался умирать сегодня. И не в первый раз задал я себе вопрос: насколько велики знания старца о будущем, и почему иногда он предвидит столь многое, а иногда явно не больше любого из нас?

Позже, когда на землю спустилась ночь и мы, голые и озябшие, сидели на корточках на сыром полу камеры с единственной перспективой в душе наутро быть принесенными в жертву, Мерлин снова начал горько сетовать на отсутствие колдовских принадлежностей.

— Лишенный всего, что могу я поделать? Будь у меня хоть бы лист дуба, ясения и терновника, я осво-

бодил бы всех нас, и с нашим оружием мы смогли бы оставить вечную память по себе среди этого народа!

— Неужели?! — счастно вскрикнул Кулух, брат того самого Киньалха, что погиб среди моря. — У меня в амулете кроме дубового, ясеневого и тернового листа есть еще лист вербены и три ягоды омелы. Эти дикари разрешили мне оставить сей амулет при себе, посчитав его никчемной безделушкой! Скажи, Мерлин, как он может помочь нам?

— Во-первых, — сказал Мерлин, — нам нужен свет.

Не успел старец произнести эти слова, как лицо его начало испускать яркое сияние, подобное сиянию светляка, — в высшей мере жуткое зрелище в обступающей нас тьме.

Затем он поднес ладони к лицу, несколько раз провел ими по щекам — и руки его начали светиться таким же образом. Онемев от изумления, мы смотрели на плавающие в темноте руки и голову, словно лишенные тела.

— Скажи мне, — произнес Мерлин, рассматривая амулет и ногтем распарывая шов на мешочке, — каким путем достался тебе сей талисман? Если бесчестным, то он нам не поможет.

— Честным, о Владыка! — гордо воскликнул Кулух. — Мой отец говорил, что в жилах моих течет кровь фей и что, когда я появился на свет в волшебном городе Эмрисе, трубы эльфов звучали три дня по всей стране Тир-нан-Ог. Амулет сей прислан мне моей крестной (по слухам, феей), которая живет в Четырехбашенном Замке в Каэр Сиди. Такой же талисман был у Киньалха, но он не принес брату счастья — как и мой, похоже, не принесет мне.

— А вот здесь ты ошибаешься, — заметил старец. — Ибо сей амулет, способствующий развитию дара провидения у его обладателя, предоставит мне

все необходимые для спасения вещества... Все же... — Мерлин заколебался. — Это означает обращение к черной магии. Пять-десять лет я избегал этого. В черной магии скрыта опасность для души.

— Сейчас безусловная и несомненная опасность грозит нашим телам, — нетерпеливо вскричал я. — Во имя всех святых, если ты можешь вывести нас отсюда — делай это незамедлительно. Мы здесь как крысы в ловушке. Выбери нас на свободу — и мы будем драться за наши жизни. Вспомни Марка!

— Бедный Марк! Я ни на минуту не забываю о нем. Месть свершится. Но черная магия... Варрон, ты не понимаешь, о чем просишь? И все же я сделаю это, ибо не вижу для нас иного выхода. Сделаю, будь что будет. Бог мне судья, у меня есть веские основания поступить так. Теперь замолчите все. И что бы вы ни увидели — ни слова!

Приглушенной скороговоркой старец начал читать какую-то молитву. Я рассыпал сначала имя Хен Дихенидда, Древнего и Безначального, потом Керидвен и ее ужасного сына Аваггду — и больше ничего не мог разобрать, ибо голос Мерлина упал до еле слышного шепота.

Провидец лежал на полу, не подавая никаких признаков жизни, с бессильно запрокинутой головой. Сияющие ладони поднялись вверх — словно они принадлежали не Мерлину, а кому-то иному — светящиеся пальцы вынули из мешочка амулета труху увядших листьев и бросили по щепотке на каждое закрытое веко и губы под спутанной бородой.

Ладони медленно угасли.

Я увидел, как от ноздрей Мерлина поднимается светящийся туман, дыхание жизни.

Лицо старца постепенно померкло.

Сияющий туман начал уплотняться, сжиматься и наконец превратился в сгусток, не превышающий размерами мужской кулак.

Потом он упал на пол, и сияние его медленно угасло.

Я услышал причмокивающие звуки и дробный топот мягких когтистых лапок по полу. Невидимое существо добежало до решетки и выскочило за нее.

Все затихло.

Не могу сказать, как долго мы ждали — казалось, целую вечность. Наконец в коридоре раздались шаги, и в глаза нам ударили свет факела. В камеру вошел стражник. Взгляд его был дик и неподвижен. Он смотрел прямо перед собой, не говоря ни слова.

Стражник направился прямо к Мерлину и смахнул с его лица крошки сухих листьев. Старец сел.

— Свершилось, — сказал он нам. Затем обратился к стражнику. — Выведи нас отсюда и отведи к нашему оружию.

Краснокожий повернулся — дикий взгляд его оставался по-прежнему неподвижен — и молча направился к выходу на негнущихся ногах. Мы последовали за ним.

В середине коридора стражник вдруг остановился на миг и поднял факел. Мы испуганно попятались в тень, но Мерлин мрачно расхохотался.

— Вперед, малодушиные, вперед! Никто не живет здесь под землей, в этом языческом храме. Быстрее! Быстрее!

Итак, мы проследовали за ходячим мертвецом в зал при входе в подземелье — там в отдельной камере хранилось наше имущество и горы олова с «Придвеном».

Я достал свои кожаные доспехи, надел их, и тут позади меня раздался глухой удар падения некоего предмета. То рухнул наземь стражник и факел его, полыхнув, озарил ярким светом всю камеру.

— Скорее же! — приказал Мерлин, вставляя факел в трещину в стене. — Человек сей мертв и вот-вот начнет гнить и разлагаться. Душа его спустилась

в Аннун, низшую бездну Китрола, и плоть его не может долго существовать без души. Скоро от него и от других часовых останутся одни кости. Больше мне нельзя свершать ничего подобного — иначе моя душа пропадет тоже! Поторопитесь же, или наш побег откроется!

Обнаженный Хайонвата, быв себя в грудь, повалился на колени перед Мерлином и принял униженно целовать ему руки. Остальные десять чичамеков тоже столпились вокруг старца.

— О Могучий Таренъявагон! — простонал обычно величественный Хайонвата. — Ниспосылатель снов! Хозяин смерти! Прости нас за то, что мы не узнали тебя `сразу!

— Поднимись, друг. И поспеши же прочь.

Старец помог краснокожему подняться. Хайонвата смотрел на Мерлина взглядом, полным благоговения.

Мы надели доспехи, взвалили на плечи наиболее ценные вещи и упаковали в сундук Мерлина все необходимое, дабы впоследствии он не испытывал недостатка в колдовских принадлежностях. С сожалением посмотрели мы на скобы и шестерни от тормент и стрелометов, но унести их с собой были уже не в силах.

Итак, вооруженные и с желанием убивать в сердце, мы поднялись на землю.

В павильоне у порочного алтаря сидели три неофита из Х'менов, хранители священного огня.

Идущий от алтаря отвратительный смрад удариł нам в нос. Но тут же мы с ужасом поняли, что мерзкий запах шел вовсе не оттуда! Х'мены сидели мертвые, распухшие, с полопавшимися животами.

Воистину Мерлин говорил правду: тело, разлученное с душой, не может существовать долго.

Мы спустились по скату Яйца. Темные дома по обеим сторонам от него казались пустыми. У внешних

укреплений не горело ни факела, но у ворот, загораживая нам путь, стоял часовой.

Мерлин двинулся вперед. Мы последовали за провидцем и обнаружили, что часовой давно мертв. Он упал, и сухие кости его со стуком рассыпались по земле.

И так мы покинули этот проклятый город.

Мы не успели отойти далеко, когда за нашими спинами поднялся крик и шум, но наш отряд уже приближался к лесу за возделанными полями. В этот миг по мановению руки Мерлина из темноты, хлопая крыльями, вылетела маленькая летучая мышь. Она злобно оглядела нас и с писком унёслась в сторону города.

В полумраке мы видели, как летучая мышь забирает чуть в сторону с тем, чтобы облететь проснувшийся Город Змеи. Сломя голову мы бросились к лесу и, исчезая за деревьями, почувствовали над головами легкое дуновение неизвестно откуда взявшегося ветерка — то был передовой отряд ужасающей кавалерии урагана, мчащейся на город, дабы опустошить и уничтожить его.

И на сей раз там не было Мерлина, могущего отозвать назад эти сокрушительные катафракты выступающих легионов ветра.

КАМЕННЫЕ ВЕЛИКАНЫ И ЛЕТАЮЩИЕ ГОЛОВЫ

Весь тот день мы пробирались через лес на север под серым небом, с которого ближе к вечеру начала сыпать мелкая снежная крупа. К этому времени все крупные селения остались за нашей спиной, но там и сям — по мере распространения новостей — от деревни к деревне вплоть до самых отдаленных, почти недосягаемых застав — еще поднимались вверх столбы дыма, содержащие вопросы и ответы.

Но послания эти достигали результата, обратного желаемому, ибо жирные клубы дыма обнаруживали местонахождение наших врагов, а Хайонвата прочитал сигналы и поведал нам о почти полном разрушении Города Змеи и возникшей в связи с исчезновением большого числа рыбачьих челнов всеобщей уверенности в том, что мы ушли вниз по реке на юг.

Заблуждение это оказалось спасительным для нас, поскольку крепости, расположенные по северной границе Тлапаллана, несли ночной дозор недостаточно бдительно. Мы прошли мимо них в такой близо-

сти, что видели потухающие угли сигнального костра, возле которого не было ни души, и проскользнули в пределы диких земель чичамеков — мы, пятьдесят и пять воинов, идущих колонной по одному и производящих при этом шума не больше, чем производило бы такое же количество лисиц. И — пусть нас осталось немного! — с нами шел Мерлин, который один стоил целого войска!

К утру — после двадцатичетырехчасового перехода без еды и сна, лишь с краткими остановками — мы, почувствовав себя в относительной безопасности, стали подумывать о привале и основательном отдыхе. Но Хайонвата, неутомимый как всегда, вел нас вперед и, видя, что наш престарелый провидец не проптестует, мы с легким чувством стыда продолжали идти, хотя все мышцы наши, ослабшие за время заточения, ныли и болели.

На самом рассвете наш отряд вышел к берегу небольшого озера, посреди которого находился поросший лесом остров. Здесь под руководством нашего предводителя мы построили плоты и погрузили на них все наше оружие и снаряжение.

Эти вещи мы перевезли на остров, а Хайонвата и десять его воинов возвратились в лес и провели там долгое время, уничтожая наши следы и оставляя ложные. Потом они вернулись к берегу озера и, предварительно уничтожив последние свои следы, вошли в ледяную воду — и скоро присоединились к нам, полумертвые от холода.

Но до самого наступления тьмы не смели мы развести костер. Да и потом нас обогревал лишь крохотный язычок пламени в сложенном из валунов укрытии, откуда не пробивалось ни лучика света. Причем для этого костерка были тщательно отобраны определенные породы дерева, не дающие дыма, запах которого мог бы донестились до противополож-

ного берега. Итак, без ужина мы легли спать, а наутро обнаружили, что все оставшиеся после нас следы теперь надежно замечены: ибо на наших шалашах лежал толстый снежный покров, и снег сыпал до самого вечера.

Вслед за снегопадом ударили морозы. Все озеро замерзло, за исключением полыни, протяженностью футов в двадцать с одной стороны озера, где, возмущая черную воду, бил ключ. Здесь прекрасно ловилась рыба. А в лесу водились зайцы и жирные итицы с пышным опереньем, которых с наступлением тьмы можно было собирать голыми руками.

Тем не менее, пищи на всех не хватало и, когда бы не счастливая встреча у самого нашего убежища с красавцем-оленем в сопровождении всей его свиты (он добрался до острова по льду, спасаясь от волков), мы были бы вынуждены искать пропитания в другом месте — возможно, рискуя жизнью.

Дважды видели мы тлапалланских разведчиков в рогатых шлемах и один раз — направляющуюся на юг группу воинов со свежими скальпами и пленными чичамеками.

Еще не кончились наши запасы пищи, а Мерлин и Хайонвата приняли решение продолжать путь — и мы двинулись дальше в глубину Чичамеки, преодолевая снежные пространства на плоских овальных лодочках, которые привязываются к каждой ноге и препятствуют увязанию в снегу. Лодочки эти, сплетенные из ивовых ветвей, почти невесомы, но научиться ходить на них стоило нам больших трудов, растянутых мышц и множества проклятий.

Зимой в связи с трудностью переходов племена редко ведут большие войны. Поэтому мы посчитали это время наиболее благоприятным для попыток установить мирные отношения.

В один прекрасный день мы встретили небольшой

отряд тлапалликов, и когда он устроился на привал, расстреляли из-за деревьев всех воинов. Мы не понесли никаких потерь и освободили нескольких пленных женщин, которые тут же с проклятиями набросились на мертвые тела врагов и наверняка изуродовали бы их, не вмешайся мы. Правда, Мерлин велел нам отрезать головы убитым и взять с собой.

Эта встреча оказалась счастливой для нас, ибо освобожденные женщины были из Народа Холмов, родного племени Хайонваты, и некоторые из них помнили его мать, Тиохеро. Посему они охотно проводили нас к своим сородичам, сэкономив нам два дня пути. Подружившись с этим народом, мы стали на время частью племени и зазимовали в надежных бревенчатых строениях в деревне, окруженной прочным частоколом — пусть и не столь надежным, как тлапалланские ограждения.

Каждый день мы обучали наших друзей стрельбе из лука, и сии рослые обитатели лесов сделались искусными лучниками, что благоприятно сказалось на их занятиях охотой и повысило вероятность выживания в жестокой борьбе с Природой и многочисленными врагами, постоянно досаждавшими племени.

По мере приближения весны Мерлин становился все более замкнутым и склонным к уединению.

Старец прокоптил и сохранил головы убитых тлапалликов и теперь ночами изучал звезды, а при свете дня занимался чем-то в отведенном ему для личного пользования доме, откуда временами доносились разнообразные скверные запахи, валил удущливый дым и вылетали споны разноцветных искр.

Мерлин часто беседовал с Хайонватой и вождем племени: знакомился с местными легендами, суевериями и страхами — и вынашивал какие-то планы.

Мы всем сердцем привязались к Народу Холмов и почувствовали на себе сначала его глубокую почти-

тельность, а позже — приветливость и веселость, хотя с природной свирепостью, проявляющейся в бою, познакомиться еще не успели.

Однажды ранней весной мы решили, что время это сделать настало. Мужчины принялись раскрашивать тела для войны. Подростки и юноши следовали примеру взрослых, и предводители разных кланов слали из других селений в главную деревню онондагов вести о том, что народ готов к войне.

Но Мерлин воспрепятствовал этим планам, и вскоре после продолжительного тайного совещания, на которое из нас был допущен старец, из деревни вышел отряд воинов — хорошо вооруженных, но без боевой раскраски — и направился к ближайшему селению исконных врагов.

В числе онондагов находился и я с десятью вооруженными римлянами.

Через несколько дней пути мы с великими предосторожностями приблизились к самой крупной деревне Обладателей Кремня. Остановившись достаточно далеко от нее, чтобы не обнаружить свое присутствие, мы содрали кору с большой березы и смастерили из нее рупор, в длину превышающий рост человека. Затем в сумерках мы прокрались к самому краю расчищенного пространства, посреди которого лежала деревня, закрепили рупор на треноге и ждали наступления полной темноты.

Когда на поляну спустилась густая тьма, двое самых проворных среди нас юношей схватили четыре прокопченные головы тлапалликов за длинные волосы и стремительно бросились в сторону деревни. Там они швырнули через частокол эти головы — каждая из которых самым жутким образом ухмылялась сморщенными усохшими губами — и бесшумно вернулись назад.

Сразу вслед за этим из деревни донесся тревож-

ный ропот, который перерос в громкий гул, когда взревела в ночи наша труба.

— Ганеагаоно! — загремел голос Хайонваты, похожий на рык некоего неземного чудовища. — Обладатели Кремня! Я Каменный Великан! Внемлите моим словам. Долго спал я среди холмов, пока не понадобился своему народу. Я ваш Друг!

Летающие Головы собираются в лесах и горах, дабы истребить некогда могущественный народ Онгайев. Тарон и Ниспосылатель Снов попросили меня восстать ото сна и разогнать врагов, словно ворон с ваших кукурузных полей. Но с таким множеством мне одному не справиться!

Ганеагаоно! Продолжайте слушать. Я восстал среди их болтливого совета. И, сломав свои зубы о мои каменные конечности, враги бежали прочь. Они сходятся вместе, дабы пожрать вас, племя за племенем, поодиночке — ибо могучего народа Онгайев, способного отразить их нападение, больше не существует.

Обладатели Кремня! Внемлите! Взгляните на эти Летающие Головы: я поразил врагов, которые явились сюда выслеживать вашу слабость и подслушивать на ваших крышах, как вы замышляете убийство собственных братьев! С восходом солнца пошлил своих гонцов с поясами мира к Народу Холмов. Назначьте день мирного совета. Я предупрежу и другие племена. Все их вы встретите у онондагов!

Оглушительный рев смолк. Мерлин дал мне в руки длинную трубу и поднес тлеющий уголек к верхнему ее концу, откуда мгновенно извергнулся мощный фонтан искр. Широкими шагами я выступил из-за деревьев — стон ужаса, подобный стону ветра среди голых ветвей, пронесся над собравшейся у частокола толпой, — и из трубы высоко в воздух выстрелил огненный шар, бросая на меня кроваво-красные отблески.

Сильные мужчины жалобно заскулили в благого-

вейном страхе. Облаченный в полные боевые доспехи и имеющий значительно больше шести футов роста, в неверном сем освещении я, должно быть, казался гораздо выше обычного смертного.

Несколько мгновений я стоял под дождем огненных искр, а затем отдал полный римский салют, повернулся, когда труба выплюнула струю зеленого пламени — и в сем призрачном освещении медленно удалился обратно в лес.

Огненную трубу мы тут же загасили.

В порыве радости Мерлин обнял меня.

— Прекрасно! Прекрасно! — бормотал он. — Слышишь эти вопли ужаса? Ах, если бы и с другими племенами все получилось так же удачно!

Хайонвата уже раздавал краткие приказы и, ведомые им, мы вернулись назад в наше лесное селение.

Одна за другой вернулись и другие экспедиции. Все они оказались успешными. Остальные четыре племени тоже были объяты паникой, и с восходом солнца в деревне онондагов появились гонцы от предупрежденных нами Обладателей Кремня. Чуть позже пришли посланники от Народа Великих Холмов, а еще позже — курьеры от Народа Гранита и Народа Грязных Земель. Онондаги же, заранее хорошо подготовленные, встретили сих запыхавшихсявестников мира с великолепно разыгранным ужасом от ночного посещения, якобы имевшего место и у них. Назад поспешили гонцы с извещением о дне тайного совета — и менее чем через неделю все племена встретились у озера, владеть которым хотели все, и окрестности которого являлись театром военных действий со времени раскола онгайского народа.

И там встретились они, великое множество людей — и бесчисленные столбы дыма поднялись на склонах близлежащих холмов; встретились, испытывая взаимный страх перед воображаемым недругом,

хотя единственного реального и опасного врага им оказалось недостаточно для объединения в один народ.

Мы, римляне, в полном военном снаряжении выступили из укрытия во главе с Мерлином в парандых одеяниях и найденном в море величественном головном уборе, длинные зеленые перья которого низко свисали вдоль спины старца.

При виде этого зрелица тревожный ропот пробежал по толпе перед нами. Однако, несмотря на испуг, вызванный лязгом нашего оружия (ибо с первого взгляда нас, должно быть, действительно можно было принять за истинных сынов скалистых гор), краснокожие быстро совладали с собой и обрели обычное свое величье и достоинство — ведь люди эти гордятся своим умением хранить самообладание даже в тех случаях, когда испытывают сильнейшие физические страдания.

И вот, лица краснокожих сделались совершенно бесстрашны, и ничто в их выражении не говорило о страхе или хотя бы изумлении, испытанном при нашем неожиданном появлении. Но руки, нервно стиснутые на рукоятках топоров и ножей, и мрачные взгляды ясно говорили о том, что внимание сей толпы таит в себе опасность и прекрасная долина Тен-дары может стать полем боя еще раз.

Мы направились к племени онондагов и остановились в пятидесяти шагах от него. Вперед выступил Мерлин, а навстречу ему вышел Хайонвата с длинной украшенной перьями трубкой — разожженной и дымящейся.

Они начали исполнять торжественный ритуал, в продолжении которого мы чувствовали, как множество устремленных на нас проницательных глаз постепенно распознает в нас существ гораздо более земных, нежели показалось с первого взгляда.

Всех нас объяла тревога. Наконец Мерлин громко заговорил:

— Люди Онгайев! Прикажите вашим женщинам потушить бивачные костры!

Краснокожие непонимающие смотрели на старца, и он повторил:

— Сейчас же. До последнего уголька.

Несколько подростков выбрались из толпы и поспешили на берег озера. Многочисленные струи дыма рассеялись и исчезли.

— Подобно тому как вы на земле загасили множество разрозненных костров, каждый из которых разведен отдельной семьей из некогда могущественного народа онгайев, так я, великий Таренъявагон, загашу Великий Огонь. Смотрите!

Он воздел руки к небу, и стон скорби пронесся над толпой. На край солнца наползала черная тень!

Прежде, чем страх краснокожих обернулся в желание убить нас во спасение светила, Мерлин возвысил голос:

— Народ Онгайев! Я вижу перед собой множество людей. Все они глядят друг на друга с ненавистью и подозрением. Однако все они — братья. У них одинаковый цвет кожи и одинаковое разделение на кланы и сообщества. Они говорят на одном языке, любят одинаковую пищу и играют в одинаковые игры. Эти люди — братья!

Сыны мои! Могут ли братья убивать друг друга, когда горит над их головами крыша дома, подожженная вражеским факелом? Могут ли враждовать братья, когда их отец, мать и маленькие дети захвачены в плен или уже страдают под кнутом безжалостных поработителей?

Слушайте дальше, сыны мои.

За дверью каждого жилища подстерегает вас враг, более коварный, чем древесная кошка, более

яростный, чем медведь, и более опасный, чем стая голодных волков. В одиночестве человек беспомощен: отдельное племя может отразить нападение и бежать прочь. Но если все братья объединятся, они смогут отогнать врага далеко от своих дверей!

К этому времени черная тень застила почти все солнце, за исключением тонкой дуги. Однако никто не роптал и не пытался бежать.

— Народ Гранита! Народы Великих Холмов и Грязных Земель! Оглянитесь вокруг! Обладатели Кремня, внемлите! Врагами вашими являются не Летающие Головы и не собравшиеся здесь племена. Рядом с каждым из вас стоит брат, готовый сражаться за вас и прикрывать вас в бою. Он поможет вам и встанет на вашу защиту, если вы ответите ему тем же. Отбросьте же прочь прежние черные мысли, и пусть растворятся они в окутавшей нас сейчас тьме!

Солнце уже исчезло полностью.

— Пусть одна тьма поглотит другую. Пожмите руку соседу и во всеуслышание назовите его братом.

Наступил самый тревожный момент. В распоряжении Мерлина оставались считанные секунды для завершения тщательно продуманного плана, который сейчас находился на грани срыва, ибо краснокожие продолжали стоять неподвижно, настороженно глядя друг на друга. Все должно было окончиться до появления солнца — в противном случае люди поняли бы, что угасание светила является всего лишь природным небесным феноменом.

Наконец престарелый немощный вождь нудаваонов проковылял к столь же древнему вождю оондагов и взял его за руку.

Толпа взревела, и волны братания начали быстро распространяться по ней. Сигнальная раковина Хайонваты перекрыла шум многих голосов, и Мерлин заговорил снова:

— Дети мои! Не забывайте сегодняшних ваших чувств. Старые печали и обиды, не залеченные временем, еще вернутся к вам, и новые разногласия возникнут среди вас. Пренебрегите ими или разрешите с помощью членов совета. У вас один могущественный враг: Тлацаллан!

Оглушительный яростный вопль прервал старца. Бледный и взъерошенный, он ждал восстановления порядка, считая оставшиеся в его распоряжении секунды.

— Продолжайте слушать, дети мои! Почитайте стариков, не оставляйте их больше в лесах на съедение диким зверям. Опекайте их, как своих детей. Разве вы не лучше майя, которые видят в старом человеке лишь тело, предназначеннное для мучительной смерти во славу кровавого божества?

Будьте добры друг к другу и беспощадны к единственному вашему врагу. Так обретете вы мир и возвеличитесь. Так образуете вы союз, в котором признаете власть и силу — и объединившись, посадите дерево с четырьмя корнями, ветви которого простираются на север, юг, восток и запад. И будете вы отдыхать в покое и дружбе под сенью сего дерева, если только врагам вашим не удастся срубить его!

В тени ветвей его, в сей долине должны вы возвести священный Длинный Дом, в котором все сможете жить. И будет возвышаться над Домом могучее дерево Союза — символ вашего единства и вечный ваш Страж!

Я зажигаю новый огонь для вашего очага.

Старец выбил из церемониальной трубы раскаленный уголек на землю. Раздалось шипение, и по траве побежала алая змейка огня, поднялось облако белого дыма, что-то грохнуло наподобие громового раскаты, и в нескольких футах от центра открытого пространства, где стояли провидец и трубач, взметнулись вверх языки красного пламени.

И в этот самый миг из темноты выглянула яркий край солнца!

— Зажгите факелы и возвращайтесь в свои вейк-заумы — и почитайте отныне это место за Место Костра Совета. И зовитесь с этих пор не онгайями, но ходеносауны, Людьми Длинного Дома.

Я все сказал.

Мерлин вернулся к нашему отряду. Слаженным строем мы отошли к укрытию, заранее построенному для нас дружелюбными онондагами, и успели заметить, как люди с факелами, полоеками ткани и тростинками тесной стеной обступают священный костер, защищая его от ветра.

Однако не подумай, что после речи старца все накопленные с годами недобрые чувства исчезли в один день.

Но речь эта положила начало долгому совету, на котором звучали и взаимные обвинения, и горькие упреки — но всегда, не давая этим стычкам перерастти в серьезные конфликты, в разговор вмешивался Мерлин, и спор угасал прежде, чем его участники успевали понять, каким образом все трудности становились столь легко разрешимыми.

Совет длился четыре дня. Формально Мерлин был причислен к Народу Кремня и занимал высокое место на советах племени. Хайонвате тоже пожаловали звание Роянека (члена совета) и, пожелай я, меня тоже удостоили бы высоким чином.

Но я не нуждался в варварском низкопоклонстве, и, конечно, Мерлин принимал знаки лести против своей воли — из боязни, что в противном случае расстроится его планы весеннего похода. Ибо старец страстно мечтал отправиться на юго-запад в поисках Страны Мертвых.

Наконец совет завершился с результатом, который устраивал всех. Пять народов — слабых поодиночке

против превосходящей мощи Тлапаллана — теперь объединились в великую лесную силу.

Могучий молодой великан расправил мускулы и возжаждал войны, желая испробовать свои силы, — но мозг его (пятьдесят избранных народом Роянеков) повелел ему ждать благоприятного момента и тем временем набираться сил.

Итак, в течение весны Люди Длинного Дома обучились пользованию луком и стали искусными стрелками, опасными для врага. А в конце того сезона мы решили предпринять набег на Дорогу Рудокопов и при случае нанести удар по пограничным крепостям Тлапаллана.

МАНТИЯ АРТУРА

Впрочем, эта так называемая Дорога Рудокопов в действительности мало походила на дорогу, ибо ни в одном месте ширина ее не превышала фута и зачастую ограничивалась несколькими дюймами (это объясняется привычкой местных жителей путешествовать через густые леса колонной по одному). Глубина же дороги тоже менялась в зависимости от того, по какой почве — каменистой или рыхлой — она пролегала. Однако, на всем протяжении эта разбитая на участки трасса тщательно охранялась патрулями и многочисленными крепостями — ибо сия многохожденая тропа соединяла (как упоминалось ранее) четыре главных города страны с богатыми медными рудниками, находящимися у Внутреннего Моря, и в летние месяцы по ней текли бесконечные потоки тяжело нагруженных рабов.

Нам же эта дорога представлялась длинной рукой ненавистного Тлапаллана, глубоко запущенной в сокровищницу Чичамеки — и мы решили эту руку сломать и по возможности пресечь систематический грабеж.

Итак, в поход выступил военный отряд: я, Хайонвата и восемьдесят ходеносауни. Все мы сознавали, что на нас лежит обязанность продемонстрировать Тлапаллану поднявшиеся на севере силы. Мерлин с остальными римлянами и двумя сотнями Людей Длинного Дома двинулся на захват рудников, а прочие военные подразделения (численность каждого из которых соразмерялась с предполагаемыми силами противника) направилась к расположенным вдоль Дороги Рудокопов крепостям.

Я со своими людьми должен был удерживать дорогу за ближайшей к Тлапаллану крепости: препрятствовать пути любому военному подразделению, пытающемуся проскользнуть за линию фронта с известиями о нападении, и — если Тлапаллан все-таки получит предупреждение — убивать или захватывать в плен всех идущих на помощь воинов. Мы рассчитывали во время ночной атаки захватить все крепости прежде, чем дымовые сигналы успеют передать сообщение о нападении — ибо силы у нас были велики, и все окрестные леса кишили нашими воинами.

Перед отправлением моего отряда Мерлин отозвал меня в сторону и в знак особого расположения вручил мне небольшую шкатулку. Откинув крышку, я решил сначала, что старец шутит, ибо шкатулка была пуста.

Мерлин рассмеялся.

— Сунь в нее руку.

Последовав совету старца, я с удивлением нашупал в шкатулке тонкой выделки ткань. Я заглянул внутрь и увидел, что погрузившиеся в ткань пальцы постепенно исчезают и расплываются — словно глаза мои застилает туман. К великому своему недоумению, не мог я разглядеть и дна шкатулки, ибо оно тоже расплывалось и дрожало перед моим взором.

— Это бесценная реликвия, — пояснил Мерлин. — Мантия Артура.

И тогда я все понял. Все мы слышали о плаще, делавшем невидимым любой скрытый под ним предмет, — но до сих пор я и не предполагал, что он находится в нашем распоряжении.

— Мерлин! Ты взял с собой...

Он кивнул.

— О да. Тринадцать бесценных реликвий хранилось в моем сундуке. Не мог же я оставить их саксам!

Я улыбнулся.

— Полагаю, это не колдовство?

— Что такое колдовство? — с досадой сказал старец. — Всего лишь нечто, непонятное непосвященному. В нем не кроется никакого зла. И бояться его нечего. Мантия сия не принесет тебе вреда. Это всего лишь простой полотняный плащ, покрытый черной краской.

— Черной краской? Нет, провидец, ты шутишь. Я не вижу ничего похожего на черный цвет. Плащ бесцветен!

— Совершенно верно. Бесцветен, поскольку поглощает любой падающий на него свет, и содержащиеся в лучах цвета взаимно гасят друг друга, не оставляя в результате ничего. Потому-то никто не может увидеть ни плащ, ни спрятанный под ним предмет — как не может увидеть сам свет, проходящий сквозь воздух. Ведь совершенный и абсолютный черный цвет поглощает все составные светового луча.

Очевидно, на лице моем не отразилось понимания, ибо старец раздраженно пробормотал:

— К чему тратить слова впустую? Ты — человек войны. Я — человек мысли. Так ступай же вершить убийство.

И, напутствуемый этими словами, я взял мягкую

ткань — незримую и непостижимую для меня, — сунул ее под доспехи и отправился прочь.

Итак, три дня лежали мы в горах, наблюдая за закрепленным за нами участком дороги, но не видели на ней ничего, превосходящего размерами древесную мышь. Наконец наше бдение надоело нам и страшно наскучило. На утро седьмого дня дальнейшее бездействие показалось мне просто невыносимым: ведь над городом Змеи поднимался дым, и мы изнемогали от желания нанести какой-нибудь разрушительный и ощутимый удар по врагу.

Я лежал, погруженный в раздумья. Что мог сделать столь малочисленный отряд, как наш, против такого множества? К тому же нам нельзя было нарушить приказ Мерлина и Роянеков. Дорога Рудокопов должна была оставаться под охраной.

Тогда я вспомнил о Мантии, согревающей мне грудь под доспехами, и внезапно в голову мне пришел план — грандиозный и головокружительный!

Для похода на Тлапаллан нам потребуется сокрушительное, незнакомое здесь оружие, способное напугать противников своей мощью. А в подземелье под Яйцом лежали предметы, необходимые для постройки военных механизмов: скобы стрелометов и торменты. Изготовить бронзовые скобы сами мы не могли из-за смерти кузнеца и отсутствия олова (ибо до сих пор олова в сих землях мы не обнаружили).

Но, скрытый Мантией Артура, я могу проникнуть за ворота и выкрасть нужные детали, оставаясь невидимым и практически не рискуя жизнью!

Итак, оставив на посту десять римлян, я с пятью ходеносауны отправился через южные холмы. У опушки ближайшего к городу леса я накинул на себя плащ, а мои спутники спрятались. Выражение их обычно суровых и бесстрастных лиц стоило запомнить. Казалось, краснокожие воины были готовы по-

вернуться и броситься прочь, когда услышали мой голос, раздавшийся из темноты. Но, хотя они и дрогнули — чего никогда бы не случилось с ними перед идущим в атаку врагом, — но все же сумели сохранить самообладание, и я оставил их в лесу размышлять над способностями и божественными тайнами белых людей.

После часа быстрой ходьбы я миновал внешние укрепления и вошел в открытые ворота. Правда, мне пришлось немного подождать, ибо множество людей входило в город и выходило оттуда: в это время шла подготовка полей к севу.

Надежно защищенный незримым плащом, я слонялся среди зданий, большей частью заново отстроенных, каковое обстоятельство свидетельствовало о размерах ущерба, понесенного городом в ночь нашего побега. Я пытался оценить силу города: прикидывал численность населения и мысленно отмечал наиболее уязвимые места в ограждении у хвоста Женщины-Змеи — и тут произошел случай, поставивший под угрозу срыва мое рискованное предприятие и едва не стоивший мне жизни.

Из-за угла одного строения навстречу мне вылетел краснокожий мальчуган, страшно довольный тем, что как-то подщупил над своими товарищами, которые сейчас гнались за ним. С разбегу он врезался головой мне в живот — невидимый, как и все остальное тело, — и оба мы покатились по земле.

Плащ мой задрался до колен, капюшон свалился с головы, и, не будь мальчуган сильно оглушен ударом, мне пришлось бы убить его или позволить пропасть ни за что всем своим стараниям.

Я едва успел вскочить на ноги и отступить в сторону, когда из-за угла вылетела кричащая стайка мальчишек. Они окружили своего товарища и унесли

его прочь — ошеломленного и в полуобморочном состоянии.

После этого у меня исчезло желание бесцельно бродить по городу, и я направился к Яйцу. Вход в подземелье не охранялся, и скоро я вышел на улицу с тремя тяжелыми скобами под плащом: столько деталей мог я свободно унести зараз.

По возвращении к своим спутникам я почувствовал голод и съел целую миску зерен теочентли, размоченных в холодной воде. Во время похода мы всегда питались этой пищей: она сытна, легка и будет прекрасным дополнением к продовольственному снабжению Римской Армии.

Затем я вернулся в город, совершил еще два похода за деталями, и на третий раз принес последние скобы и несколько кусков оловянной обшивки с «Придвена».

Уже смеркалось. Сделать очередную вылазку в город до наступления темноты я явно не успевал, но мне очень хотелось раздобыть еще олова, пока удача улыбается нам. Металл сей представлял бы для нас большую ценность, чем золото, сумей мы узнать, в каком соотношении и каким образом сплавлять его с медью, огромные залежи которой Мерлин и его люди должны были захватить во время нападения на рудники. Итак, я решил испытать судьбу и вскоре убедился, что полагаться на ее переменчивый нрав нельзя — ты это увидишь в дальнейшем.

Вернувшись в город, я вошел в подземелье в почти полной темноте и начал шарить по сторонам в поисках кучи листового олова — и в этот момент чьи-то невидимые руки схватили меня. Я рванулся прочь, услышал треск рвущейся ткани и неожиданно почувствовал себя свободным — но я остался без Мантии Артура, и у меня не было даже ножа, чтобы защи-

тить себя от сбежавшейся в камеру толпы вооруженных людей.

К счастью, выход находился поблизости. Я метнулся к нему, сбил с ног двух стражников с факелами, которые спешили задвинуть решетку, и выскочил в город. Все выходы из него охранялись, спрятаться было негде, а проснувшиеся жители поднялись на поиски лазутчика.

Сначала я бросился к реке, но вдоль высокого берега ее стояла такая частая цепь факельщиков, что и муравей не смог бы проскользнуть мимо. Я побежал назад к частоколу, чтобы перебраться через него.

Прячась в тени, я двинулся к центру города и вскоре приблизился к большому неосвещенному бревенчатому строению. За мной следовала толпа людей, но следовала ненамеренно, ибо я до сих пор оставался незамеченным. Другая группа направлялась мне навстречу и была уже совсем рядом.

Что мне было делать? Еще несколько мгновений — и я окажусь в одном из двух кругов света или — при попытке проскользнуть между ними — воины какой-нибудь из групп увидят мой силуэт на фоне факельных огней напротив.

Я не мог зарыться в землю и не мог взлететь в небеса. Я поднял взгляд, и в этот момент с крыши со зловещим криком сорвалась сова. Ослепленная светом факелов, она полетела в сторону леса. Встреча с совой часто является дурным предзнаменованием, но ту птицу я буду благословлять до конца своих дней!

Мне хватило одного ее намека. В мгновение ока я вскарабкался по стене, ставя ступни в щели между бревен, и к тому времени, когда две группы встретились и затем разошлись в разные стороны, я успел удобно устроиться на крыше.

Временно я находился в безопасности, но ситуа-

ция продолжала оставаться в высшей мере рискованной. В лучшем случае я мог прятаться на крыше лишь до восхода солнца — ибо никто не указывал на то, что с наступлением дня упорные поиски лазутчика стихнут.

В то время, как я обдумывал свои дальнейшие действия, из дома подо мной вышел человек и неверной поступью направился к скамье. Он шарил под ней, пока не наткнулся на кувшин с водой, из которого принялся пить так жадно, словно умирал от жажды.

Потом, выставив перед собой руки, он на ощупь направился к двери дома. Это казалось странным само по себе, поскольку при свете звезд и отдаленных факелов я мог спокойно разглядеть его лицо. Следовательно, человек должен был прекрасно видеть, куда идет. И тут я с удивлением заметил, что глаза его остаются закрытыми. Человек был слеп!

Возможно, в любой другой стране на земле это не показалось бы странным. Даже в Чичамеке встречались слепые, глухие и немые люди. Но здесь, в Тлапаллане, слепец был явлением из ряда вон выходящим, ибо Тлапаллан не нуждался в людях, выведенных из строя какой-нибудь болезнью, и не испытывал к ним сострадания. Даже представитель правящего класса, пораженный неизлечимым недугом, обрекался на смерть на алтаре Яйца — ибо жрецам никогда не хватало жертв в подземелье, чтобы насытить Чиакоатль-Пожирательницу.

Можешь представить себе, какая судьба ожидала этого слепого человека (судя по одеждам, сына рабов, тлапаллика в третьем поколении), прознай про его недуг жрецы, чья тюрьма как раз пустовала в настоящее время.

— Там, где опасность не грозит тебе, опасность не грозит и мне, мой друг, — пробормотал я себе и, повиснув на краю крыши, спрыгнул на землю рядом

со слепцом. С тихим вскриком он обернулся. Я зажал ему рот ладонью и затолкал в дом, подальше от света.

— Стариk, — яростно прошептал я, — твои со-племенники охотятся за мной. Если они найдут меня здесь, то возьмут и тебя тоже, и с нас обоих заживо сдерут кожу на алтаре. Ты меня понимаешь?

Он энергично закивал.

— Тогда спрячь меня там, где сам прячешься. Живо!

Стариk провел меня к отверстию в полу и пустился по короткой лестнице. Я сорвал со стены каменный топорик и последовал за ним. Жизнь моя была в его руках, но равным образом и он находился в моей власти — и я был моложе и сильнее его. Едва я успел ступить на грязный пол, как слепец с юношеской прытью вновь взбежал по лестнице. Я уже собирался метнуть в него топор, но он надвинул на отверстие крышку и, потянув за веревку, подтащил к люку медвежью шкуру и накрыл ею пол над нашими головами.

А потом мы уселись рядом в темноте и познакомились.

Человек этот не всегда был слеп. В молодости он промышлял торговлей до тех пор, пока не попал в плен к чичамекам, где его истязали, прогоняя между двумя длинными рядами дикарей, вооруженных терновыми розгами.

Ему удалось бежать: он прыгнул в реку и, спрятав голову под пучком плавающих водорослей, доплыл до безопасного места. То ли от удара колючей плети по глазу, то ли от пагубного воздействия речной воды зрение его впоследствии начало слабнуть, и он остался жить в городе со своей семьей: женой и сыном, тоже женатым.

Жена и сын вырыли под полом дома убежище для

него, и здесь несчастный, ослепший уже полностью, прожил в постоянном страхе быть обнаруженным пять лет, выходя глотнуть свежего воздуха только в самые темные ночи, в которые любой человек мало чем отличается от слепого.

Сегодня он остался в доме один, поскольку женщины помогали в поисках лазутчика, и невыносимая жажда погнала его за водой.

Из нашей беседы я понял, что мой новый знакомый не особенно любит Тлапаллан и тоскует по свободной жизни лесного торговца. Поэтому я предложил ему следующее: он поможет мне бежать из города, а я в свою очередь обеспечу ему безопасную жизнь среди ходеносауни, численность которых постоянно увеличивалась в результате набегов на меньшие племена, захвата пленников и поселения последних на своих территориях с полными правами гражданства.

План этот понравился слепому, как позже понравился он и женщинам этой семьи. Двумя днями позже из лесной экспедиции вернулся сын старика, нагруженный мехами, олеными зубами и бусами из ракушек, и тоже одобрил мой замысел.

Слухи о растущей на севере силе дошли до него, и ему хватило ума понять, что честолюбивый человек может извлечь для себя большую выгоду, просоединившись к народу, чье солнце восходит.

На следующее утро была назначена очередная торговая экспедиция, и с ней семья решила уйти из города: слепец и я, переодетые женщинами, должны были выйти за ворота — якобы немного проводить мужчин.

Шел уже седьмой день после захвата Дороги Рудокопов. Медь в город не поступала, и это обстоятельство вызывало много разговоров и волнений. Поэтому Тлапаллан планировал карательную экспеди-

цию. Прослышав об этом и испугавшись, что торговец перестанут выпускать в лес, я перенес все планы на ближайшую ночь. Приблизительно через три часа после захода солнца молодой торговец собрал ничего не подозревающих рабов и со слепым отцом, матерью, женой и со мной (последние четверо тщательно кутились в покрывала) приблизился к маленьким воротам, расположенным в хвосте Змеи.

Мы должны были сознавать ничтожность надежды на успех: ведь весь город и окрестные леса были объяты подозрением и тревогой; ведь все знали, что в город проник лазутчик и, украв ценности, скрылся в неизвестном направлении; кроме того, вот уже неделю назад прекратились поставки меди с рудников, а из двадцати охраняющих Дорогу Рудокопов крепостей не поступало никаких известий.

Мы должны были понимать, что плотно закутанный в накидку человек наверняка вызовет повышенный интерес к себе, — но поняли это только на подходе к воротам, когда один из стражников внезапно сорвал покрывало с молодой жены торговца, а другой одновременно сорвал покрывало с меня. Очевидно, нас выдал мой рост. Стражник закричал, и мы поняли, что все пропало.

Он взмахнул топором. Я увернулся и собственным топором раскроил ему череп.

Затем мы — все пятеро — бросились прочь сквозь толпу сбитых с толку рабов, которые вопили под ножами и дубинками часовых, не имея ни малейшего представления, за что их убивают.

Конечно, нам не удалось бы спастись, когда бы не мужество слепого старика. Когда мы, целые и невредимые, выбежали за ворота, он повернулся и стал на пути пятерых вооруженных копьями стражников, настигающих нас огромными прыжками. Он загородил телом выход и повалился на землю, увлекая за собой

страшные зазубренные пики, которые нельзя было извлечь из тела без помощи ножа.

И в этот ужасный момент небо над нами вдруг озарилось ярко-зеленым и кроваво-красным светом! Женщины завизжали и вцепились в нас с молодым торговцем. Мы оглянулись. Над нашими головами просвистела огненная стрела, направленная в кучу дерущихся людей у ворот. Весь мир попеременно то вспыхивал огнем, то погружался во тьму. Несколько мгновений мы стояли, шатаясь, словно бледные трупы под кровавым дождем Судного Дня, а потом, повинуясь моему резкому приказу, бросились прочь, прямо в темноту, откуда с шипением вылетали огненные трубы. Мерлин пришел на помощь!

Приблизительно в двухстах ярдах от ворот мы увидели многочисленный отряд лучников, которые посыпали с колена тучи стрел через частокол города и не позволяли преследователям выйти из ворот. Из толпы воинов выступил Мерлин и взял меня за руку.

— Я потерял бесценную Мантию, — горестно признался я. — Мне стыдно. Я вел себя, как ребенок.

Мерлин похлопал меня по спине. Казалось, старец пребывал в самом хорошем расположении духа.

— Не думай об этом больше, — весело сказал он. — Ты нашел для меня нечто, гораздо более ценное. Это я вел себя, как ребенок, когда в ночь нашего побега не настоял на том, чтобы взять с собой скобы и олово. Мне следовало бы сознавать их ценность, но тогда они показались мне просто кучей бесполезного металла и помехой для быстрого продвижения.

Друг мой, теперь у нас есть детали, по образцу которых мы можем изготовить новые! У нас есть олово для получения бронзы и есть рудники с залежами меди. Кроме того, за семь дней боев Чичамека захватила двадцать сильных крепостей Тлапаллана,

а пленные тлапаллики стали либо заслуживающими доверия ходеносауны, либо — мертвецами.

При необходимости мы построим на побережье корабль, достигнем места крушения «Придвена» и наберем олова достаточно для того, чтобы оснастить бронзовыми скобами такое множество тормент, что из них можно будет построить забор вокруг Тлапаллана.

Эти люди — прирожденные бойцы. Теперь нам все по силам. Все!

Старец лучезарно улыбался своим лучникам, похожий на седовласого патриарха в толпе сыновей.

— Все это прекрасно — для будущего, — сказал я. Но давай вернемся к настоящему. Скоро майя повалят из других ворот и перекроют нам путь к отступлению.

— Вовсе нет. Хайонвата удерживает ворота у Яйца, захватив внешние укрепления. И десять отрядов контролируют третьи ворота.

— Но мы недостаточно сильны для захвата города! Там тысячи жителей. Люди из близлежащих деревень скоро окружат нас, если мы не поторопимся. Мы находимся в глубине Тлапаллана. Для настоящего завоевания этой страны мы сначала должны захватить и уничтожить маленькие деревни, а население их изгнать в крупные города, перебить или растворить среди ходеносауны. Там полно рабов, которые сейчас сражаются за майя, но с радостью встанут на нашу сторону, почувствовав возможность победы. Здесь всего лишь один город. Если мы возьмем его слишком скоро, то потеряем все. Остальные три города — Кольхункан, Майяпан и Тлакопан — выйдут против нас и захлестнут наши войска бесчисленными полчищами людей. Откуда возьмем мы орудия? Откуда возьмем подкрепления?

Чичамека еще не объединилась полностью, но разделена на сотни племен, которые ненавидят ходено-сауни так же, как Тлапаллан. Они тоже должны быть с нами.

Вспомни о протяженности сей империи и подвластных ей территорий, о тысячах храмов, множестве крепостей, о мириадах людей, которые поднимутся по приказу майя! Мерлин, довлетьорись достигнутым.

Мы — маленький народ. Дай нам вырасти перед тем, как искать справедливой мести.

— Ты — человек войны, Вендиций. И мысли твои мудры. Трубач, созывай воинов!

Громкий и резкий звук сигнальной раковины пронесся над объятым паникой городом. Издалека, где стремительно проносящиеся в воздухе огненные шары обозначали позиции остальных наших подразделений, ответили нам другие раковины.

Грохот начал стихать, мелькание огненных шаров прекратилось, хотя небо по-прежнему багровело от пламени, объявшего хижины города, — и Чичамека, словно пресыщенный медведь, отправилась домой, оставив Тлапаллан зализывать свои раны и оплакивать утраты медных залежей.

Во время долгого путешествия домой только однажды довелось нам с Мерлином побеседовать. В разговоре я сказал:

— Конечно, я понимаю, что пять человек из моего отряда, которые сторожили скобы в лесу, отправили на нашу позицию посыльного с известием о моем исчезновении. Я понимаю, что посыльный встретился с твоими людьми, идущими от верхних крепостей, — и, объединившись, все воины пришли к городу. Но откуда ты узнал, что я собираюсь бежать именно этой ночью? И откуда ты знал, к каким воротам я подойду и в какое время?

Мерлин усмехнулся:

— Знал.

— Но откуда? Откуда?

Над головой моей мягко захлопали чьи-то крылья.
Я посмотрел вверх и увидел уставившиеся на меня
огромные желтые глаза.

— Может, сова мне сказала. Совы ведь слышат
всеведущими, не так ли?

И больше мне ничего не удалось узнать. Мерлин
всегда любил тайны.

МЫ ИЩЕМ СТРАНУ МЕРТВЫХ

И так, мы позволили времена работать на нас. В разные стороны по лесам спешили гонцы с расшитыми бисером узорчатыми поясами, каждая бусинка и каждый таинственный значок на которых имели свой важный смысл: это был единственный внятный язык, общий для всего множества чичамекских племен.

Одно за другим лесные сообщества заключали соглашение, обязывающие их ударить по врагу, когда ударим мы, и ждать, пока мы не почувствуем себя готовыми к схватке — и Союз Племен, который должен был однажды поразить Тлапаллан в самое сердце, становился все сильней и опасней.

Пришло и ушло лето. Мерлин, я знал, горел желанием отправиться на поиски призрачной Страны Мертвых.

Все холодней становились дни, в воздухе появился терпкий аромат поздней осени. Жизнь наша текла безмятежно и счастливо. Никто не тревожил нас. Тлапаллан не предпринял попыток отвоевать потерянные крепости и не посыпал никаких войск с целью раздобыть меди или покарать Чичамеку.

Затем в один прекрасный день молодое сердце Мерлина взыграло, и старец открыто восстал против однообразного течения жизни.

Он все-таки отправился на поиски Страны Мертвых! Он раскроет вечную тайну Смерти! Он призовет в поход добровольцев. И, конечно же, все воины, не успевшие жениться на местных женщинах, пойдут за ним! Что же касается его самого, то он лично отправляется в путь немедленно! И старец сдержал свое слово.

Из тридцати семи римлян (тридцать человек пало во время набегов на рудники, крепости и Город Змеи) двадцать один выступил вместе с Мерлином на поиски новых приключений. Число добровольцев осталось бы четным, когда бы к отряду не присоединился я. Остальные римляне к этому времени женились на женщинах ходеносауны и больше пользы могли принести на месте, способствуя дальнейшему укреплению Союза Племени.

За маршрутом похода ты можешь следить по карте. Подробно останавливаться на нашем путешествии я не стану — но не думай, что оно было незначительным. В ту зиму мы преодолели огромные расстояния. Мы даже вырвались из объятий самой зимы и в пору снегов нашли зеленые цветущие пространства — но об этом впереди. Сначала же для того, чтобы двинуться на юго-запад, мы должны были сесть в рыбачьи челны и грести на север! Так наш отряд пересек широкий залив Внутреннего Моря.

Мы взбирались на горы, переходили вброд реки, охотились и рыбачили в пути. Оставив горы далеко за спиной, наш отряд вышел к широким травянистым пустошам, населенным лишь стадами диких горбатых быков, каждое из которых столь огромно, что может бежать мимо стоящего на месте наблюдателя целый день или даже больше. От топота их

копыт дрожит земля и колышется воздух. Перед стадом расстилаются луга с травой, поднимающейся зачастую выше человеческого роста; за стадом не остается ничего, кроме голых равнин. Каждый росток и каждая травинка безжалостно втолптывается в землю.

Мясо этих быков весьма вкусно.

Обширные сии пустоши, по площади превосходящие Британию, мы назвали Морем Травы — и продолжали путь, ведомые железной рыбкой Мерлина, от случая к случаю плавающей в миске с водой.

Изредка нам встречались люди — более грязные, менее отважные и энергичные, нежели наши сильные духом союзники-чичамеки. Впрочем, удивляться не приходилось: ведь по этим территориям пролегал путь майя в движении на север из Жарких Земель, и во время долгих странствий завоеватели истребили почти все местное население. Спасти удалось лишь немногим, которые снова объединились в семьи и небольшие группы и сейчас пытались решить тяжелую задачу по объединению в племена и народы. Мечта сия казалась неосуществимой, ибо обитатели пустошней поведали нам, что на их территории часто совершаются набеги.

Но, судя по их словам, на юго-западе живет народ (тут Мерлин встрепенулся), никогда не знавший поражений. Отразив нападение значительно превосходящих сил майя в своей озерной стране Алата, расположенной к северу от пустошней, представители сего племени отказались стать тлапалликами и, покинув любимую родину, ушли на юг.

Что с ними стало потом? Никто этого не знал, но последовавшие за ними военные отряды Тлапаллана вернулись назад с сильно поредевшими рядами и явно подрастерявшими мужество. Некоторые же подразделения и вовсе не вернулись.

Стоит ли нам идти на запад? Конечно, нет! Там лежат высокие неприступные горы, ни один человек не может преодолеть их, ибо там нет воздуха для дыхания.

За эти горы каждую ночь уходит спать солнце — и туда однажды уйдет оно умирать.

И если Страна Мертвых действительно существует, то она наверняка находится там — ибо мы искали ее повсюду и не нашли нигде.

Приблизившись к подножью гор на расстояние видимости, мы повернули на юг в надежде достичь конца огромной горной гряды и обогнуть ее. Вероятно, есть такой путь, по которому можно выйти на самый край Земли и заглянуть вниз. Но нам пришлось свернуть в сторону.

Мы прибыли в страну песков, жары и засухи, бедную источниками воды, заросшую колючими безлистовыми деревьями — шарообразными и странными на вид. Там обитали рептилии. Одна из них укусила нашего товарища, и он скончался в страшных муках. Полумертвые от жажды, мы с трудом выбрались из этой пустыни и решили повернуть на восток, обогнать ее и вновь вернуться на запад, уже южнее.

Вскоре мы вышли в неприглядную скалистую местность, изрезанную огромными ущельями, по руслам которых в недрах земли, недоступных человеческому взору, протекали реки. И столь глубоки сии ущелья, что, хоть в определенное время дня сверху и можно увидеть сверкание солнечного луча на волнах, но расслышать грохот бурного потока невозможно.

Странная земля, эта земля Алата. И много есть в ней чудес.

И все же даже здесь, среди мировой свалки камня, черная угроза Тлапаллана тяготеет, как прокля-

тие, над доблестным народом, имеющим мужество вырубать жилища в самих скалах.

Некоторое время мы шли по свежим следам некоего многочисленного отряда, а затем во избежание неприятных сюрпризов выслали вперед разведчиков.

Скоро один из них спешно вернулся назад с известием о том, что неподалеку слышны звуки боя. Итак, держа луки наготове, мы осторожно двинулись вперед по дну глубокого сухого ущелья.

Неожиданно до слуха нашего донеслись боевые кличи, и за изгибом ущелья взору нашему открылась картина яростного сражения.

Из своего укрытия мы увидели в тупике оврага лагерную стоянку тлапалликов, а высоко над ней — странную крепость: огромное строение, занимающее глубокую нишу в почти отвесной скале. Над зубчатой ее крышей поднимались столбы дыма от более чем двухсот очагов. Уступчатые стены крепости темнели от толп кричащих и угрожающе размахивающих копьями людей.

Выступ плато нависал над защитниками крепости, словно широкий козырек, защищая их от возможного нападения сверху. Но тлапаллики превратили сие укрытие в угрозу для противника — ибо сейчас под козырьком скапливался густой удушливый дым от сжигаемых внизу зеленых веток и влажных листьев. Ветер гнал этот дым прямо в углубление в скале.

Из черного облака дыма со стен и башен крепости летели вниз огромные булыжники, и карабкающимся вверх тлапалликам приходилось худо. Осажденные подняли переброшенные через расселины в тропе лестницы, после чего на скале не осталось практически ни одного выступа и упора. Кроме того, некоторые участки тропы были предварительно отполированы до зеркальной гладкости постоянными обитателями

крепости: инвалидами, стариками, женщинами и детьми.

Вдобавок ко всему воины стойко защищали подступы к крепости,сыпая врагов копьями и дротиками, а женщины лили на головы тлапалликов кипящую воду,сыпали песок, золу и горячие угли.

И все же, далеко в стороне от крепости, нетронутые и спрятанные от глаз осажденных завесой дыма, наверх ползли цепочкой тлапаллики: они передвигались от расселины к расселине, перебрасывая через них лестницы. Сверкающая доспехами из полированной меди и украшениями из слюды длинная вереница воинов показалась нам в конце концов символической Змеей Тлапаллана, ожившей и ползущей по скале, дабы пожрать злополучных обитателей крепости. И мы ясно понимали: если не вмешаться в ход событий, то, как бы смело ни сражались жители скал, конец их ожидает один — рабство и смерть.

Сокрытые в ту минуту от глаз врага, мы собрали совет и решили вступить в бой. Мерлин заявил:

— Мы не можем существовать сами по себе вечно, но должны обрести друзей в сей негостеприимной стране — и кому можно верить больше, нежели заклятым противникам наших собственных врагов?

Все согласились с этим, и я вскричал:

— Давайте же докажем сначала, что мы расположены дружески!

Мы встали из-за валунов, среди которых до сих пор лежали, словно цыплята в гнезде, и наши длинные луки зазвенели.

В тот момент, словно по некоему сигналу, ветер переменился и понес клубы дыма вниз, в сторону нападавших, и, произенные нашими стрелами, воины в рогатых шлемах посыпались с самой верхней лестницы, сбивая в падении остальные лестницы и увлекая в бездну своих товарищей.

Громкий крик удивления вырвался у защитников крепости, ослепленных сверканием наших доспехов и впервые узревших молниеносное истребление врага, творимое стрелами. Но долго пользоваться луками нам не пришлось. Тлапаллики в лагере мгновенно поменяли позицию и бросились на нас.

Трижды выпустили мы стрелы в их тесные ряды, но, бесстрашно переступая через тела убитых, они продолжали наступать. Дальше стрелять не представлялось возможным. Мы бросили вперед наши тяжелые копья. Метнув в ответ топорики, враги вытащили длинные ножи — и оба отряда сошлись вплотную.

К счастью для нас, все мы были в доспехах! И как же пригодилось нам мастерство, достигнутое в тяжелых тренировках!

Спина к спине мы, двадцать римлян, встретили четырнадцать десятков врагов, и даже Мерлин мужественно наносил мечом удары направо и налево. Единственной защитой тлапалликам служили мягкие медные нагрудники и многочисленные медные браслеты на руках, от плеча до кисти. Возможно, такие доспехи и обеспечивали защиту от дротика атлатла или каменного ножа, но наши клинки разрезали их, словно сыр.

На меня бросился офицер. Ударив нападающего мечом между шеей и плечом, я разрубил его офицерское ожерелье. Он упал. Новые и новые воины окружали меня. Пальцы мои были липки от крови. Я размахивал мечом из последних сил и не видел, как идут дела у товарищей.

Передо мной появлялись лица с разверстыми в крике ртами. И исчезали. Но вслед за ними появлялись новые искаженные от ярости лица — и надвигались на меня. Меч со свистом рассекал воздух, и я уже не понимал, бью я плашмя или лезвием.

Мышцы правой руки сводило судорогой, и все же я продолжал драться. Казалось, весь Тлапаллан устремился на нас.

Внезапно в глазах у меня потемнело. Я зажмурился. Кто-то сильным ударом сбил с меня шлем, по лбу что-то потекло, и в голове зазвенело от боли. Я смахнул влагу со лба. Рука окрасилась в красный цвет. Половина моего правого уха была отрублена.

Затем изуродованные гримасами лица вновь выплыли из темноты. И вновь я поднял оружие, как две капли воды похожий на тех воинов, которые некогда создали Рим и — если будет на то воля богов! — еще создадут здесь новую Империю.

Меч выскользнул из моих мокрых пальцев. Я услышал легионерский клич: «Друзья, Варрон! Друзья!»

В глазах у меня прояснилось, и я увидел тлапаликов, убегающих прочь быстрой оленей; они скакали и прыгали по камням, а люди скал встречали их топорами и дубинками. Я увидел, как женщины-воительницы добивали раненых, которые даже перед лицом смерти были слишком горды, чтобы молить о пощаде, и без страха смотрели в глаза врага, заносящего над ними нож. И я сказал себе: "Британия должна быть возрождена храбростью, подобной этой!"

И Мерлин выступил вперед в своих белых одеяниях, сплошь усеянных красными крестами — и от нашего имени предложил дружбу Старейшинам Ацтлана.

И они назвали старца Кецалькоатлем — Пернатым Змеем — за прекрасный головной убор, украшенный перьями, а также за его мудрость, благодаря которой он сумел вызвать перемену ветра, душившего до тех пор защитников крепости дымом. И наш отряд вступил в их воздушный замок, встречаемый с торжественностью и почтением, достойными богов.

Теперь нам пришлось овладевать новым языком. На сей раз он дался нам без особого труда, ибо люди скал страстно желали учить нас, дабы получше и поближе узнать своих новых друзей. Хотя слова нового наречия отличались от уже известных нам, грамматика его имела много общего с языком майя, каково обстоятельство значительно помогло нам. Кроме того, в результате проникновения в страну тлапалланской культуры в обиход многих племен вошли некоторые знакомые нам слова.

Вдобавок ко всему здешние женщины, имеющие в обществе равные с мужчинами права, взяли на себя заботу о римлянах, разместили в своих домах, и обращались с нами, как с королями. У них мы узнали больше, чем просто несколько слов.

Первым человеком, обучавшим меня наречию ацтеков, была весьма милая и привлекательная девушка, которая облегчила мою боль и кормила меня, пока я быстро оправлялся от ранения в сухом чистом воздухе этой страны.

Золотой Цветок Дня называли ее родители — или Аврора, как сказали бы мы, — и имя это и вполовину не передает очарования сей восхитительной девушки.

Очень скоро я выздоровел. К этому времени все мы значительно преуспели в изучении языка, что относили за счет своих способностей.

Мы жили в городе Ацтлан. Менее чем в пяти милях от него находился другой город, Акатлан. Но между ними простиравась ужасная местность: громоздились скалы, изрезанные глубокими ущельями — так что один город мало чем мог бы помочь другому в случае беды.

— Мы должны изменить подобное положение вещей, — сказал я однажды вечером своим товарищам.

— Зачем? — спросил Мерлин. — Ведь мы не собираемся задерживаться здесь долго, не так ли? Раз-

ве мы не двинемся дальше в поисках Страны Мертвых?

Я обернулся к остальным.

— Что мы будем делать дальше, друзья? Тратить время на бессмысленные поиски мифической страны — или создадим здесь единый народ?

— Останемся здесь! — хором воскликнули они.

— Мерлин, — обратился я к старцу. — Колдовством и хитростью ты создал единый народ на севере. Уничтожение Тлапаллана — единственная цель моей жизни. Пусть слышат меня боги! Я торжественно клянусь не знать ни покоя, ни отдыха до тех пор, пока не создадим в сих южных пустошах единую нацию, которая, действуя в согласии с твоим народом, раздавит Тлапаллан, словно орех между молотом и камнем. И вот вся магия, которая мне понадобится!

Я вскочил на ноги, выхватил свой меч и поцеловал клинок.

— Клянусь на мече! Кто поклянется вместе со мной?

— Я! Я! И я! — Все воины тесно столпились вокруг меня.

Мерлин улыбнулся — наполовину весело, наполовину печально.

— Полагаю, я должен подчиниться воле большинства. Что ж, наверно, это самое разумное решение.

Итак, поиски Страны Мертвых закончились с нашим прибытием к обитателям скал, хотя, как узнал Мерлин, среди этого народа тоже бытовали легенды о таинственной стране Миктлампа, «куда уходит спать солнце», и откуда (из Страны Семи Темных Пещер), согласно местным верованиям, вышли все люди «из недр земли наверх», на свежий воздух и солнечный свет, но куда после смерти должны вернуться души равно добрых и злых.

Почти у каждого племени и клана — по меньшей мере в этой части Алата — есть своя особая легенда. Но все предания сходятся в одном утверждении: люди вышли «из недр земли наверх». Мы тоже пришли к заключению, что где-то — возможно, в ближайших окрестностях — находится вход в некий подземный мир, лежащий глубоко под нашими ногами. Вероятно, древние были правы, размещая Аид в сердце Земли.

Но искать загадочную страну мы не стали и не намеревались делать этого в будущем.

Вместо того мы построили среди скал новый Рим — в миниатюре. И возвели сей город не из мрамора и золота, но из духа и мечты. Остальное придет со временем. Разве подлинный Рим не был когда-то простым скоплением хижин?

Оправившись после болезни и осмотревшись вокруг, я увидел следующее.

Общество из нескольких тысяч дикарей с едва заметными зачатками культуры и практически без религии. Люди скал поклонялись душам убитых животных и считали себя родственниками последних! Кроме того, их сельскохозяйственные орудия были малочисленны и примитивны, а оружие практически бесполезно по сравнению с нашим.

Рост этого народа остановил Тлапаллан. Он уничтожил его культуру, препятствовал развитию природных способностей людей и загнал их в горы, грозя полным истреблением. Но, подобно орленку в гнезде, чей пылающий взгляд свидетельствует о прирожденной гордости, смелое свободное поведение ацтеков свидетельствовало о несгибаемой отваге, которая смеялась над судьбой и над любой попыткой притеснения.

Ненависть Тлапаллана к свободным сообществам воспитала в сем маленьком народе решимость сра-

жаться за свободу до смерти. Эти люди нуждались лишь в достойных вождях — и тут появились мы!

Наблюдая за сим племенем во время болезни, я мечтал и строил разные планы. А овладев их языком и заручившись согласием Старейшин, я начал заниматься с молодыми людьми обоих городов: отбирал лучших, водил строем, муштровал, обучал владеть луком и мечом.

До нашего прибытия в Алата ничего не слышали о мече. Вместо него пользовались блинным ножом, коротким дротиком и тяжелой дубинкой. Впрочем, не оставляли без внимания и метательный дротик.

Но теперь появилось новое устрашающее оружие. Оно называлось «меч» — но что это был за меч! Деревянный он был, короткий и тяжелый, усеянный с двух сторон зубцами с острыми осколками вулканического стекла — безжалостное оружие! Я усмехался про себя, представляя чувства врага, впервые увидевшего вооруженных мечами людей, воодушевленных страстной мечтой об Империи и рвущихся сойтись вплотную на поле боя.

Каждому из своих товарищей я дал под командование отряд, и в один прекрасный день увидел новое войско, проходящее торжественным маршем перед ацтекскими женщинами, семьями и Старейшинами: десять центурий молодых воинов в полном снаряжении.

На следующий день жены и возлюбленные без слез, со stoическим спокойствием простились со своими мужчинами, и те отправились в долгий путь по диким землям, дабы покорять, объединять покоренных и в конце концов создать Империю.

Орленок проклонился из Яйца!

Одновременно в содействии с простыми людьми и назначенными мной священниками (еще не сведущими в жреческом искусстве) была создана новая

религия, достойная воинственного народа, сих Детей Судьбы.

Я дал им Цереру, Люцину, Вулкана, Флору, Венеру, Марса — всех богов старого воинственного Рима, которых мог вспомнить, и постарался умолчать о позднейшем упадке веры.

Мерлин проповедовал в народе любовь, милосердие, жертвоприношение из цветов и фруктов — то есть все те слабые стороны религии, которые и привели Рим к потери Британии.

Он ввел служение обедни со всей возможной точностью, используя смесь из муки и молока, как лучшую замену гостии. Но для такого народа, в какой превратились ацтеки, проповедуемые старцем мысли казались слишком мягким, и во время жертвоприношения в честь нашего благополучного возвращения из похода с пленными, новообращенными и трофеями, я увидел на алтарях муку, смешанную не с молоком, а с кровью. Впрочем, Мерлин смотрел куда-то в сторону и притворялся, что не замечает этого.

Мои воспоминания о древних верованиях народ принял за новое божественное откровение. Люди дали свои имена открытым мной богам, и скоро каждое из божеств обзавелось своими почитателями во главе со жрецами, которые появились так неожиданно, словно выросли из-под земли.

С тех пор, как мой маленький легион овладел новой техникой ведения войны, мир показался ему слишком тесен для того, чтобы терпеть в нем присутствие врага — независимо от того, насколько далеко он обитает. Выиграв бой на чужой территории, мои воины почувствовали себя непобедимыми. Они постоянно просили меня вести их против нового врага, и я, признаюсь, делал это с удовольствием. Война была моей профессией, сутью моей жизни.

Снова выступали мы в поход. И снова раз за разом возвращались с триумфом после присоедине-

ния к растущей империи новых сообществ, которые сотни лет существовали порознь, едва ли зная названия друг друга. С исчезновением старой неприязни маленькие племена утратили прежние названия и по-братьски объединились под знаменем ацтеков и под их управлением.

С восхода до позднего вечера не знали отдыха жрецы, они обращали в новую веру, проповедовали, рассыпали по дальним селениям миссионеров, которые описывали новых богов, привлекая на помощь все свое причудливое, яркое и богатое воображение. Мои скучные способности живописания божественных атрибутов были далеко превзойдены.

Я никогда не забуду удивления, испытанного, когда по возвращении из продолжительного похода в Страну Потухших Огней (то ужасная уродливая земля, загроможденная выветренной лавой) у границы нашей территории меня встретила процессия жрецов, несущих легко узнаваемую статую.

Это было мое изображение в натуральную величину, причем все снаряжение — панцирь, шлем и меч — было искусно и восхитительно выполнено из перьев. Оставшись один, я внутренне улыбнулся подобному робкому выражению почтения мне — седому, покрытому шрамами, облаченному в кожу и железо римскому центуриону. Суждено ли мне стать живым богом — мне, который дал жизнь столь многим воображаемым богам?

Золотой Цветок Дня (в ее семье я жил) на следующий день после завтрака принесла мне в виде подношения полную горсть перьев колибри, которые высоко ценились среди этого простого народа, ибо птицы сии встречались редко среди здешних каменистых равнин, лишенных цветущей растительности.

Тронутый подобным доказательством заботы и преданности, я посмотрел на девушку новыми глаза-

ми и — дабы сохранить сей подарок — засунул перышки под одну из металлических полос на панцире и несколько дней расхаживал по городу в таком виде. Часто я ловил взгляды, украдкой бросаемые на мое украшение, но не придавал этому никакого значения. Наконец Золотой Цветок Дня подошла ко мне и застенчиво попросила позволить ей пришить новыми ремнями некоторые пластины доспехов, частично оторванные во время последних сражений. Естественно, я не стал возражать.

Представь же мое удивление, когда девушка вернула мне мои старые, изрубленные в боях доспехи, на которых каждая мельчайшая пластина полностью скрывалась под пышным сверкающим покровом из перьев колибри, пришитых к мягкой подкладке из оленьей кожи. И покров сей имел узор в высшей степени причудливый и красивый.

Быстроногие гонцы посетили все подчиненные двум главным городам селения, дабы достать перья для этого подарка. То была награда мне за то, что сделал людей из сих замкнутых обитателей пещер — и то был дар, достойный Цезаря! Конечно, даже сам старый Пикус никогда не видел подобного одеяния! Я разгуливал по городу в великолепном наряде, исполненный гордости, но не столь великой, какая выразилась в преданном взоре Золотого Цветка Дня, когда я поблагодарил девушку и объяснил ей значение поцелуя — ведь идея принадлежала именно ей.

Затем однажды меня вызвал совет Старейшин, и в подземном храме, расположеннем под полом их пещерной обители, они с торжественной церемонностью дали мне новое имя «Нуцитон» или Колибри. Сначала это слово гораздо свободней слетало с их языков, нежели с моего собственного. Но позже я привык к своему ацтекскому имени и даже полюбил его, хотя никогда не забывал о том, что я римлянин.

Я плохо переносил бездействие. Честолюбивые мечты дразнили и мучили меня. Снова выступили мы в поход в жажде новых завоеваний, но перед уходом я накинул великолепную тунику на голову моей статуи (ее покров из перьев показался безвкусным в сравнении с моим нарядом) и пообещал жрецу-хранителю статуи, что территории начатых мной завоеваний будут расширяться до тех пор, пока мы не добудем достаточно перьев, чтобы покрыть ими всю статую с головы до ног.

Так началась долгая война за перья Колибри с южным сильным народом толтеков. Кампания сия длилась два долгих года на территориях, протяженностью в бесконечное количество миль и закончилась присоединением новых тысяч подданных к моему государству.

К концу этой войны я обладал большей властью, чем Мерлин. Ацтеки, пьяные от кровавого вина новых побед, забыли учение человека, которого первым провозгласили своим спасителем и наградили в благодарность прозвищем Кетцалькоатль. Без единого обращения к колдовству я стал единственным неоспоримым правителем ацтеков.

Жители нашего города, поглотившего множество мелких деревень, давно уже не умелись в своих наскальных домах, и многие селились внизу, на дне ущелий, где можно было найти и пригодные к пахоте земли, и пресную воду (ведь воды многих окрестных источников окрашены в странный цвет и смертельны для человека).

Наконец для бесконечного множества людей, имеющих себя ацтеками, наступил день торжества. В этот день я в возведенном специально по этому случаю храме поместил последнее перо на головную повязку своей статуи и убедился, что последняя теперь скрыта полностью под пышным покровом из перьев.

Собравшаяся толпа испустила такой вопль, что эхо его долго еще звучало среди величественных скал окрест.

Затем ко мне приблизился сам Мерлин — с добродушной улыбкой, но внушающий трепет в своих торжественных белых одеяниях и в ритуальном головном уборе из птицы Кетцаль.

Он возложил мне на голову свои сухие сморщеные руки, благословляя меня, и провозгласил:

— Вендиций Варрон! Солдат Рима, товарищ по плаванию, вождь, надежда расцветающей нации ацтеков! В соответствии с пожеланием избранных служителей религии перед лицом всех присутствующих здесь людей я даю тебе новое имя. Забудь имена Вендиций Варрон и Нуцитон и отныне будь известен всему народу как Уитцлипотчи — Бог Войны!

Он помолчал, криво усмехнулся и закончил:

— Привет тебе, живой бог!

Я же стоял в замешательстве, ибо всегда считал старца гораздо более достойным восхваления человеком и чувствовал себя предателем хуже Иуды, поскольку украл силу и власть провидца.

В знак приветствия Мерлин склонил передо мной седую голову. И толпа восторженно взревела.

ПОСЛАНЕЦ МЕРЛИНА

Я еще не успел вдохнуть в народ скал свою надежду бросить объединенные племена против моих Тлапаллан — давнего угнетателя сей обширной страны, как гласят устные предания местных жителей, не имеющих письменности и передающих воспоминания от поколения к поколению в виде рисунков на коже или тростниковой бумаге.

Но со временем нашего прибытия никто не совершал нападений на города Ацтлана, хотя порою наши воины встречались с отрядами тлапалликов на Спорных Территориях — сии скучные земли, лишенные воды и пищи, являлись лучшей преградой для силы Тлапалланы.

До последнего сражались здесь воины — и иногда оставшиеся в живых приносили нам весть о победе, а иногда подобная весть приходила в четыре города Майя. Но ни разу ни одна, ни другая сторона не получала известий о поражении.

Проигравший битву отряд становился пищей для волков и диких медведей, ибо выживших на той стороне не было.

Тлапаллан знал о нашей растущей силе. Спорные Территории кишили тлапалланскими шпионами, которые время от времени тайно пробирались и в земли ацтеков. Некоторые возвращались обратно с новостями о нашем повсеместном вооружении и об осваиваемом местными воинами новом виде оружия, то есть о луке. Так что управляй Тлапалланом человек прозорливый вместо распутного сына Кукулькана, унаследовавшего титул отца, все могло бы кончиться совсем иначе. Но слепая приверженность традиции не позволила правителю отказаться от атлатла — и когда настало время, мы, оставаясь за пределами досягаемости дротика, косили вражеских солдат, словно ряды теочентли.

Спустя три с половиной года военных действий на юго-западе исполнение клятвы, данной мной у грязного смердящего алтаря на Яйце, стало видеться мне вполне реальным.

Куда бы ни устремлял я взгляд с высоты плато, повсюду, насколько хватало глаз, вокруг простирались земли, которые смело можно было назвать моими. Покоренные мной земли! На юге к нашим территориям была присоединена лежащая у широкой мелкой реки страна толтеков, которые (я знал) по мановению моей руки готовы были идти куда угодно, даже в оскаленные пасти Цербера.

С каждым рассветом и с каждым закатом все отчетливей ощущал я приближение того дня, когда с крепостного вала Ацатлана прозвучит мой приказ — и ацтеки в ногу с толтеками двинутся в последний великий набег, в ходе которого решится навсегда, кто будет править на сем континенте: Ацатлан или Тлапаллан.

Все же я не был так счастлив, как можно было бы ожидать. Жизнь казалась мне несчастной, я томился тяжелыми раздумьями и не понимал, чего мне

не хватает для счастья. Великие цели вдруг потеряли свое очарование. Может, я отдал слишком много времени войне? Может, убийство настолько ожесточило мою душу, что все остальное потеряло для меня ценность?

Однажды вечером я стоял у крепостного вала, смотрел на восток, думая о несчастных милях земли и суши, отделяющих меня от Британии, и чувствовал себя бесконечно уставшим от жизни.

Закатные лучи заливали стену крепости и проникали в самые недра пещеры. Но по мере того, как опускалось за горизонт солнце, черная тень наползала на скалу, и в глубине пещеры сгущался мрак. В такой же мрак погрузилась и моя душа.

Какова цель моей борьбы? Могут ли мечты мои осуществиться хотя бы отчасти? В силах ли я удержаться хотя бы на малом участке сих обширных земель, объявить его навеки римской колонией и создать для разбитой Римской Империи тот приют, который описал мне Мерлин в великой своей мудрости? Приют, где Рим сможет прочно обосноваться и создать на обломках былого величья еще более великую Империю, которая не погибнет никогда!

Я осмеливался полагать себя творцом будущего: создателем широко раскинувшегося королевства, связанного воедино системой дорог по римскому образцу, наводненных по всей длине воинами, торговцами, жрецами, пилигримами и спешащими в разные стороны с донесениями быстроногими гонцами. И где-то в центре страны я видел себя самого: маленького Цезаря, который сможет стать достаточно великим для того, чтобы протянуть через моря руку помощи своей родине в час грозного бедствия.

И теперь, когда успех казался столь близок, страстные мечты погасли в душе. Чего не хватало мне, когда все вокруг было моим?

От мрачных раздумий меня оторвало чье-то робкое прикосновение. Я обернулся. Рядом со мной, поступив взор с подобающей девушке скромностью, стояла нежная Золотой Цветок Дня. Я улыбнулся ей и в тот же миг понял, отчего так пуста и сумрачна моя жизнь.

Я обнял девушку за плечи и прильнул к ее устам долгим нежным поцелуем — и, обнявшись под моим плащом, мы вошли в дом ее родителей! Так просто мы обручились, и в день праздника и ликования Золотой Цветок Дня стала моей женой!

Никогда еще не ступал по земле человек, более счастливый, чем я, и никто до сих пор не знал госпожи, более прекрасной. Ибо супруга моя была подлинной госпожой, ни в малой степени не уступающей даровитым и образованным римским матронам. Она по-настоящему помогала мне и поддерживала меня. Я уважал и глубоко почитал свою краснокожую дикарку с нежным сердцем — Золотой Цветок Дня!

Она вдохновила меня на все последующие достижения. Былая страсть обратилась в пепел в моей душе. Супруга моя привнесла новый огонь в мою жизнь. Она всегда верила в меня, и предать ее веру я не мог.

За завоеванием Толтеки последовал продолжительный период мира. Именно тогда я обнародовал свои планы покорения Тлапаллана, которые впоследствии неоднократно обсуждались и уточнялись на многочисленных советах. Затем были тренировки, тренировки и тренировки, которые продолжались до тех пор, пока самый последний легионер не научился исполнять свои обязанности не хуже любого ветерана. Теперь вместо центурий под командованием моих товарищей оказались целые когорты — крепкие,

сильные, вооруженные копьями, луками и мечами, прикрыты щитами из прочного дерева и почти неуязвимые для врага: тела воинов были защищены многослойными матерчатыми доспехами, представлявшими собой достойную замену металлу против дротиков атлатла.

В таком виде прошли когорты торжественным маршем передо мной и Мерлином в день радости и праздника — и старец, глядя на многочисленные стройные колонны облаченных в одинаковые доспехи суровых копьеносцев, каждый шаг которых сопровождался громким ударом обтянутого змеиной кожей барабана, сказал: «Твой орел Ацтлана хорошо заточил свой клюв». А затем добавил задумчиво: «Ты уже решил, как назовешь мальчика?»

Именно в этот момент мимо нас проходил знаменосец, несущий на шесте старого потрепанного Орла Шестого Победоносного Легиона. Устремив пристальный взгляд на сию реликвию, гордо плывущую над странным образом воскресшим легионом, я ответил:

— Ты сам дал ему имя. Гвальхмай буду звать его: Орел. И пусть он обладает душой орла.

Он и был уже орленком — ибо радостно гукал и улыбался на руках своей матери при виде воинского великолепия двух легионов, отправляющихся в долгий путь к Тлапаллану. Наконец-то мы выступили в поход под нашими знаменами, оставив позади стариков, инвалидов и женщин заботиться о детях, еще слишком маленьких для войны.

Все остальные следовали за бронзовым Орлом Шестого: семь тысяч ацтекских воинов и почти столько же толтекских.

Ранней весной мы преодолели травянистые пустоши, нарядные и прекрасные под покровом травы и цветов. Я вел вперед свой маленький народ — ибо хотя по сути мы являлись военным соединением, но

были нагружены тюками с продовольствием и, кроме того, вели с собой множество крупных собак (единственных наших выночных животных), тоже нагруженных узлами с вяленым мясом и прочей пищей.

В добавок ко всему большинство сильных и выносливых женщин не пожелало расстаться с мужьями в период борьбы за свободу, которая могла кончиться только полным поражением одной из враждующих сторон — и соответственно решило последовать за нами, дабы умереть или выжить, как распорядиться судьба. Так что наше войско походило скорей на толпу переселенцев, нежели на Армию. И Золотой Цветок Дня тоже шла с нами.

Путешествие это оказалось куда более трудным, чем наше странствие на запад, ибо теперь нам требовалось прокормить гораздо большее количество людей, а сезон сабирания диких быков в огромные стада еще не наступил. Отдельно же встречающиеся особи чаще всего издали чуяли сильный запах приближающегося человеческого стада и обращались в бегство задолго до того, как мы успевали подойти на расстояние выстрела.

Однако мы часто останавливались в пути, разбивали лагерь и ждали, пока отряды охотников уходили вперед в поисках дичи — таким образом нам удавалось поддерживать в себе жизненные силы. Помогали нам и одинокие бродяги, которые таились среди высокой травы в вечном страхе перед тлапаллийскими захватчиками. Убедившись в нашем дружелюбии, местные дикари присоединялись к нам и много помогали своим знанием окрестных охотничих угодий и безопасных мест для стоянки. Без их руководства нам едва ли удалось бы дойти незамеченными почти до самых границ Тлапаллана, не потеряв при этом ни одного человека.

На расстоянии недельного перехода от опасных

территорий в прекрасной местности, изобилующей небольшими озерами и болотами и обещающей, кроме богатой рыбалки по диким берегам, удачную охоту на лесную и водную дичь, мы возвели земляную крепость, обнесенную насыпным валом с изгородью из острых кольев и колючего кустарника сверху и окруженнную сухим рвом.

Во всех направлениях вокруг крепости мы нарыли волчьих ям, утыканных по дну острыми кольями и тщательно замаскированных сверху. И, оставив меня с моим народом в сем безопасном укрытии, Мерлин с боевым отрядом в составе двадцати отборных ацтеков, пяти римлян и одного проводника из местных жителей выступил в долгий путь вокруг границ Тлапалана с целью достичь Ходеносауни и выяснить, как у них идут дела после нашего долгого отсутствия.

Теперь я остался действительно единственным правителем, и первые мои приказы касались постройки баллист и помостов для них на каждом углу нашей четырехугольной крепости.

Конечно, построенные без применения металла, орудия сии были грубы. Все скобы мы замещали прочными жгутами из скрученных стеблей растений. Я не питал больших надежд на эффективную работу подобных механизмов, но рассчитывал ошеломить и испугать ими врага, ибо подобное оружие является новинкой в Алата. Я предполагал обратить противника в бегство прежде, чем баллисты разлетятся в щепки.

Мои инженеры успешно овладели своими обязанностями, и мы прочесали все окрестности в поисках подходящих камней для орудий. Вражеских лазутчиков при этом мы не встретили и в течение долгих трех месяцев находили свою жизнь крайне скучной. Ежедневно мы охотились и усиленно тренировались, ибо постоянно ожидали, что вот-вот будем обнару-

жены и окружены — посему и делали запасы продовольствия на многие месяцы осады и закаляли характеры для долгого совместного существования в четырех стенах крепости.

Однако, благодаря протяженным и почти непрходимым лесам, отделявшим нас от Тлапаллана, наше местонахождение оставалось необнаруженным. В большой мере это объясняется тем, что крепость наша находилась в значительном отдалении от всех главных путей сообщения Тлапаллана (то есть, крупных рек).

Пока мы собирались с силами, на севере происходили великие события. Мерлин с горсткой своих людей успешно проскользнул мимо передовых крепостей Тлапаллана, вновь пересек Внутреннее Море и вернулся в селения Ходеносауни, где его тепло приветствовали суровые, но достойные люди, никогда не забывающие друзей и не прощающие врагов.

Снова встретился старец с нашими римскими товарищами, превратившимися теперь в подлинных сынов леса, одетых в кожу и раскрашенных по местному обычая. Большинство из них уже было отцами маленьких ходеносауни, но оставалось в сердце своем по-прежнему римлянами.

Пока мы путешествовали, наши друзья не мешкали с приготовлениями к войне. Медные рудники по-прежнему оставались за лесным народом, и тлапаллики ни разу не пытались отвоевать двадцать крепостей, защищающих Дорогу Рудокопов. За время нашего отсутствия огромные запасы меди были добыты и надежно спрятаны в пределах досягаемости. Граница передвинулась дальше на юг!

Первое, что сделал Мерлин по прибытии, — это организовал строительство кузниц и плавильен, в которых после горьких разочарований и неудач была наконец получена светлая бронза, пусть и не того качества, к какому привык Шестой.

Как только люди Мерлина установили верное соотношение меди и олова в сплаве, они тотчас изгото-
вили формы со старых скоб с «Придвена», добыть которые стоило стольких трудов и стольких жизней, и отлили новые скобы в количестве, достаточном для того, чтобы оснастить огромную батарею баллист и тормент. А оставшееся олово пошло на наконечники тяжелых копий с остриями из бронзы и держателями из мягкой меди — при ударе таким копьем держатель наконечника гнулся и извлечь острие из щита не представлялось возможным.

Так исчезло сверкающее великолепие, делавшее «Придвен» королем среди других кораблей, — но дух «Придвена» вошел в красный металл Тлапаллана, дабы сделать его достаточно крепким для завоевания новой славы Рима.

Над укрепленным лагерем висел жаркий воздух раннего лета. Мы лежали, задыхаясь в тесноте хижин, и тщетно пытались уснуть. Через определенные промежутки времени проверяющие окликали часовых и получали в ответ привычное «Все в порядке».

И все же в темноте лунной ночи некое существо вползло по стенам крепости и, не замеченное часовыми, проникло в мою спальню. Я заметил какое-то движение в темном дверном проеме и услышал приближающийся ко мне стук когтей по твердой земле. Сначала я подумал, что это одна из лагерных собак, однако размерами невидимый гость значительно уступал любой собаке. Решив наконец, что это — обезумевшая от голода древесная кошка, я швырнул в темноту короткий дротик, который в те дни всегда находился у меня под рукой. Раздался дикий вопль, не похожий ни на один из земных звуков; что-то сильно ударило меня в грудь, и в дверном проеме

снова мелькнула тень, когда таинственное существо метнулось прочь, расправив широкие крылья.

Затем снаружи послышались крики, и один из часовых — высокий обитатель пустошей — с истошными воплями скатился с крепостного вала. «Пук-вуд-жи! Пук-вуд-жи!» — в великом ужасе воскликнул часовой и поведал затем, как содрогнулась его душа от взгляда круглых желтых глаз страшилища, пролетевшего над ним, когда он совершил обход своего участка.

Расспросив часового подробнее, я узнал, что, согласно верованиям этого народа, Пук-вуд-жи — это маленький лесной демон, расположенный к человеку иногда дружелюбно, но чаще всего враждебно. Он всегда ищет возможность украдь ребенка из колыбели. Украденное же дитя, вскормленное заколдованной пищей, уменьшается в размерах и превращается в обитателя лесов.

Со всей серьезностью дикарь убеждал меня в том, что подобные случаи нередки и что человек, увидевший этого зловещего эльфа в подлинном его обличье (ибо для успешного осуществления своих злых замыслов они часто принимают образ какого-нибудь обычного животного) непременно обречен на смерть. Часовой отказался описать мне сего демона из боязни, что слова его навлекут и на меня страшное проклятие, чреватое скорой смертью. Итак, я отоспал перепуганного дикаря спать, поставил на его место другого часового и вернулся в спальню, улыбаясь — ибо вспомнил о большеглазой сове, которую ранее дважды видел в критических ситуациях: один раз, когда в опасный для себя момент лежал на крыше дома в Городе Змей, и другой — когда после моего спасения мы отступали в лес от того кровавого места.

И я заподозрил, что сей ночной гость принес мне какие-то новости от Мерлина или явился уведомить

о приближении старца. Войдя в хижину, я убедился в правильности первого предложения. У слабого огонька лучины сидела Золотой Цветок Дня в полотняной ночной рубашке и недоуменно рассматривала написанное незнакомыми латинскими буквами послание, извлеченное из бронзового цилиндра, который таинственное создание, улетая, бросило на мою постель.

Я поспешил развернуть свиток и тут же забыл о часовом и его страхах (что было несправедливо, ибо в тот момент он лежал, бездыханный, с собственным ножом в сердце, хотя обнаружилось это только на рассвете).

Послание гласило:

Варрону, Легату Ацтлана, от Мерлина Амброзия, Императора — Привет!

Люди Длинного Дома ждут новой луны, чтобы выступить в поход на Город Змеи. Гонцы разнесли по всем племенам Чичамеки приказ двинуться на пограничные крепости Тлапаллана единым фронтом от Внутреннего Моря до Слюдяных Рудников. Вожди дали согласие выступить в назначенный день. Действую по установленному плану. Займи крепость в месте слияния рек, оставь там свой гарнизон и продвигайся вперед, нам навстречу. Бросим на врага все наши силы. С нами Бог! Отомстим же за Марка.

Прощай.

ОРЕЛ И ЗМЕЯ

Получив послание от Мерлина, все мы воспряли духом, ибо до сих пор не знали, живы наши друзья или нет. В последнем случае все наши планы рушились, и нам следовало спешно возвращаться назад, в Ацтлан. Действительно, с течением времени люди все чаще выражали недовольство бездействием, и первый порыв воодушевления давно прошел. Обитатели Алаты весьма нетерпеливы — они могут выиграть сражение, но выиграть войну им трудно. Они не умеют ждать и хотят решить все с налету — потому-то дисциплинированным майя и удавалось так долго держать их страну в подчинении.

Когда бы не постоянные тренировки на плацу и не железная дисциплина (вызывающая протест в душах дикарей, но признанная необходимой даже самыми упрямыми) численность моего войска, полагаю, сократилась бы вдвое вследствие дезертирства.

Так или иначе, главная заслуга по сохранению порядка в лагере принадлежала женщинам. Неколебимая их вера в мои замыслы имела огромное зна-

чение — ибо, наблюдая за постоянными занятиями по строевой подготовке и упражнениями с оружием, они убеждали себя, что столь изнурительные тренировки не могут оказаться напрасными. И под оценивающими взглядами своих жен воины состязались друг с другом за право прослыть лучшим.

Кроме того, я создал в лагере рыцарский орден — с системой наград разной степени, цветными плащами, знаками различия, указывающими на ранг члена сообщества и весьма торжественным ритуалом, совершаемым при принятии в орден избранных. Я посвятил в рыцари нескольких «Героев», которых в обиходе стали называть просто «храбрецами» (хотя впоследствии идея эта распространилась далеко за пределами моего народа, и ныне по всей Чичамеке дикиари украшают себя перьями с целью указать свои боевые заслуги, и всякий мужчина, достигший зрелости и стоящий на иерархической лестнице ниже вождя называется «храбрецом»).

С помощью всех этих мер мне удалось сохранить порядок в лагере до той поры, пока мы не узнали, что ходеносауны ожидают только дня, чтобы хлынуть через границы Тлапаллана с топором и огнем. Чичамека бурлила от волнения, и, когда бы все голоса, звучавшие в сумеречных ее лесах слились в один, — то был бы вопль ненависти, от которого кровь до последней капли заледенела бы в жилах майя.

Мы дождались назначенного дня, а затем, оставив в крепости охрану из пяти центурий, команду инженеров и всех женщин, покинули наш лесной дом и вновь двинулись лесом — к месту слияния двух крупнейших речных дорог Тлапаллана.

Там находилась большая крепость, укрепленная хорошо, но не настолько, чтобы устоять против нас. Защитники ее не были знакомы с нашим способом ведения боевых действий, а дикие племена окрестных

лесов не обладали упорством, необходимым для сопротивления постоянным атакам, и посему постоянно отступали.

Мы окружили крепость, и два дня и две ночи осыпали ее стрелами, в том числе и горящими. Кроме того, мы отрезали осажденным путь к воде: земляные валы, связывающие крепость с рекой, все время находились под частым дождем стрел. На третье утро крепость сдалась.

Ни одного строения не уцелело в ней. Сгорело все, что могло сгореть, и все оставшиеся в живых защитники были изранены.

Должно быть, пленники приготовились к истязаниям и мучительной смерти, но ни один из них не дрогнул, проходя сквозь наши ряды и бросая в кучу оружие.

Накормив пленных, мы посадили их, несвязанных, в обтянутые кожей челны, дабы они разнесли по всей стране весть о нашем появлении в Тлапаллане. По нашим расчетам местные жители должны были искать укрытия в крепостях, захватить которые для нас, безусловно, не составляло большого труда. Тех же, кому не найдется места в переполненных крепостях, я рассматривал как часть населения, которая по необходимости признает нашу власть и наверняка поспешит присоединиться к нам.

Затем мы не спеша занялись восстановительными работами и отослали назад в лагерь отряд, призванный помочь гарнизону и нашим женам сняться с места и переправить их сюда вместе с орудиями, дабы укрепить новую крепость вдвое против прежнего. По возвращении отряда с женщинами и механизмами я увеличил численность гарнизона на пять центурий и незамедлительно выступил со своим войском по меньшей из рек в направлении Четырех Городов.

Пока мы вели боевые действия в этой части страны, восточные, северные и южные границы Тлапаллана трещали под напором полчищ чичамеков: они осадили все без исключения крепости, составляющие внешнюю цепь укреплений Тлапаллана, лишив тем самым гарнизоны свободы перемещения, и многотысячные объединенные племена тем временем хлынули в глубину страны между осажденными крепостями.

Ни одно из осажденных подразделений не могло выйти навстречу противнику и воспрепятствовать его продвижению вперед — и безответным оставался бой барабанов, и напрасно поднимались столбы дыма на пиках скал.

Алата превратилась в полную воплей кровавую арену, а Тлапаллан стал землей, еще более красной, нежели мог предугадать человек, давший сей стране имя!

Мы, ацтеки и толтеки, продвинулись вперед дальше остальных и день ото дня подступали все ближе к Четырем Городам, сердцу Тлапаллана. Наше войско накатывалось на небольшие деревни и селения и разрасталось за счет местных жителей. Рыдающие женщины, искалеченные непосильным трудом на полях угрюмые мужчины, вооруженные всем, чем только можно перерезать глотку или раскроить череп врагу, присоединялись к нам, дабы сразиться за свободу, — и столь велико было число этих отчаявшихся, что я сформировал из них отдельные центурии со своими командирами и использовал их как войска первого удара, ибо люди сии дрались так, словно не хотели больше жить.

Мы вошли в полосу лесов, отделяющих относительно дикие территории от возделанных земель. Ночью небо окрасилось в красный цвет от множества бивачных костров, а днем мы продолжили путь — почти беспрепятственно.

Время от времени валился наземь воин, пронзенный дротиком атлатла, пущенным с какого-нибудь высокого дерева. Иногда с высоты падал булыжник, повергая наземь людей. Но ни одной битвы, ни одной стычки не произошло в пути. Я уже начал подозревать, что мы спешим в какую-то западню.

Однажды спущенные с горы камни вызвали обвал целого склона, в результате которого погибли многие воины, ибо обвал сей походил на залп целой батареи баллист. Наши разведчики настигли противников и убили их. Мне пришлось перестроить ряды. Мы продолжали идти, проникая все глубже и глубже на территорию врага.

Затем из близлежащего сумеречного сосняка вернулся изувеченный умирающий разведчик — последний из своего отряда — с известием о том, что в сем бору лежит в засаде целое войско преданных правительству тлапалликов, а дальше за ними стоит лагерем отборное войско майя, готовое уничтожить те нации части, которые сумеют прорвать первую линию обороны.

Мы сделали привал и обсудили создавшееся положение. Я созвал совет из моих трибунов (до моего прибытия в Ацтлан они являлись самостоятельными вождями племен) и допустил на него нескольких центурионов от наиболее надежных подразделений из недавнего нашего пополнения. Много предложений было выдвинуто и обсуждено на совете, но наконец один из бывших рабов подал мысль, оказавшуюся спасительной для нас. Этому центуриону я дал право приказывать и действовать.

Сей изуродованный побоями и покрытый шрамами от кнута воин по имени Га-но-гоа-да-ви — или Человек Поджигающий Волосы — принадлежал к Клану Медведя. Представитель Народа Великих Холмов, являющийся рабом в первом поколении и имеющий

за плечами десять лет беспрерывного труда и глубокой скорби о своем народе, он с величайшим удивлением узнал о доблестных подвигах своих сородичей на севере. Никогда еще не было на свете человека с именем, столь отвечающим его характеру.

По его приказу семь подчиненных ему центурий вошли в чащу. Воины прятались за каждым кустом и камнем и заполнили лес, как вода заполняет все свободное пространство в чашке, полной гальки. Они дрались, убивали и принимали смерть. Немногие вернулись назад. За спинами же этих немногих лес полыхал огромным — до самого поднебесья — костром. А воины выстроились перед нами и размахивали длинными ремнями со связками кровавых скальпов, и грозно потрясали отборным оружием майя, обернувшись в сторону огненной стены, которая отделяла нас от врага.

Затем мы стремительно обошли распространяющийся пожар, нашли легко обороняемую позицию и укрепились на ней еще до появления майя, рассчитывающих добить обессиленного врага. Но, не зная с какой стороны наиболее вероятно ожидать нашего появления из горящего леса, майя разделили свои силы — и тем самым подписали себе смертный приговор.

К тому времени, когда первая дивизия врага — значительно превосходящая по численности две мои когорты, хоть и являющаяся всего лишь половиной всей армии — собралась атаковать нас, мы уже возвели земляные укрепления, вырыли перед ними глубокий ров и были почти готовы к нападению.

Близилась ночь. Майя разбили лагерь за пределами досягаемости дротика атлатла и чувствовали себя в безопасности. Но едва они успели устроиться как следует, наши стрелы поселяли в стане врагов смерть. А после нескольких удачных выстрелов заго-

релась сухая трава рядом со складом продовольствия, в результате чего противник понес значительный ущерб.

Хотя на следующий день лагерь майя уже находился от нас на расстоянии, превышающем дальность полета стрелы, страх голода заставил их командира принять решение атаковать нас немедленно, не дожидаясь подкрепления.

С первым проблеском зари майя бросились на наши укрепления.

Еще не успев приблизиться к нам на расстояние выстrela атлатла, враги начали валиться наземь десятками, а затем целыми сотнями.

Весь луг был усеян трупами. Достигнув небольшой топи, майя навели через нее мостки из собственных мертвых тел и запрудили дававший нам воду ручей так, что тот в конце концов изменил русло и хлынул красным бешеным потоком через луг, словно живое разъяренное существо, увлекая за собой раненых. Майя подошли к нашим укреплениям почти вплотную, затем дрогнули, замешкались и бросились наутек. Безжалостные стрелы градом сыпались на голову и спины бегущих людей, повергая врага в панику и сея в рядах его смерть.

На безопасном расстоянии майя перестроились и вновь пошли в наступление. Боги! Что это были за люди!

На сей раз они захватили земляной вал, но настиск их был слаб. Топор, нож и копье не могли противостоять моим бесподобным бойцам, вооруженным мечами. Не успев приблизиться к противнику, майя погибали, пораженные новым оружием, которым не поспешил обеспечить своих людей нерасторопный Кукулькан. Правитель Тлапаллана был человеком непрозорливым, развратным и во многом зависящим от женщин — потому-то и погибла его страна!

Теперь преданные им солдаты Тлапаллана встретились с еще одним оружием: безжалостным, сокрушительным маккаутлем — мечом с зубцами из вулканического стекла, который с одного удара вырывал из тела куски мяса. Подобное оружие майя и не снилось. Швырнув в наши ряды копья, противники пошли на нас, чтобы завершить бой топорами и ножами, но были отброшены назад, изувечены, изрублены, изуродованы. А когда земляной вал опустел, ужасные луки вновь запели песню смерти за спинами отступающих.

Так Орел Ацтлана глубоко вонзил свой клюв в Змею Тлапаллана!

То был кровавый день. Нам очень хотелось отдохнуть как следует, но мы знали, что леса кишат вражескими солдатами, и где-то далеко по нашему следу идет еще не испытанный в бою и не пуганной армия майя и тлапалликов.

Мы собрали на лугу стрелы и прочее оружие; поели, попили и немного передохнули в лагере — но наши часовые были начеку.

Кончился день, и под покровом ночи, спрятанные деревьями от вражеских лазутчиков, мы рыли волчьи ямы на ожидаемого врага до тех пор, пока не начало светлеть небо. И мы успели вовремя, ибо на третьем часу после рассвета майя появились у наших позиций.

Они не могли позволить себе передохнуть после длительного перехода. Выходя из лесу, многие воины шатались от слабости.

Однако при виде окопавшегося противника они словно обрели второе дыхание и молча, без единого боевого клича или воодушевляющего возгласа, бросились на нас по телам своих товарищей.

Все ближе и ближе подступали они — но ни единой стрелы не полетело в их сторону.

— Не спешить! — передал я по цепи бойцов. — Не спешить. Пусть они подойдут к волчьим ямам.

Вот уже совсем близко к валу подкатилась лавина воинов с поднятыми копьями. Угрюмые лица противников выражали суровую решимость, и мы знали: они хотят покончить с нами одним ударом, без всякой жалости.

Для них мы являлись воплощением всего злого, дикого и низкого. Нас нужно было уничтожить, втоптать в землю!

Смотри, как ступают они! Тела их блестят от пота и масла. Длинные конические головы гордо откинуты назад. Стучат и гремят, зацепляясь друг за друга олены рога на шлемах. Сверкает в лучах утреннего солнца слюда и полированная медь. Под поступью солдат гудит земля.

Они идут! Не знавшие поражения полчища Тлапаллана — наводящее ужас дисциплинированное войско, покорившее слабые разрозненные племена Алата и укравшее лучшие земли континента! Они идут, и Ацтлан — презираемый ими, но тоже не знавший поражений — ждет их, и оперение положенной на лук стрелы щекочет его ухо!

Человек Поджигающий Волосы испустил клич, которым начинается пляска скальпов:

Ха-ва-са-сэй!

Ха!

Ха-ва-са-сэй!

Кто-то дернулся.

Вот майя уже достигли места, где мертвые тела их товарищей лежали кучами. Молодой офицер выбежал вперед из строя (обшитые медью олены рога указывали на его высокое звание), высоко подпрыгнул, потрясая копьем, и испустил вой, подобный волчьему, и затем махнул рукой, подбадривая солдат, и издал боевой клич: «Я-ха-и-хи!»

Снова подпрыгнув, он швырнулся в нашу сторону копье (пустая угроза, ведь вражеское войско находилось еще слишком далеко от нас), и тут земля разверзлась под ногами воина и целиком поглотила его. Предсмертный вопль несчастного, насквозь пронзенного острыми кольями, смешался с удивленным криком майя.

Затем в волчьи ямы попадала вся первая шеренга солдат, теснимая сзади. Гул мерной поступи обутых в сандалии ног смолк — и в растерянно замерших противников устремились наши язвящие стрелы.

Надо отдать должное храбрости этих людей!

Под частым дождем стрел они восстановили боевой строй, продолжили наступление и заполнили своими телами второй ряд ям доверху. Но, ступая по мертвым телам товарищев, майя продолжали идти вперед. Над земляным валом звенели и свистели дротики атлатла. Воины вышли к третьей полосе капканов, замешкались на миг, вновь потеряли множество товарищев — но не остановились и на сей раз.

Только у четвертого ряда ям майя не выдержали. Когда до вала было уже рукой подать, они дрогнули и обратились в бегство. А наши стрелы валили их наземь подобно тому, как град прибывает к земле пшеницу. Командиры били солдат и умоляли продолжать наступление, но, будучи существами из плоти и крови, а не из железа, те бежали не останавливаясь, а оставшиеся за ними офицеры один за другим — равно старшие и младшие — бросались на собственные копья и отправлялись к своим богам, сохранив честь, не запятнанную поражением.

Больше сдерживать своих свирепых солдат я не мог. С иступленными воплями «Ал-а-лала! Ал-а-лала!» они хлынули через земляной вал, проскочили между волчьими ямами и бросились в погоню за майя — со мной во главе.

Когда мы приблизились к лесу, остатки могучей армии Тлапаллана сплоченными рядами яростно бросились на нас — словно раненый, ослепленный кровью медведь, который крушит все вокруг в надежде перед смертью убить врага.

Стыд сжигал майя — и они собирались оставить по себе долгую память.

Тут-то и пригодилась нам наша железная выучка. Властный зов моей трубы перекрыл крики солдат; трибуны и центурионы ответили мне пронзительными трелями военных свистков — и мгновенно беспорядочно наступающая толпа превратилась в организованную Армию с шеренгами, построенными таким образом, что даже перед солдатами, находящимися сзади, оставалось пространство для выстрела. Оказавшееся перед майя войско диагонального построения выпустило по противнику залп такой сокрушительной силы, что первые ряды попятались назад, опрокидывая задние.

— Держите строй! — прокричал я, ожидая, что майя придут в себя и снова бросятся на нас. Но они дрогнули и кинулись бежать врассыпную — теперь уже в последний раз.

Солдаты за моей спиной взревели, и из строя вперед вырвался Поджигающий Волосы — похожий на демона со своим искаженным ненавистью, ярко раскрашенным лицом. За ним в лес бросились центурионы из рабов, уже не сохраняя строя и не слушаясь никаких приказов. Они гнались, каждый человек сам по себе, за объятым дикой паникой стадом рогатых людей — подобные стае голодных волков, преследующих убегающего оленя.

Немногие вернулись назад. В лесу они сражались и умирали, почитая смерть вещью незначительной в сравнении с возможностью отомстить за зло столь великое. Некоторые появились из леса, когда мы со-

бирали на лугу тела наших мертвых и укладывали их в кучу для общего погребения, снаряжая каждого покойника оружием и бутылкой с водой, необходимой для путешествия в Миктлампу, Страну Мертвых. Другие присоединились к нам, когда жрецы выписывали мертвым пропускные грамоты для беспрепятственного прохождения мимо страшных обрывов и опасных чудовищ. Были убиты все лагерные собаки, призванные идти впереди своих хозяев по дороге в подземный мир и помочь им переправиться через последнюю преграду — широкую реку.

Как потрясен был бы Мерлин, увидь он все это!

Я и сам впал в немалое смятение при виде жестокого обращения с нашими многочисленными пленниками. Многие из них были освежеваны во славу богов, другие — убиты в нечестном бою: их привязывали за одну ногу к камню и, снабдив каким-то игрушечным оружием, натравливали на четырех полностью вооруженных воинов. А огромную корзину, называемую «Чаша Орлов», до краев наполняли сердца тех, кого привязывали к столбам на эшафотах и бесконечное число раз пронзали стрелами, дабы кровь жертв стекала на землю как возлияние богам. И одним из богов был я!

Я был рад, что Мерлин не присутствует при этом!

Наконец ужасные ритуалы закончились. Правда, к наступлению ночи мы еще не успели возвести над телами наших товарищей круглый гладкий курган из хорошо утрамбованной земли.

Мы испекли хлебцы тамалли из муки, но многие (я знал, но ничего не мог поделать) ели на ужин красное мясо, хотя охотой на зверя мы не занимались уже очень давно.

Ночью у дверей моей хижины раздался шепот: «Текутли!» (Господин). Я не ответил, а утром обнаружил у порога бессильно распростертого на земле

Человека, Поджигающего Волосы — последнего воина, возвратившегося из погони за майя.

Теперь он не был командиром тысяч бойцов, а всего лишь простым центурионом — ибо в живых осталось не более сотни рабов, готовых следовать за ним. Но когда мы тронулись прочь от этой поляны смерти и мести, он держался с гордостью, подобающей Цезарю во время триумфа. По нему было видно, что никогда больше не станет он рабом. Человек сей кровью выкупил право зваться мужчиной.

НОВЫЙ КУКУЛЬКАН

И так, враг наш был разбит, но духом еще не сломлен. И, убегая через лес поодиночке или небольшими группами, майя злобно огрязались и бросались на настигающих их преследователей, словно загнанные в угол древесные кошки.

Мы пересекли плодородную долину и углубились в простирающиеся между реками нехоженные дикие леса, где постоянно подвергались неожиданным нападениям. Ни разу не удалось пересечь нам поток беспрепятственно, ни разу не вышли мы на лесную поляну, не заслышав свист дротиков, нацеленных на идущих впереди разведчиков.

Враги чрезвычайно досаждали нам, и, достигнув наконец открытых заселенных пространств, мы сочли было себя в полной безопасности. Но к великому нашему разочарованию, обнаружилось, что отступающие отряды майя опустошили поля злаков и овощей, выжгли все, что могло пригодиться нам в походе.

Порою какой-нибудь раб, рыщущий среди дымящихся руин в поисках обгорелого куска хлеба, присоединялся к нашему войску в надежде найти лучшее пропитание, но мы сами находились в отчаянном

положении. Нередко выпадали такие дни, когда никто из нас не ел, и самые слабые ложились у обочины дороги, дабы отдохнуть и если будет на то воля богов — или следовать за отрядом или умереть и не обременять нас больше своим присутствием. Теперь мы могли только радоваться тому, что наши женщины остались в безопасности в хорошо укрепленной крепости у места слияния двух рек.

Мы шли все дальше и дальше с единственным желанием: пересечь страну, соединиться с чичамеками и ходеносауни — отдохнуть как следует и утолить, наконец, голод. На новичков мы смотрели как на воров, крадущих пищу у нас из-под носа. Однако, когда бы не один из этих нежеланных новобранцев, поход наш мог бы окончиться весьма плачевно.

Упомянутый же человек отвел нас к подземному зимнему складу продовольствия, полному глиняных кувшинов, выдолбленных древесных стволов и плетенных из коры корзин, наполненных зернами теочентли. Майя почему-то забыли уничтожить этот склад. Охваченные радостью, мы перемололи зерно и напекли из муки хлебцев тамалли — и они показались нам самой вкусной пищей, какую когда-либо приходилось пробовать человеку. Некоторые воины перетирали зерна между камнями и мешали сырую муку с водой (так же приготавливали мы пшеницу, когда шли с Шестым по полям Британии) и пили сию смесь в целях облегчить боль в усохших внутренностях и подготовить их к принятию более основательной пищи.

Найденного зерна хватило на обе когорты. Более того, нам удалось питаться им еще два дня — хоть и крайне маленькими порциями.

От этого новоприбывшего человека мы узнали, что преследуемые нами враги истребляли на своем пути всех рабов, слишком старых или слишком молодых для войны. Эти сыны Тлапаллана с обагренными

кровью руками убивали даже женщин и грудных детей, щадя лишь тех, кто клялся сохранить верность Империи. Таким образом неуклонно разрастающееся войско майя двигалось впереди нас к Четырем Городам — но в каком именно городе оно хотело занять оборону, мы не могли угадать.

Нам оставалось лишь идти по следу войска, оставленному в виде широкой полосы опустошения, — что мы и делали в надежде настичь и уничтожить врага. Но догнать майя нам так и не удалось, хотя часто видели мы впереди занимающиеся яростным огнем строения и натыкались на зарезанных рабов — еще теплых, но уже отошедших в Страну Мертвых.

Казалось, майя сознают безвыходность своего положения, хотя, конечно, они могли судить о своем положении лучше нас. От беженцев мы узнали, что большинство передовых крепостей пало перед натиском ревущей ярости чичамеков. На востоке же земли были наводнены не имеющими единого командования военными отрядами, которые жгли, убивали и грабили безостановочно — так что смерть грозила всем тлапалликам, кроме укрывшихся в крупных городах и хорошо укрепленных селениях.

Помимо этого по стране ходили слухи о том, что на севере пал священный Город Змеи, и никогда больше Пожирательнице не суждено глотать злополучных рабов. Однако в последних новостях я усомнился, ибо не верил, что ходеносауны удалось собрать достаточно сил для взятия сей твердыни, дающей укрытие всем жителям окрестных селений.

Мы не знали, что Мерлин действительно взял Город Змеи, истребил все его население, пощадив только женщин, детей и тлапалликов, которые побросали оружие и взмолились о пощаде. Люди Длинного Дома умертвили Х'менов, стерли с лица земли павильон и алтарь на печально известном Яйце и

возвели по приказу Мерлина на этом месте двадцатифутовый крест, после чего покинули город и теперь спешили навстречу нам.

Еще не успев узнать все это, мы подошли к самому южному из Четырех Городов, к обнесенному мощной стеной Тлакопану, и разбили под стенами его лагерь, дабы иметь возможность основательно приготовиться к осаде. Это произошло как раз вовремя, ибо люди мои уже начинали роптать, недовольные долгим переходом, пустыми желудками и отсутствием возможности встретиться в открытом бою с врагом, на котором можно выместить всю злобу, накопившуюся со времени первого лесного сражения.

Честно говоря, мне кажется, что, когда бы не моя репутация живого бога, люди не пошли бы за мной так далеко — ибо, в конце концов они были всего лишь варварами, которых своей властью я принудил к действиям, совершенно отличным от всего их предыдущего опыта. Опасно исполнять роль повивальной бабки при рождении новой нации.

Тем из нас, кто полагал, что взять Тлакопан будет просто, после первого же штурма всех четырех крепостных стен пришлось расстаться с этой мыслью.

Тогда мы оценили огромную разницу в ведении осадных боев, целиком обусловленную тем, находятся ли в укреплении ацтеки или тлапаллики.

Осажденные подпустили нас близко к стенам (точно так же недавно мы подпускали к валу наш их противников), а затем над крепостной стеной по всей ее длине появились головы тлапалликов, и в воздухе засвистели и зажужжали пущенные из пращи камни! Очень точны были их попадания — и смертоносны.

С моей стороны полегла большая часть первой шеренги, и смертность была высока везде, но наступающее войско все же подкатилось к самым стенам

крепости и оказалось под язвящим градом дротиков. Мы попытались поджечь бревна частокола, но безуспешно: промокшее после недавнего трехдневного дождя дерево не занималось. Тогда нам, лишенным какого бы то ни было укрытия, пришлось отступить и предоставить Природе сражаться вместо нас.

Как в большинстве окрестных селений, воду в Тлакопан доставляли по коридору, ограниченному с двух сторон укрепленными земляными валами, который вел от крепостной стены к ближайшей реке. Валы обеспечивали прекрасную защиту от дротиков атлатла, но мало помогали против падающих с неба стрел наших лучников. Беспрерывно осыпая путь к реке дождем стрел и держа под охраной подступы к воде, мы сделали жизнь защитников крепости настолько невыносимой, что наконец нам удалось отогнать от ворот охрану, и захватить земляные валы, полностью отрезав город от источника пресной воды.

Шли дни. Мы знали, что осажденные страдают от жажды, если не от голода. Мы голодали тоже, ибо поблизости нигде не было мест для охоты и рыбалки, и нам приходилось жить впроголодь на одном зерне, которое доставляли разведчики из уцелевших окрестных деревень.

Затем в один прекрасный день, когда падение Тлакопана казалось уже скорым и неминуемым, насмерть перепуганный разведчик принес нам известие об огромной армии, идущей на подмогу осажденным. Я знал, что к прибытию вражеского подкрепления мы любой ценой должны были оказаться под защитой стен города — и посему передал командование трибунам, приказал сколотить множество легких лестниц для штурма крепостных валов и приготовиться к встрече с нами, когда мы будем медленно отступать к городу под натиском врага. С девятью центуриями ацтеков, пятью центуриями толтеков и боль-

шинством освобожденных тлапалликов, служивших у нас лесными гонцами, я отправился навстречу врагу с целью завязать с ним бой, увлечь в ближайшее ущелье, где под каменным обвалом он временно окажется в нашем распоряжении.

Мы двинулись прочь от города, который в тот момент подвергался яростнейшей атаке, и вскоре уже лежали высоко в скалах за грудами собранных булыжников в ожидании боя. Мы понимали, что после первого же сильного удара нам придется отступать, и молили небеса о том, чтобы к нашему возвращению безопасное убежище уже ожидало нас.

Вот мелькнули между кустами обнаженные тела союзников, бесшумно спускающихся на дно ущелья. А потом с высоты мы увидели авангард приближающегося врага.

Но что это? Где рогатые шлемы тлапалликов? Где отвратительные скошенные, плоские лбы майя? Вместо этого я увидел колеблющиеся перья ходеносауны, подвластного Мерлину народа! То были друзья, а не враги!

— Не стрелять! — вскричал я и, очертя голову, бросился вниз навстречу друзьям. Через считанные секунды я уже обнимал своих старых товарищей — Валерия, Антония, Интинко-каледонца, Луция — и торжественно пожимал руку Мерлину. Чья-то тяжелая ладонь опустилась на мое плечо.

— Атохаро, брат мой! — сказал Хайонвата.

В восторге обнял я друга и прижал к панцирю так, что ребра его затрещали, и на суровом лице воина мелькнула улыбка. О, он умел улыбаться, мой доблестный брат по крови! Но об этом не знал никто, кроме его друзей и близких родственников.

Я приказал своим людям срочно спуститься со скал, и оба войска, смешавшись, поспешили назад, дабы содействовать захвату города. Но по прибытии мы обнаружили, что Тлакопан уже сдался моим три-

бунам, которые после поражения врага мгновенно забыли о своих обязанностях. Они позволили тлапалликам оставить оружие при себе и предложили им самолично свести счеты с бывшими хозяевами.

К нашему приходу расплата уже свершилась, но я имел удовольствие разжаловать трибунов в рядовые и поставил на их места шестерых своих Героев. Одним из трибунов я хотел назначить Человека Поджигающего Волосы, дав ему командование над новым пополнением из тлапалликов, но тот исчез в неизвестном направлении, и тело его не обнаружили ни среди убитых в городе, ни за его пределами.

Не объявился он и на следующее утро. Мне пришлось смириться с мыслью, что доблестный воин остался лежать мертвым где-то в лесу, так как прервать поход из-за одного человека я не мог. Итак, мы разрушили оборонительные сооружения Тлакопана, сожгли дома и отправились в путь на следующий день.

Наша Армия состояла из представителей трех народов и насчитывала двадцать тысяч копьеносцев, включая не вполне заслуживающих доверия тлапалликов, которых мы знали еще слишком мало, чтобы рассчитывать на их благонадежность в случае голода.

Мы шли к Кольхуакану, Городу Вьющегося Кургана, где почитали Мишкоатля, Змею Ураганов — второму по святости и по богатству жертвоприношений после отвратительного города Змеи. Туда бежал король-жрец перед самым падением столицы. А всего в десяти милях от Кольхуакана находилась величайшая цитадель Тлапаллана — Майяпан, чьи земляные валы превосходили длиной и толщиной Стену Адриана.

Взять Кольхуакан мы сможем, но удастся ли нам войти в Майяпан в ином качестве, нежели плени-

ками? Однако мы продолжали идти вперед. Время покажет.

Снова пришлось нам в пути преодолевать сопротивление врагов, снова чинили они нам препятствия.

Близилась зима. Мы спешили, ибо знали, что с выпадением снега поход наш бесславно окончится. А я и Мерлин прекрасно понимали: если мы потерпим неудачу сейчас, то в следующий раз нам уже не удастся собрать такие силы. Я уже подумывал, не попросить ли мне старца прибегнуть к помощи колдовства и лишь с трудом удерживался от подобной просьбы, памятуя об отношении Мерлина к магии.

Мы с удивлением заметили, что по мере приближения к Кольхуакану сопротивление врага не расстет, а ослабевает, и продолжали осторожно продвигаться вперед, ожидая какой-нибудь западни. Но скоро сопротивление совсем прекратилось. Наконец наша Армия вышла из леса на открытые земли и увидела перед собой стены города.

Ворота его были распахнуты, и возле них кипело сражение.

Одни люди выбегали из ворот, другие преследовали и безжалостно убивали их. В городе вспыхнул мятеж — и майя бежали от тлапаллийских рабов!

— Вперед, Ацтлан! — вскричал я и со всех ног бросился вперед.

Хорошо знакомый мне покрытый шрамами человек вышел встретить меня. То был Человек Поджигающий Волосы! «Текутли! Владыка Уитцлипотчили! — ликующим голосом приветствовал он меня. — Взгляни на своего врага!» И воин бросил к моим ногам окровавленную голову.

Одного взгляда на обвислые щеки и заплывшие глаза было достаточно, чтобы опознать убитого и без золотого, изысканно украшенного обруча с олеными рогами. Сходство его с правителем, некогда пригово-

рившим меня к смерти, было весьма велико. Конечно, то был Кукулькан, правитель майя.

— Как тебе удалось сделать это? — радостно удивлялся я, когда мы входили в город, пробираясь сквозь приветственно кричащую толпу вооруженных рабов.

— Отстав от войска, я попал в плен. Там говорил с рабами. Рассказал им об убитых тлапалликах, брошенных майя вдоль дороги к Тлакопану. Рассказал о Героях и живых богах, о воинах, которыми командовал. Рассказал о хозяине, который медным кнутом сдирал кожу с моей спины. И наконец, заслышав о вашем приближении к городу, я призвал рабов к восстанию. Буду ли я еще когда-нибудь командовать людьми, Владыка?

— Конечно, и скоро. Ты вел себя достойно!

В тот день в священном городе Кольхуакане Человек Поджигающий Волосы был возведен в чин трибуна к великой своей радости — хотя его триумф несколько померк в сравнении с другим торжественным событием. Ибо в тот день с народного одобрения Мерлин был единодушно избран новым Кукульканом, и впервые за всю историю существования Тлапалланы страной стал править белый человек.

КАК МЫ ПРИШЛИ К МАЙЯПАНУ

Пока мы отдыхали под защитой стен Кольхуакана и заменяли вышедшее из строя оружие новым, наши лазутчики отправились на разведку к Майяпану. Принесенные ими сведения заставили меня задуматься. Майяпан укреплен и практически неприступен. Сей город подразделяется на три части: Северную, Среднюю и Южную крепости. Располагается город на плато, возвышающемся на триста футов над ближайшей рекой. Глубокие ущелья и овраги окружают его со всех сторон, и лишь на северо-востоке, в месте спуска с плато, есть подступ к городу. На раскинувшейся здесь широкой равнине вырублены все деревья и кусты — так что врагу негде спрятаться. И именно здесь майя имели обыкновение принимать бой (как ты убедишься в дальнейшем).

Выходящая на равнину стена Северной крепости (наиболее мощная из всех) имеет семьдесят футов толщины у основания и двадцать три фута высоты. Вдоль нее по краю открытого пространства вырыт широкий и глубокий ров, заполненный водой и пред-

назначенный для защиты наиболее уязвимой части Майяпана. Кроме того, в пределах города, сразу за стеной, тоже находится ров, но не столь глубокий. Он тоже наполнен водой и утыкан по дну острыми кольями.

В других местах стены Майяпана не столь высоки и толсты — ибо там естественным препятствием для врага являются овраги — но извилистые сии ограждения тоже надежно защищают каждый фут плоской поверхности плато. Общая длина крепостных стен превышает три с половиной мили, хотя расстояние по прямой от Северного до Южного вала меньше одной мили.

В город ведут пять главных ворот и шестьдесят восемь небольших входов в длинной стене, каждый из которых имеет около десяти футов ширины и защищен выступающим за стену оборонительным оружием. Из этих укреплений защитники Майяпана могут вести продольный обстрел внешней стороны крепостного вала.

В венчающем вал частоколе тоже есть проемы, снабженные калитками — легко закрывающимися и легко обороняемыми.

Во многих недоступных для врага местах к валу пристроены (или врезаны прямо в него) небольшие платформы. На них постоянно — кроме тех случаев, когда посты находятся под прямым огнем — несут дозор часовые. Это исключает любую возможность неожиданной атаки.

В Северной крепости располагался военный лагерь, который приходилось атаковать с равнины, ибо Средняя и Южная крепости были надежно защищены глубокими ущельями с отвесными и осыпающимися стенами. Оказавшегося в сих ущельях неприятеля ждала неминуемая гибель, хотя в городе над ним находились лишь жены и дети воинов.

По оценкам наших разведчиков, в военном лагере, интересующем нас в первую очередь, нападения ожидало по меньшей мере сорок тысяч человек: полностью вооруженных, весьма энергичных (если верить донесениям) и беспрестанно совершенствующих свое боевое искусство.

Около двадцати тысяч воинов занимало позиции в смежной крепости, на валу и на внешних укреплениях. В Южной же крепости обосновалось все гражданское население города.

Итак, здесь был последний оплот майя. Общим числом приблизительно в сто пятьдесят тысяч человек, собрались они со всем своим домашним имуществом и боевым оружием в сей цитадели, которую возвели в качестве убежища еще во время первого своего похода на Тлапаллан.

Долго предкам современных майя и их рабам пришлось таскать на спинах корзины с землей, емкостью от пека до половины бушеля, прежде чем поднялись наконец эти огромные валы. Здесь пришельцы обрели дом, из этих стен распространились по всей стране и выросли в могучий народ.

Теперь, пожиная плоды своей жестокости, они вернулись назад, дабы узреть все некогда подвластное им общество восставшим против них. И снова стены Майяпана оказались достаточно просторными, чтобы вместить в себя весь народ майя: столь велики были его потери во время недавних военных действий.

— Захватите Майяпан, — сказали разведчики, — и весь Тлапаллан будет вашим.

Итак, чуть больше трех недель стояли мы в Кольхуакане и ежедневно принимали новобранцев. По двое, по трое и целыми десятками они стекались к нам — дикие обитатели равнин, потерявшие жен и детей, оборванные, свирепые и нищие. Они никогда

не улыбались, не смеялись и большую часть времени проводили в одиночестве, затачивая ножи и топорики или тренируясь в стрельбе из лука. Покрытые шрамами и искалеченные, сбегались в наше войско тлапалликские рабы, похожие на забитых псов. Они сжимались всем телом, когда с ними заговаривали слишком резко, но в глубине их взглядов мерцала скрытая ненависть, словно желтый блеск в глазах древесной кошки.

Они приносили с собой собственную краску для тел. И всегда черную.

— Неужели в ваших сумках нет красок повеселее? — обратился я как-то к группе новичков.

Один пожилой раб, покрытый незаживающими рубцами от ударов плети, взглянул на меня и мрачно ответил:

— За стенами Майяпана мы раздобудем красную краску.

Холодок пробежал у меня по спине. Я повернулся и пошел прочь, а позади раздались сдавленные гортанные звуки, которые считаются у этих людей с железными сердцами искренним смехом.

Более словоохотливыми и дружелюбными были новобранцы из свободных лесных селений. Ободренные и воодушевленные слухами о наших успехах, они стекались в лагерь из Адриута, Асвайя, Каренай, Кайядерос и Данаскара. Инженеры, обученные Мерлином в собственном его городе Тендара, привнесли с собой тяжелый груз острых медных наконечников, стрел, бронзовых мечей и приспособлений для осадных артиллерийских орудий.

Мелкие предметы вооружения мы распределили среди воинов сразу же, а сооружение крупных боевых механизмов отложили до прибытия к Майяпану — ибо без выючных животных нам стоило бы

больших трудов перетащить столь тяжелые машины к месту назначения.

Прибывали к нам небольшие отряды чичамеков и тут же присягали нам на верность. А в один прекрасный день в лагере появились странные незнакомцы, вконец обессиленные форсированными маршами. Они пришли из далекого северного города, построенного — если верить их словам — полностью из камня и носящего имя Нор-Ум-Бега.

Люди эти, хоть и бронзовые от загара, казались значительно светлей темнокожих обитателей страны. Одежда и вооружение их не отличались от чичамекского, но этим сходство новичков с местным населением и ограничивалось, ибо у них были веснушчатые лица, голубые глаза и огненно-рыжие волосы!

Никогда прежде не приходилось мне слышать о рыжеволосых людях. Из какой страны они прибыли, я не знаю. Сами же жители Нор-Ум-Бега по этому поводу могли сообщить единственное: на сей континент они приплыли в прочных судах, оставив за спиной некую землю, которая ушла под воду со всем ее многочисленным населением.

Майя никогда не докучали этим людям — их привлекла сюда только возможность великолепной схватки. Эти воины не требовали себе награды и не просили ничего, кроме позволения сражаться в наших рядах — ибо война, казалось, была их религией, их единственной радостью, и в войне, похоже, суждено было им обрести смерть.

Когда-то давно, как гласят легенды, людей этих было много, как листьев в лесу, и им принадлежали все северные земли — даже лежащие к северу от Фулы. Народ сей владел великими богатствами, огромными запасами драгоценных камней и предметов роскоши, но в результате многих войн обеднел, и

ныне численность его сократилась настолько, что он легко помещался в стенах одного города.

Прослышав о войне с Тлапалланом, сюда явились все лица мужского пола — от подростков до старииков, — способные перенести тяготы похода, и, тем не менее, отряд их не насчитывал и четырех сотен человек. При таком течении дел, полагаю, через несколько лет Нор-Ум-Бега останется жить лишь в преданиях соседних народов.

Но рыжеволосые воины сражались доблестно плечом к плечу с моими Героями, ибо не любили жизнь и не заботились о ее сохранении.

Теперь я должен поведать о событии, для меня позорном.

Под одним из святилищ Кукульканы и его женщины мы нашли несколько кувшинов вина. Напиток оказался некрепким, но пьянящим, и это было первое вино, увиденное мной со дня крушения «Придвена». И вот, без всякой на то нужды я выставил себя полным глупцом.

Накануне предполагаемого выступления к Майапану я собрал трибунов и центурионов в своей хижине для того, чтобы отметить начало похода, — и скоро все мы почувствовали приятное опьянение.

Я пытался научить друзей застольной песне Шестого Легиона и испытывал при этом немалые трудности, ибо мало кто мог понять слова, и ни один не имел ни малейшего представления о том, как следует вести мелодию. Музыка в нашем понимании слова незнакома им. Я надрывался изо всех сил, пытаясь перекричать луженые глотки товарищей, которые пели хором под ритмичный стук чаш:

Пей и наливай! Кружки поднимай!
Пусть нас тешит доброе вино.
Ибо нам с зарей выходить на бой,
И не всем вернуться суждено.

Внезапно я заметил, что пою один, и тупо уставился на сотрапезников. Те с выражением ужаса и благоговейного трепета на лицах смотрели на дверь. Обернувшись, я увидел Мерлина: старец испепелял нас взглядом, исполненным гнева и отвращения, — так, должно быть, смотрел Моисей на бражников, пирующих у золотого тельца.

— Свинья! — прогремел он. — О, погрязшие в мерзости и пороке! Пока вы здесь развлекаетесь, ваши друзья и соратники попали в плен к майя и приняли мучительную смерть! Пьяные безумцы, в печали и разрушении кончите вы жизни! Я проклинаю тебя, Вендиций! Твой народ будет скитаться в поисках пристанища, но шесть сотен лет не обретет его. Он будет странствовать по лицу земли, пока не найдет остров среди моря. На нем осядет народ твой под изображением орла, держащего в клюве змею, — но процветать не будет никогда.

Пути людей сих кровавы, они не способны к возрождению, они отвергли мое учение и извратили его. Я отрекаюсь от них, а сам ты, Вендиций, никогда не увидишь Рима! Теперь пропретвясь и следуй за мной.

— Но кто сказал тебе это? — довольно тупо спросил я, все еще одурманенный вином.

— О, поспеши же, дурень! — беспокойно вскричал старец. — Пока ты здесь разговариваешь, умирают храбрые воины! Леса полны моих вестников.

Ты ведь знаешь, что я понимаю язык птиц. Со стороны Хайонваты было просто безумием идти на разведку. Я уже рассказал всем офицерам о наших задачах и планах наступления. Хайонвата присутствовал на том костре совета. Бедный своевольный глупец! Он хотел убедиться во всем собственными глазами и вот попал в плен с тридцатью своими воинами!

Что ж, храбрые души, они умели принять смерть

достойно, и большинство из них уже мертвы. Но если майя, следуя обычая, оставили вождя напоследок, то у твоего брата по крови еще есть возможность спастиесь, если мы не будем терять времени даром. Торопись же! Поговорим по дороге.

Туман в моей голове быстро рассеивался.

— Повелевай, Мерлин. Но, боюсь, это бесполезно. Войско не дойдет до Майяпана меньше, чем за шесть часов.

— Войско не дойдет. Но мы с тобой будем там меньше, чем через шесть минут.

Пока я стоял с раскрытым ртом, силясь понять, не ослышался ли (ведь в ушах моих все еще звенело от выпитого), старец резко приказал замершему в ужасе трибуну:

— Вели трубачу играть. Выступайте с восходом солнца. — (Край неба на востоке уже розовел). — Скажи войску, что командующие ушли вперед и будут ждать его на дороге к Майяпану. Пусть ничто в пути не остановит вас.

Он отсалютовал и пошел прочь. Бесшумно углубляясь вслед за старцем в лес, я услышал, как сотня сигнальных раковин отвечает резкими голосами на чистый благозвучный призыв моей бронзовой трубы, и понял, что скоро (возможно, в последний раз) старый бронзовый орел Шестого оглядит с высоты колонны марширующих воинов.

Оказавшись за прикрытием деревьев, Мерлин как-будто позабыл о необходимости спешить. Он опустился на бревно и знаком велел мне сесть рядом.

Из-за пазухи старец извлек небольшую склянку и посмотрел сквозь нее на свет. В пузырьке позвякивало несколько таблеток.

— С помощью этого средства, Вендиций, — задумчиво произнес Мерлин, — мы преодолеем пространство и время — и в течение нескольких крат-

ких мгновений покроем расстояние, отделяющее нас от Майяпана. Я не могу сказать тебе, из чего и каким образом изготовлены эти таблетки. Их подарила мне одна очаровательная фессалийская ведьма, с которой я коротал летние дни когда-то очень давно, еще во времена моей молодости. С их помощью мы замедляли скорую поступь Хроноса. Мы прожили с ней годы блаженства, а для простых смертных прошел лишь месяц. При расставании она дала мне несколько оставшихся таблеток.

Ну что ж, кости ее давно обратились в прах, а грех черной магии, за который надо нести ответственность, заключается в приготовлении сего снадобья, но не в его принятии.

Давай же, Варрон! Пусть каждый из нас проглотит по пилюле. Быть может, снадобье сие пробудит во мне память о красногубой Селене и нечестивых днях молодости.

Старец уронил мне на ладонь одну таблетку, и я положил ее на язык.

Она как будто слегка горчила. По мере того, как пилюля растворялась, в глазах у меня начало мутиться. Я потер их, но взгляд мой по-прежнему застилало туманом довольно долгое, как мне казалось, время. Когда же пелена спала с моих глаз, мне вдруг представилось, что я полностью оглох.

Прямо передо мной крохотная птичка пела, приветствуя восходящее солнце. Я отчетливо видел, как она сидит на ветке с широко раскрытым клювом. Она, безусловно, пела, но я не услышал ни звука. Я уставился на птичку, пытаясь найти объяснение происходящему, и тут заметил, что дувший до сих пор сильный ветер стих.

Мерлин наблюдал за мной с явным удовольствием.

— Идем, — сказал он наконец, и я понял, что не оглох. — Поспешим же теперь к Майяпану.

Я поднялся на ноги и последовал за старцем в странной, подобной смерти, тишине, внезапно спустившейся на лес.

Позади нас из ворот Кольхуакана выходил отряд воинов. Сейчас все они словно окаменели: некоторые замерли, занеся одну ногу для шага, а над головами людей плыл вымпел — странно искривленный, но не трепещущий. Создавалось такое впечатление, что из развеивающегося на ветру куска украшенной перьями ткани он внезапно превратился в прихотливо изогнутую металлическую пластину.

Мерлин шел впереди. Я заметил, что после того, как он отводит в сторону загораживающую путь ветку, та не летит назад и не ударяет меня — но остается на месте.

Мы перешли вброд мелководный поток.

— Взгляни под ноги, — сказал Мерлин.

Я повиновался и с удивлением обнаружил, что вода не заполняет углубления, оставляемые нашими ногами в потоке. Цепочка следов тянулась за нами с самого берега и затягивалась так медленно, словно мы прошли не по воде, а по густой грязи.

Быстрым шагом мы продвигались вперед. В лицо нам подул ветер — сначала прохладный, потом теплый и наконец неприятно жаркий. Мерлин поддернул подол своего одеяния до колен. Тот медленно темнел, словно обугливался от жары.

— Надо идти чуть медленней, — наконец произнес старец. — Или мы воспламенимся от трения о воздух.

И тогда я понял! То не мир внезапно замер вокруг нас, но ускорилось наше восприятие времени.

В тот же миг я ощущал отчаянный голод. Мы продолжали путь. По-видимому, прошли часы, но розовая полоска неба на востоке не становилась шире.

Казалось, солнце замерло на месте и не собирается подниматься.

— Взгляни на небо. Оно осталось почти таким же, каким было, когда мы покинули Кольхуакан. Ты осознаешь, насколько далеко ушли мы за столь короткое время? Однако мы не бежали сломя голову и даже не запыхались. Мы просто шли скорым шагом, и все же в считанные секунды оставили за спиной многие мили. Теперь ты понимаешь, откуда появились легенды о том, что ведьмы имеют обыкновение смазывать тело мерзкой мазью и улетать по воздуху в облике птиц. Никто не догадывается, что весь секрет заключается в проглоченной пилюле — а сами ведьмы никогда не говорят об этом.

— Посмотри, Мерлин, — прервал я старца. — Дым Майяпана.

— О да. Именно туда мы и спешим.

— Была бы у нас Мантис Артура, которую я так глупо потерял, тогда один из нас мог бы помочь Хайонвате бежать.

Мерлин странно взглянул на меня.

— Не думай о ней больше. Мы пройдем мимо стражников незамеченными.

Мы шли по краю глубокого оврага вдоль стены Южной крепости — шли, казалось, неспешно, хотя в лица нам дул жаркий ветер. Часовые на высоких платформах стояли неподвижно, словно деревянные куклы, и смотрели на нас не мигая.

Потом Мерлин вдруг стремительно увлек меня за огромный валун. У меня закружилась голова, и внезапно звуки окружающего мира хлынули в мое сознание кипящим потоком. Вдали, там, где поднимались черные столбы дыма, гудела многолюдная толпа.

Неловкими пальцами Мерлин вытряхнул из склянки еще две таблетки. Снова застыло время —

все звуки стихли, и ничто вокруг не шевелилось, кроме нас самих.

Мы продолжили путь вдоль оврага и скоро миновали Среднюю крепость, имеющую лишь пять сотен футов в ширину, но надежную и сильно укрепленную. Стоящие здесь на валу часовые также позволили нам беспрепятственно пройти мимо.

Теперь мы видели, что дым поднимается у стен Северной крепости. Огромная толпа людей собралась на плоской равнине, описанной мной выше.

Мерлин спокойно продолжал идти вперед, раздвигая плечом толпу. Я следовал за старцем с некоторой тревогой. Если действие этого снадобья — старого и, вероятно, ненадежного в смысле продолжительности действия — неожиданно кончится, майя разорвут нас на части прежде, чем Мерлин успеет достать свой пузырек.

Мы поднялись на небольшой холм, и глазам нашим открылась ужасная картина.

Прямо напротив, футах в шестидесяти от нас возвышался другой курган, никем не занятый и, очевидно, предназначенный для проведения некоего религиозного ритуала. От этого кургана (как и от нашего) в сторону города уходила низкая насыпная дорога, поднимающаяся приблизительно на фут над поверхностью равнины и имеющая в ширину около двенадцати футов. Две эти дороги тянулись параллельно друг другу на расстояние чуть большее четверти мили, а затем соединялись, описывая плавную дугу.

На всей протяженности их тесно толпились люди, обращенные лицами к ограниченному дорогами пространству. Там, на вымощенной плитами известняка площадке, горело множество больших костров, расположенных один за другим на некотором расстоянии.

Междуд кострами двумя рядами стояли вражеские

воины, вооруженные палками и кнутами. Мы поняли, что наших пленных товарищей принуждали бежать между рядами палачей под градом жестоких ударов до тех пор, пока они, более не в силах перепрыгивать через многочисленные костры, не падали в один из них и не умирали мучительной смертью.

Было очевидно, что даже сильнейшие из воинов имели мало — или вовсе никакой — надежды выдержать это тяжелое испытание. И действительно, позже мы узнали, что пленный, которому удавалось пройти целый круг в ограниченном дорогами пространстве, вовсе не заслуживал помилования — его заставляли бежать и прыгать снова и снова, пока не наступит неотвратимый конец.

В тесной группе людей, чьи медленные-медленные выразительные жесты свидетельствовали о движении, весьма энергичных в обычном временном измерении, мы увидели мужественное суворое лицо Хайонвата.

Мы пришли вовремя — и ни одной секундой позже, чем следовало!

— Оставайся здесь! — бросил я через плечо старцу и, выхватив меч, спрыгнул с кургана.

Сначала я наносил удары мечом по людям, стоящим на моем пути, но скоро обнаружил, что не в силах преодолеть пассивное сопротивление людской массы. Я мог отрубить руку одному и выпустить потроха другому — но безрезультатно: никто не реагировал, не пугался и не спешил убраться с дороги. Я мог израсходовать всю силу волшебного снадобья и, тем не менее, так и не прорубиться сквозь застывшее тело толпы.

Так что я выбрал кратчайший путь и бросился сквозь костер. Живущие по законам земного времени воспринимали его, вероятно, как страшный ревущий пожар.

Я же, напротив, мог разглядеть каждый острый язычок пламени весьма отчетливо. Меня не обожгло и не опалило, когда я пробежал сквозь огонь. Я ощутил слабое тепло и не почувствовал запаха тлеющей одежды.

Итак, я приблизился к группе людей, окружавших моего брата по крови, расшвырял воинов в стороны, вложил меч в ножны и, взвалив Хайонвату на спину, вернулся тем же путем, каким пришел. На протяжении всего этого времени Хайонвата не пошевелился и не дрогнул в моих руках.

Оказавшись вновь на кургане, я увидел обращенные в нашу сторону лица майя и понял, что Мерлиностоял на одном месте достаточно долго, чтобы стать видимым для окружающих. Люди, подвергшиеся моему нападению, начинали медленно падать, но земли еще не достигли, и выражение боли на их лицах только-только начинало складываться.

Появление Мерлина (совершенно неожиданное), должно быть, глубоко поразило майя. Меня позабавил их испуг, вызванный необъяснимым исчезновением последнего пленника, совпавшим с появлением и столь же внезапным исчезновением белобородого старца в белых одеяниях: видение несколько мгновений стояло на священном кургане и бесследно растворяло в воздухе. Объявить происшедшее майя могли единственным образом: недовольством богов.

Подобное событие непременно должно было обескуражить майя и лишить их мужества.

Так оно и случилось. Ожидая окончания действия снадобья, мы лежали в укрытии, откуда могли видеть толпу людей на равнине. В суетливых и тщетных поисках незваного гостя толпа бурлила и волновалась, словно встревоженный муравейник, и наконец медленно потекла к воротам Северной крепости.

Время от времени мы наваливались на Хайонвату

и прижимали его спиной к земле, когда он пытался подняться на ноги. Но после того, как мы повторили это трижды, наш друг прекратил свое замедленное сопротивление — и слабое подобие улыбки, странной и жутковатой на вид, появилось на его лице. Очевидно, мы оставались на одном месте достаточно долго, чтобы Хайонвата узнал нас и догадался, что все в порядке.

Прежде, чем губы его полностью сложились в улыбку, волшебная сила стремительно покинула нас.

Мерлин торопливо растолковал Хайонвата суть дела и заставил его принять таблетку вместе с нами.

В тот же миг мы двинулись в обратный путь по дороге, которой пришли сюда. Где-то далеко тридцать тысяч копьеносцев шли к Майяпану, и их командующим надлежало поспешить, дабы успеть занять свои места в строю.

ПАДЕНИЕ МАЙЯПАНА

Некогда знал я одну мудрую женщину из Каледонии, которая обладала даром предвиденья, — задумчиво произнес Мерлин, глядя поверх наших земляных валов через равнину на огни Майяпана и звездное небо над ними. — Она предсказала мне, что на закате эпохи я устремлюсь на запад и там обязательно найду Страну Мертвых. И вот я нахожусь в западной земле, о которой прорицательница не могла знать, и мы углубились в нее достаточно далеко — но, тем не менее, ничего здесь не указывает на близость земного рая. Другие ее пророчества сбылись, и я сомневаюсь, чтобы в этом она могла ошибиться.

Но звезды не подтверждают предсказания прорицательницы. Возможно, просто время еще не пришло!

— А что говорят звезды? — спросил я, поеживаясь на холодном ветру.

— Слишком немногое. Я чувствую: что-то скрывается от меня. И могу понять единственное: должно произойти нечто дурное — и очень скоро.

— Я и сам это знаю! Послушай, Мерлин. Вот уже две недели мы стоим здесь — и что толку? Сначала

мы встретились с майя на равнине в тесном бою и потеряли тысячу человек. Потом мы атаковали крепостные валы и обнаружили, что после смерти Кукульканы, запрещавшего разные новшества, враги ввели в своих войсках луки и стрелы. Конечно, луки их несовершены и стрелы не оперены — но при сильном натяжении тетивы даже их лучники в состоянии поразить цель с близкого расстояния. А еще через пару недель, Мерлин, выпадет снег, и армия наша развалится, несмотря ни на что.

Без должных запасов продовольствия мы не в силах вести долгую осаду в сей суровой недружелюбной стране, и у нас нет резервов для организованного отступления. Мы сражаемся с народом земледельцев, хорошо обеспеченным продовольствием. Союзники же наши, напротив, это охотники, которые мало заботятся о завтрашнем дне, если сыты сегодня. Мы исчерпали все наши возможности, Мерлин. Снег означает для нас поражение. Вот о чем говорят звезды ми е.

Мерлин покачал головой.

— Нет. Я имею в виду персональное зло, направленное на меня одного. Взгляни туда. Вон плывет Гуол, темная звезда... в моем доме и моем гороскопе.

— Я знаю о тайном учении не больше, чем нужно для нахождения пути на север по Большой Медведице. Ничем не могу помочь тебе.

— Действительно, — мрачно кивнул старец. — Ты человек войны. Что ж, давай подумаем о войне. Как обстоят дела с балластами?

— Сорок шесть уже готовы к установке. Еще пятьдесят будут собраны в течение недели. У нас шесть десятков стрелометов — на большее количество не хватило скоб. За последние три дня мы набрали в округе достаточно много булыжников. Стрел у нас хватает, сейчас изготавливаются зажигательные

копья. Послезавтра, полагаю, мы сможем обрушить на Северную крепость такой град снарядов, что войско вынуждено будет покинуть ее.

— Хорошо. Будем надеяться на скорое завершение сего кровавого дела. Но что это?

Слева от нас послышался тонкий вой, переходящий в пронзительный визг: словно стенающеее привидение пролетело над нами.

— Свистящая стрела часового! — резко пояснил я, встревоженный и раздосадованный. — Что-то случилось на площадке с артиллерией! Смотри, огни! Это нападение, Мерлин! Ночное нападение! Они поджигают наши орудия.

Я поднес к губам костяной свисток и с силой подул в него.

Ацтлан мгновенно пробудился от сна. Три отряда построились на равнине, и я повел их бегом в наступление. Тут облака, прежде разбросанные по небу, снова сгостились, и дождь хлынул такими частыми струями, словно небеса рыдали при виде нас.

Мы сошлись с вражеским отрядом в низине восточного оврага. То был страшный бой, в котором нечем было разгорячить кровь. Непроницаемую тьму лишь изредка рассеивали отдаленные и не приличествующие сезону вспышки молний. «Все идет неладно в этой войне, и даже стихия обернулась против нас», — подумал я, не осознав еще, что когда бы не сей неожиданный и несвоевременный ливень, мы, скончайтесь всего, лишились бы всех осадных орудий.

Холодный дождь застыпал ледяной коркой на нашем оружии и одежде. Многие раненые скончались в ту ночь от переохлаждения или захлебнувшись в жидкой грязи, которую смывало со стен оврага.

У стены оврага стояли лестницы противников. Рассчитывая отрезать майя путь к отступлению, я повел отряд на захват лестниц, но осажденные в

крепости успели поднять большую их часть наверх. И пока мы вцеплялись пальцами в скользкие стены оврага, тщетно пытаясь достать лестницы, на головы наши обрушился смертоносный град камней. Три сотни воинов приняли бессмысленную, ничем не оправданную смерть в ту ночь. И среди них — пятьдесят Героев.

А доносившиеся на следующий день с крепостного вала насмешки обжигали наши сердца, подобно огню.

Обезумевший от ярости, я молил Мерлина о помощи. Двадцать орудий было уничтожено полностью, и более половины баллист пострадало так сильно, что теперь нуждались в основательном ремонте.

Остальные механизмы мы разместили частью на равнине, а частью вдоль оврагов с тем, чтобы вести безостановочный обстрел Северной крепости. Мы знали, что производимое нами опустошение велико, но ни стона боли или ужаса не доносилось до нас из-за городских стен — лишь насмешки и издевки.

Снова обратился я к Мерлину с просьбой применить колдовство, но старец, по обыкновению, отказал мне.

— Нет. Пусть это будет чистая, честная война, не испорченная чародейством. Однако, — добавил он, — теперь, когда вы поняли, что не в силах скрушить сии стены с налету, подобно безмозглым зубрам, я покажу вам, как Люди Длинного Дома взяли Город Змеи практически без потерь.

Установите для меня три баллиста на опушке леса напротив восточной стены, и сегодня ночью мы преподнесем осажденным сюрприз. Мои люди изготовили в Тендана несколько яиц, из которых в стенах Майяпана вылупится Громовая Птица.

Незадолго до наступления тьмы мы зажгли костры на опушке леса. Затем инженеры подвезли туда тележки, нагруженные темными шарами, каждый из

которых весил фунтов двадцать и имел девять дюймов в диаметре. По приказу Мерлина инженеры поместили один из шаров в ближайший к баллисте костер. Тогда я понял, что шар частично состоит из металла, ибо от тепла цвет его начал изменяться с бронзового на золотой, а затем на сверкающий белый. Шар сиял, по поверхности его пробегали разноцветные блики, а изнутри доносились тихое потрескивание.

Наконец, когда скопившиеся внутри огненные пары начали просачиваться наружу через мельчайшие поры, вокруг шара образовалось светящееся облако.

Тогда помощники Мерлина извлекли снаряд щипцами из костра, положили его в чащу баллисты и выбили стопорный клин механизма.

Очень медленно, как мне показалось, снаряд начал удаляться от нас, волоча за собой шлейф сияющих паров. Он пролетел над равниной и упал за крепостную стену.

Раздался глухой грохот, земля содрогнулась, звезды померкли в ужасной вспышке огня — и из-за крепостного вала Майяпана послышались крики страха и боли.

Тут взмыл ввысь следующий снаряд, сияющий даже ярче предыдущего.

Он пролетел над стеной, скрылся из глаз и в то же мгновение взорвался с ужасающим треском и грохотом, какие раздаются, когда молния расщепляет могучий дуб от верхушки до самых корней! Снова вспыхнул ослепительный свет, проникающий сквозь щели бревенчатого частокола и калиток. Затем воцарилась кромешная тьма, из которой доносились протяжные вопли раненых и обгоревших людей.

— Что это? — в крайнем изумлении спросил я. — Адский огонь?

— Нет, сын мой. Всего лишь огненные первоосновы земли, смешанные между собой в определенном сочетании, нагретые до точки возгорания и воспламеняющиеся в результате последующего трения о воздух, когда каждый резервуар проносится сквозь воздушную среду и нагревается до такой степени, что стенки его разрушаются. Снаряд взрывается и заливает все вокруг неугасимым пламенем.

Неужели ты забыл, что писал Овидий о свинцовых снарядах, используемых стрелками?

В облачной выси Гермеса огнем опалило:
Так раскалился, с великою пущенной силой
Из болеарских машин металлический шар,
В скором движении свет излучавший и жар.

Эти слова подали мне идею, но само соединение горючих веществ известно с давних пор. Архимед использовал подобную смесь — в несколько ином виде — для поджигания римских судов при осаде Сиракуз. А Ганнибал применял другую ее разновидность, когда разрушал Альпийские скалы, дабы прорвать через них свои войска и слонов. Нет, вещества сие не ново, просто забыто — и это неплохо: в противном случае войны были бы слишком ужасны.

Инженеры извлекали из костров очередные заряды. Начался постоянный обстрел Северной крепости. Один за другим летели и падали на город эти внушающие страх, грозные плоды тайного знания Мерлина — жуткие косматые звезды, мчащиеся по черному ночному небу и несущие с собой смерть, боль и разрушение.

Земля беспрестанно дрожала под ногами, дома в городе полыхали. Но майя упорно не желали сдаваться. Наступивший рассвет застал их в Северной крепости — и все еще достаточно сильными для того, чтобы отразить атаку, снова сбросить неприятель-

ские войска в овраг и посеять в рядах их панику и смятение.

В то же время Ацтлан, Нор-Ум-Бега и значительные силы чичамеков пошли в наступление через равнину и достигли крепости, но под дождем стрел, дротиков атлатла и камней вынуждены были отступить, оставив под стенами города множество убитых и значительную часть мужества.

Толтеки удерживали реку, но войско для атаки не выстраивали, ибо перед ними высились почти отвесная земляная стена, попытки взобраться на которую граничили с самоубийством.

Итак, с наступлением дня мы перестали метать ужасающие снаряды Мерлина. Но баллисты продолжали забрасывать город булыжниками — и уже пробили в ограждении множество крупных брешей, через которые стрелометы, приспособленные к стрельбе фалариками, с замечательной точностью посыпали сии горящие дротики как в Северную, так и в Среднюю крепости.

Южную крепость мы оставили почти нетронутой, рассчитывая захватить сначала остальные укрепления и вытеснить защитников в самую низкую часть города, где в страшной тесноте они оказались бы полностью в нашем распоряжении.

Снова спустилась на землю тьма, и снова полетели огненные шары, взрываясь и сея вокруг смерть. В течение ночи защитники Северной крепости незаметно покинули позиции, и на рассвете второго дня новой ужасной войны с нашей стороны была предпринята осторожная вылазка. Я дал под командование Человеку Поджигающему Волосы всех оставшихся в живых Героев и позволил им взять с собой бронзового Орла для поднятия духа.

Честно говоря, я ожидал, что отряд будет снова брошен назад, но нужно было рискнуть — или счи-

матерь осаду. Огненные шары Мерлина уже закончились.

Вопреки моим ожиданиям отряд беспрепятственно достиг крепостного вала и перебрался через него, не встретив ни одного дротика или камня. Я видел, как раскачивался в воздухе Орел, когда несущий его воин плясал на помосте для стрельбы.

Запела моя труба. Зазвучали в ответ резкие голоса свистков. Актлан и Нор-Ум-Бега хлынули в Северную крепость.

К середине утра все войска, прежде находившиеся на равнине, самым лучшим образом устроились в крепости, разместили здесь же две баллисты, призванные смять сопротивление врага, и приготовились наступать по соединяющему крепости перешейку.

Как ты можешь видеть на карте, два кургана, имеющие в плане форму полумесяцев, некогда были возведены в целях перегородить самую узкую часть перешейка и защитить таким образом Среднюю крепость. К этим курганам недавно прибавилась баррикада из бревен толщиной в несколько футов, опутанная великим множеством колючих веток и сплошь утыканная частыми заостренными кольями.

Здесь воины майя оказались неуязвимыми против нас и нашей артиллерии. Через час обстрела, нанесшего мало ущерба сему нагромождению расщепленных бревен, мы немного продвинулись вперед, бросились на препятствие — и отступили, понеся значительные потери. Тогда мы соорудили мощный таран, но под его ударами бревна лишь сбивались плотней, а наши противники смеялись над нами, поражая одного за другим наших инженеров.

Взбешенный сознанием того, что столь презренный оборонный вал препятствует нашему продвижению вперед, я созвал трибунов и спросил, есть ли у кого какие предложения.

Виниций предложил построившись «черепахой», достичь заграждения и затем внезапно атаковать его. Казалось, больше нам ничего не оставалось делать. Захватить сие укрепление можно было лишь лобовой атакой, ибо обойти его с флангов не представлялось возможным из-за находящихся по обеим его сторонам глубоких оврагов с отвесными стенами из рыхлой и скользкой земли.

Итак, я раздал приказы избранным мной Героям, и три отряда двинулись в наступление фалангами, спереди, с боков и сверху прикрываясь тесно сомкнутыми щитами.

Пущенные из баллист булыжники со свистом проносились над нашими головами и с глухим стуком падали на склоны курганов, густо усеянные вражескими воинами.

Дротики и камни майя дождем барабанили по нашему черепашьему панцирю, но вреда практически не причиняли.

Когда наш отряд приблизился к завалу из бревен, инженеры прекратили обстрел, дабы не задеть своих. Мы ринулись вперед, покидали щиты на острые колья и, ступая по ним, достигли вершины.

Ломая строй, мои воины бросились из укрытия нам на помощь, и крик, испущенный ими, был слышен, наверно, в самом Риме!

Наш отряд, значительно уступавший по численности противнику, отчаянно нуждался в подкреплении. Сражение было яростным. Мы рубили, убивали, выдергивали клинки из тел, уворачивались, поднимались на ноги, восстанавливали равновесие и наносили удары, отражая выпады длинных пик. Изнемогая под градом ударов, мы сражались и погибали. Виниций принял там смерть. А Интинко-каледонец, пронзив его убийцу, сам рухнул, бездыханный, на тело

друга — и женщинам в Адриута пришлось оплакивать их обоих.

Рядом со мной оставалось не более двадцати человек, когда наши воины волной хлынули на курган, окружили нас, испуская воодушевленные кличи, и принялись яростно теснить врага все дальше и дальше назад, пока не прижали его к Большим Воротам Южной крепости. Дальше пути не было.

Начальник обороны упал на колени от слабости, вызванной потерей крови. Все его солдаты погибли, и он остался один на нашем пути. Дважды пытался он сломать пополам свое копье, дабы иметь возможность броситься на острие — и не мог.

Вдруг из толпы наших воинов прыгнул Человек Поджигающий Волосы.

— Я узнал его! — выкрикнул он. — Это мой хозяин, который кнутом изодрал мне спину в лохмотья. Он мой!

И воин выхватил нож. Коленопреклоненный человек бесстрашно взглянул на врага.

— Ха, раб! Шакалы тякают на умирающего кугуара.

Последним молниеносным движением он сбросил с головы увенчанный рогами обруч и наклонился вперед, давая снять с себя скальп. И когда безжалостный враг сорвал с майя кровавый трофей, мы поняли, что Средняя крепость взята.

У Больших Ворот защитники (сражавшиеся теперь без малейшей надежды на успех) возвели баррикады из предметов домашнего обихода и трупов животных и людей в три параллельные ряды, которые нам предстояло преодолеть один за другим. Поскольку уже смеркалось, мы отложили дальнейшее наступление и занялись подвозкой к Южной крепости двадцати баллист и катапульт, предназначенных для постоянного обстрела форума. На центральной

площади Южной крепости находился водоем без питательного источника — и это был весь оставшийся у осажденных запас воды.

Осажденные же большую часть ночи занимались укреплением оборонительных сооружений. Но наши часовые доложили о раздававшихся из южной части города громких голосах и о мелькании многочисленных факельных огней — и я пришел к выводу, что в стане врагов возникли какие-то разногласия.

По какому поводу могли разойтись мнения майя, мы не представляли — разве что кто-то предлагал сдаться, а остальные не соглашались.

Все стало ясно в прохладный предрассветный час, когда майя предприняли неожиданную вылазку в сторону реки, и по меньшей мере пять тысяч человек хлынули с крепостного вала через террасу и с волнями обрушились на спящий, слабо укрепленный лагерь, охранявший наш флот из двухсот пятидесяти челнов. Толтеки дрогнули, как трусы, и позволили майя прорваться к реке.

Итак, войско неприятеля, по-прежнему свободное, сплоченное и способное привести свои ряды в порядок и предпринять новую атаку, бежало по реке в поисках союзников в каких-нибудь крохотных высокогорных крепостях — если таковые еще оставались, не захваченные дикими бродячими племенами.

На рассвете под звуки труб майя через завалы трупов перелез горбоносый человек. На нем была белая рубашка из оленьей кожи, расшитая блестящими белыми ракушками, — подобные одеяния в Алата носят посланники. В левой руке человек держал зеленую ветвь, означавшую просьбу о переговорах.

Часовые привели посланника ко мне.

Он поклонился, но не униженно (я почти услышал, как хрустнула эта негнущаяся гордая шея,

когда майя склонил голову передо мной) и спросил о наших условиях.

— Единственное, что я могу предложить вам, — сказал я, — это немедленно сдать оружие, разобрать оборонительные заграждения и подготовиться к эвакуации, которая начнется в полдень.

Глаза майя сверкнули, но он не произнес ни слова, когда повернулся, чтобы уйти.

— После того, как вы все сделаете, я сообщу вам о моих условиях, — бросил я ему вдогонку и злобно усмехнулся, ударив себя в защищенную панцирем грудь стиснутым кулаком. — Марк! Марк! Взглядни с небес на землю и узри сей день.

СМЕРТЬ МЕРЛИНА

Я сидел в своей палатке на опушке леса и брился, глядя через равнину на крепостной вал. От Средней крепости к Северной двигались люди со связками дротиков, стрел и копий. Они выходили за ворота и складывали оружие на уже сваленные в кучи топоры и ножи, предназначенные к сожжению.

Однако я не испытывал должного удовольствия при виде этого зрелища, ибо знал, что за этим последует нечто, являющееся с точки зрения законов любой войны низким вероломством.

В палатку вошел Мерлин и опустился рядом со мной. Он тоже был мрачен.

— Ты уже составил план эвакуации, Вендиций?

— Амнистия для всех тлапалликов, которые присягнут нам на верность. Смерть всем остальным — и смерть всем майя!

Мерлин в ужасе вскочил с места. Я невозмутимо продолжал бриться.

— Но это же бойня!

— Истребление, — поправил я старца.

— Вендиций, ты стал слишком жесток, — мягко заметил Мерлин. — Ты больше не тот энергичный человек, который с юношеским пылом искал приключений и открывал новые земли. Неужели от прежнего Вендиция ничего не сохранилось? Неужели в тебе ничего не осталось, кроме человека войны?

— Ничего, — спокойно ответил я. — А что же ты хочешь? Я появился на свет под звуки боевой тревоги. Моя мать бежала из горящего города, спасая свою и мою жизнь. Мой отец погиб там. Меня воспитали для войны, и кроме нее, я ничему не обучен.

Была в моем сердце любовь. К Марку. Я любил мальчика. Ты знаешь, что с ним случилось. На Яйце сердце мое ожесточилось.

Неужели ты забыл клятву, которую мы дали в той вонючей яме? Неужели ты забыл, что мы поклялись отомстить за Марка?

Старец пристально смотрел на меня.

— Сколько жизней требуется тебе, чтобы отомстить за одну? Разве ты не знаешь высказывания Хернина, Барда Ланвейтинской общини: «Смелый не бывает жестоким».

— Я не был знаком с ним. Слова его относятся к другим, не ко мне. — Я с силой ударил кулаком по скамье и встал. — Это мое последнее слово, Мерлин. Смерть всем майя.

Старец взял меня за руку и мягко усадил обратно.

— Послушай, Вендиций. Я только что вернулся из города. Сейчас они погребают мертвых, сын мой. Если бы ты увидел это зрелище, ты пожалел бы их.

— Что знаю я о жалости? Что может человек, подобный мне, знать о жалости? Много раз ты называл меня человеком войны — и я не чувствовал себя оскорбленным, ибо и в самом деле война — это все,

что я знаю... вся моя жизнь. Здесь, в новой земле основал я свое государство. Мой народ почитает меня как живого бога войны, любящего кровь и жертвоприношения из окровавленных сердец. Говорю тебе, Мерлин, зрелище чужих страданий начинает доставлять мне наслаждение.

В сердце моем не осталось любви ни к чему — разве что к жене и сыну. Но жена, вероятно, скоро окажется перед лицом смерти в руках бежавших майя, а я трачу здесь время попусту. Никакой жалости, никакого сострадания, Мерлин. Чем раньше будет истреблен сей народ, тем скорей я отправлюсь на спасение своей жены и других женщин Ацтлана.

Цивилизация майя зиждется на фундаменте из трупов. Каждый фут тлапалланской земли пропитан кровью. Вопль угнетенных тиранами возносится до самых звезд и взывает о мести. Лучше истребить майя навеки, нежели позволить им восстановить жестокую империю. Ни милосердия, ни жалости не проявили они к нам, потерпевшим кораблекрушение чужестранцам. Это сделали их рабы!

В полдень, Мерлин, я поверну Ацтлан против майя, и если ходеносауни откажутся идти вместе с нами — то берегитесь!

— Но это означает гражданскую войну!

— Называй это так. Впрочем, такой опасности не существует. Твои люди так же жаждут крови майя, как и мои. Ничто не удержит их от мести, которой они так долго ждали. Даже ты.

— А если я удержу? — спокойной спросил старец, — отзовешь ли ты свои войска?

Я рассмеялся.

— Если ты удержишь! Но это было бы чудом, а времена чудес миновали...

Я осекся, пораженный некой мыслью.

— Или ты собираешься обратиться к колдовству?

— Нет. Я же говорил, что отказался от него. Ничто не заставит меня снова обратиться к колдовству и потерять душу. Я попыталось убедить народ, буду молить его о снисхождении к врагу.

Это было просто смешно. «Это все равно что молить о милосердии волков, — подумал я, — которые повалили наземь оленя, но еще не успели разорвать его на части и сожрать».

— Скажи, — с любопытством спросил я, — почему ты передумал? Ведь ты любил Марка и хотел отомстить за него.

— Я был в крепости и слышал стоны умирающих. Я видел благородных дам, нежно опекающих раненых, скорбящих о своих потерях и рыдающих над телами детей.

— Это война. Так было всегда. Крыса тоже защищает своих детенышей и заботится о них. Почему бы и таким паразитам, как майя, не поступать так же?

Мерлин в ужасе взглянул на меня, но ответил печально:

— Крысы не погребают своих мертвцевов. Майя возвели огромный общий курган над телами доблестных воинов, защищавших перешеек, и молят Солнце принять души погибших. Остальных мертвцевов оставшиеся в живых родственники и возлюбленные погребают в отдельных могилах. Рядом с мужчинами они кладут охотничье снаряжение, а рядом с женщинами — предметы домашнего обихода, зерно и кухонную утварь.

Маленькие же дети...

Я видел, Вендиций, одного малыша, чудесного мальчугана, которым мог бы гордиться любой отец. Он лежал в маленькой могиле рядом со своими игрушками. Правая его рука покоялась на кувшине с

едой, на случай, если он проголодается в другом мире. Понимаешь? Мужчины могут охотиться, чтобы добыть средства к существованию в стране Мертвых. Женщины могут работать. Но малыш не умеет ни первого, ни второго и должен как-то позаботиться о себе. Поэтому рядом с ним и ставят кувшин с едой! В левой руке ребенка был зажат маленький красный мячик, украшенный перьями.

Старец пристально посмотрел на меня.

— Маленький красный мячик... украшенный перьями? — повторил я про себя последние слова.

Сознание мое казалось замутненным, голова — тяжелой. Внезапно я почувствовал себя очень старым. Именно такой мячик я подарил своему маленькому сыну — и игрушка сия стала гордостью его сердца.

Этим мячиком помахал он мне на прощанье, когда я уходил из Ацтлана.

А Мерлин, старая седая лиса, увидел и запомнил это, как запоминал он все на свете!

Все верно. Старец говорил правду. Эти майя не были демонами и не были бесчеловечными (по крайней мере, не больше, чем другие народы). Они знали цену верности и отваге. Я встречался с ними в бою и понимал это. Женщины их были прекрасны и восхитительны в глазах собственных мужчин, а дети — возлюблены родителями. Мы уничтожили их строй. Стоило ли истреблять и народ?

Казалось, какой-то плотный комок растаял в моей груди. Я больше никого не ненавидел и хотел заплакать, но не помнил, как это делается, — ибо разучился плакать очень давно.

— Пойди поговори с людьми. И ацтеками, и толтеками. Если ты сумеешь убедить их, мы отпустим майя.

Глаза Мерлина радостно блеснули. Старец любовно посмотрел на меня и вышел из палатки.

Я не последовал за ним, но остался сидеть в одиночестве. Мне хотелось подумать о своем маленьком сыне, находившемся так далеко отсюда. И поэтому я не слышал, что сказал Мерлин воинам, но громкий шум и крики заставили меня вскочить на ноги. С мечом в руке я выбежал из палатки, готовый защитить старца от возбужденного им гнева толпы.

Я стоял с разинутым ртом и выглядел, должно быть, полным дураком. Воины приветствовали Мерлина!

Да-да, приветствовали! Люди Адриута и Карапай, стоящие в одном строю с моими ацтеками. И даже рыжеволосые убийцы из Нор-Ум-Бега и чичамекские варвары!

И то был, полагаю, величайший триумф Мерлина.

К полудню майя покинули стены города и собрались на равнине. В основном в живых остались только женщины и дети, но все равно получилась огромная толпа. Там, стоя в окружении вооруженных воинов, они выслушали мой приказ.

— В течение пятнадцати дней идти прямо на запад, — повелел я. — Затем поверните на юг, к Жарким Землям Атала, откуда вы пришли. Отставшие и дезертиры подлежат смерти.

И я выделил десять отрядов дикарей для следования за майя на расстоянии дневного перехода.

Одному человеку из ста позволялось оставить при себе оружие для охоты — все остальное военное снаряжение было предано огню во время исхода побежденных.

Следуя моим указаниям, майя должны были выйти в необитаемые пространства лугов, где могли прокормиться охотой на косматых быков и где встреча

с врагом не грозила им. Я смотрел вслед этим людям, уходящим прочь без слез и жалоб, гордым и в поражении, и чувствовал, что, в конце концов, это лучшее решение проблемы, и Марк должен радоваться, глядя с небес на землю.

Тот день положил конец организованному сопротивлению майя. Орел победил Змею.

Правда, в некоторых высокогорных крепостях, разбросанных по всей сокрушенной Империи, еще хозяйничали несколько тысяч беженцев. Но я знал, что крепости эти — сколь бы сильно ни укрепленные — обречены на падение, ибо во всех них без исключения запасы воды содержались в водоемах без питающего источника и пополнялись засчет редких дождей. Укрепления сии возводились всего лишь как временные укрытия для окрестных жителей и выдержать длительную осаду не могли. Так что мы могли спокойно оставить эти островки Тлапаллана тонуть среди широкого моря Чичамеки.

Таким образом, в пяти челнах, единственno оставшихся от нашего флота, я, Мерлин, трибуны Ацтлана и другие доблестные воины, общим числом более ста, двинулись в сторону нашей речной крепости, которой к этому времени уже могла грозить опасность нападения непокоренных и беспощадных майя, похитивших наш флот. Женщин Ацтлана ждала короткая и жестокая расправа.

Вслед за нами по берегу спешил легион ацтеков, а за ним — полчища толтеков, горящих желанием смыть с себя позор.

Хайонвата шел с нами, хотя люди его остались в Майяпане ждать возвращения Мерлина. А воины Нор-Ум-Бега, поредевшими рядами, но нагруженные добычей, тронулись к своему далекому городу.

Мы двигались вниз по маленькой речке, потом

свернули в широкий поток, по которому незадолго до нас прошли майя, — и через несколько дней вышли к месту слияния двух рек, где находилась наша крепость. И мы прибыли вовремя!

Майя атаковали крепость, но еще не захватили ее. Издалека увидели мы, как короткие рычаги баллист и катапульт мечут булыжники и копья в скопления лодок внизу. Стрелы, дротики и камни дождем сыпались с той и другой стороны. Мы испустили оглушительный крик, налегли посильней на весла и устремились по широкой реке Охион.

Скоро осажденные заметили и громко приветствовали нас. Воины майя бросились с берега в свои неуклюжие лодки, отступили от крепости и двинулись нам навстречу. В этот момент на берегу появился следующий за нами легион.

При виде войска, значительно превосходящего их по численности, майя дрогнули, стремительно развернули свои челны и понеслись вниз по реке.

Мы ринулись в погоню, воодушевляемые оглушительными криками из крепости. Я различил на валу фигуру своей дорогой супруги — она размахивала трепещущим на ветру шарфом. Я приветственно поднял в ответ весло и был замечен ею.

Очень скоро мы начали настигать отставшие челны противника. Теперь они развернулись с целью встретить и уничтожить нас. Я встал во весь рост и положил на лук стрелу, оперенную серыми гусиными перьями. Но еще не успев выстрелить, я первым (ибо находился выше всех остальных над уровнем воды) увидел зрелище почти невообразимое!

Навстречу нам против течения медленно поднималось судно, которое я совершенно не ожидал увидеть когда-либо снова: драконоголовый корабль саксов!

Не приводимый в движение веслами, корабль про-

двигался навстречу нам, и расстояние между ним и нами — стремительно влекомыми вниз по течению преследуемыми и преследователями — быстро сокращалось.

Наконец убегающие майя тоже увидели судно и признали в нем новую опасность. Заиграла труба, призывая обратно тех, кто повернул нам навстречу. Все члены противника плотно сбились в кучу, и воины, готовые к любому концу, выставили вперед копья.

Когда корабль оказался совсем рядом, я заметил на его переднем мостике вооруженного воина. Он стоял, держась за шею дракона, и подвижный язык деревянного чудовища зловеще шевелился над ним, словно оно шипело в яростной злобе. Воин прикрыл глаза ладонью от солнечного света и пристально смотрел на стремительно приближающиеся челны.

И тут я узнал его.

Гутлак! Гутлак, последний из саксов! Гутлак, которого мы считали убитым людьми-рабами, обитателями болот!

Я громко закричал через разделявшее нас водное пространство:

— Туда, Гутлак! Туда! Вон враги!

Сакс узнал меня и энергично взмахнул топором, показывая, что услышал мои слова.

— Приятная встреча, Вилас! — воскликнул он, а потом схватил висящую рядом сигнальную раковину и громко затрубил в нее.

И в тот же миг стало ясно, какая сила влечет корабль против течения: из-под воды, поднимая фонтаны брызг, вынырнули дюжины ужасных чешуйчатых пьяса. Они сбросили с себя буксировочные веревки и устремились на передовые челны майя.

Наши враги принялись отчаянно грести назад,

пытаясь отойти к берегу, но пьяса пробивали огромные дыры в челнах из коры, и те тонули в бурлящей воде.

Мы же — не уверенные в способности сих существ отличить друга от врагов — отплыли назад и удовольствовались тем, что держали смятенное собрание врагов под обстрелом из луков.

Теперь новые полчища пьяса вскарабкивались на борта драконоголового судна и с возбужденным кваканьем прыгали в воду. А издали к месту сражения, поднимая пенистые буруны, стремительно приближался косяк их сородичей.

Скоро все было кончено. Ни челна не осталось на поверхности реки. И с берега, у которого нашла укрытие наша маленькая флотилия, мы видели, как покраснели текущие к морю волны Охиона и как ужасные человекоподобные существа весело бултыхаются в мутных водах, жадно пожирая проплывающие мимо лохмотья мяса.

Пропела труба Гутлака. Часть пьяса вновь схватилась за буксировочные веревки и повлекла драконоголовый корабль к нам. Как раз в это время на берегу появились наши запыхавшиеся товарищи и отпрянули в ужасе при виде безобразных чудовищ, которые, выпрямившись во весь рост, шли по мелководью навстречу им.

Гутлак легко спрыгнул с борта корабля и смеясь начал пробираться сквозь толпу своих подданных, расшвыривая их в сторону тяжелыми ударами. Однако грубое обращение не возмущало пьяса. Они заискивали перед саксом, словно псы перед хозяином. Наконец Гутлак приблизился ко мне и крепко пожал мне руку.

— Отличная бойня, Вилас. Такая дань по душе Одину. Я полагал, ты давно пребываешь в Обители Хела.

— А я думал то же самое про тебя. Как тебе удалось стать королем пьяса?

— Пьяса? — Гутлак непонимающе уставился на меня, потом рассмеялся. — О, ты имеешь в виду моих людей-рыб! Возможно, среди краснокожих они известны под этим именем, но сами они называют себя гронками.

— Значит, у них есть язык, доступный человеку.

— О да! Отличный язык, состоящий в основном из урчания, кваканья и шипения. Но гронки не часто разговаривают с людьми — обычно они предпочитают действовать.

Глядя на плывущие по реке кровавые останки, я легко мог поверить в это.

По команде Гутлака существа отошли в сторону, к узкой полоске песчаного берега и длинными когтями принялись рыть ямки для размещения своих коротких негнувшихся хвостов. Наконец они уселись на корточки над этими ямками и уставились на нас холодными глазами (как мне показалось, не без аппетита).

— После того, как вы оставили меня на нежное попечение обитателей болот, — иронически начал Гутлак, — я уже считал себя мертвецом. Они приволокли меня через топкие трясины к странному влажному скоплению шалашей, расположенному далеко от моря. Там они затолкали меня в поросшую мхом хижину и принесли мне поесть сырой рыбы.

В этой хижине я оставался долгое время, мучимый страхом смерти, но наконец собрался с духом и осмелился выйти наружу. Появление мое было встречено всеми знаками бесхитростного почитания, и очень скоро я понял, что существа сии испытывают передо мной благоговейный трепет. Когда я дал им понять, что хочу получить назад свой топор, они

моментально принесли его мне заодно с кинжалом. Значит, убивать меня не собирались. И обращались со мной очень хорошо.

Прошло почти два года, прежде чем я, наконец, овладел их наречием достаточно хорошо, чтобы понять, почему меня пощадили, когда всех моих товарищей разорвали на части.

Как вы видите, существа сии находятся на пути постепенного превращения в человека. Уподобиться людям — их заветная мечта. Гронки во всем подражают человеку и верят, что, поедая человечье мясо, скорей станут людьми. Некогда один из их старейшин напророчил, что из моря появится некое божественное существо — получеловек-полурыба, — которое станет их правителем и научит превращению в людей.

Когда гронки увидели мой панцирь из рыбьей кожи и убедились, что когти их скользят по нему, не причиняя мне никакого вреда, они посчитали меня тем самым божеством. Именно этому я и обязан своим спасением.

Я многому научил гронков: дал им простейшее оружие, попытался научить их обращению с огнем, но они от него отказались. Отня гронки боятся больше всего на свете — поэтому, принимая во внимание их чувства, я приучил себя есть сырую пищу.

В течение следующего года я строил корабль, в основном в одиночку, хотя гронки и приносили мне бревна и устанавливали их согласно моим указаниям. Когда судно было готово, я двинулся на нем вдоль берега, думая найти вас — ибо именно в том направлении поплыли вы в день нашего расставания.

Мы вышли в открытое море, по-прежнему следуя на юг, и прибыли в землю, населенную низкорослыми смуглыми людьми, которые называли свою страну

Чивим. Я научил их поклоняться Одину, но не обрел счастья среди них.

Прожив в сей стране долгое время и ни разу не услышав о вас, я понял, что вел поиск в неверном направлении и что вы, вероятно, обогнули мыс, который я оставил за спиной, и, не выходя в открытое море, повернули на север и пошли вдоль берега. Итак, следующей весной мои подданные потащили корабль прочь от Чивим.

Недостатка в пище мы никогда не испытывали. Гронки прекрасно плавают, подтягивая ноги к груди и, резко отталкиваясь ими от воды, легко настигают любую рыбу. Нам жилось неплохо и на море и на суше.

Мы зашли далеко на север. Едва ли ты представляешь себе, как далеко простирается эта земля. Мы достигли краев, где подданные мои коченели в воде и по морю плавали огромные ледяные горы. Мы повернули обратно, по-прежнему ничего не узнав о вас. Так прошел еще один год.

В движении назад вдоль берега мы порой захватывали в плен какого-нибудь рыбака, слишком испуганного, чтобы поведать нам что-либо внятное, и наконец в один прекрасный день увидели в небольшой бухте останки корабля, в котором я узнал «Придвен». Мимо этого места мы уже проходили раньше, но тогда, очевидно, высокий прилив полностью затопил корабль, ибо даже сейчас из воды торчало лишь несколько бревен.

Итак, я высадился там. Неподалеку мы обнаружили передовую крепость и захватили ее. Солдат гарнизона гронки сожрали, но прежде чем все краснокожие погибли, я узнал от них, что в глубине страны идет война и что мои друзья (слово «друзья» Гутлак произнес, как мне показалось, сардническим

тоном) сражаются с неким могучим народом. Итак, поскольку мои подданные не могут жить без воды, мы поспешили назад, к устью реки, поднимаясь вверх по Мисконзебе, нашли наконец нужный нам приток — и явились сюда, как видишь, едва не опоздав присоединиться к вам в войне.

— Но не опоздав присоединиться к нам в ми-ре! — радостно вскричал Мерлин. — Оставь своих диких подданных и живи снова среди людей. Теперь мы короли среди язычников.

Гутлак покачал головой.

— Я тоже король, и подданные мои не менее верны, чем ваши. Мое место среди них. Однако я поживу с вами некоторое время, ибо у меня есть тут одно дело.

Он проурчал какой-то приказ, и все его спутники, за исключением дюжины буксирующих корабль, попрыгали в воду и поплыли вниз по течению реки.

Два здоровенных пьяса отнесли меня и Мерлина на корабль, и когда Гутлак занял свое место на носу, нас отбуксировали вверх по реке к крепости в сопровождении пяти наших членов и отряда воинов, следующего за нами по берегу.

Торжественно встречали нас в крепости. Любящие руки обнимали нас — и хотя многие женщины за время войны лишились детей и мужей, никто не оплакивал мертвых. Мы видели лишь счастливые лица — а все слезы были пролиты в закрытых вейк-ваумах, вдали от посторонних глаз.

Вечером я увидел Мерлина, угрюмо созерцающего звезды, и хлопнул его по плечу.

— Ну, как насчет твои мрачных предсказаний? Ты утверждал, что звезды предвещают тебе гибель — но война окончена, и ничего не случилось.

Ну-ну! Признайся, что даже ты порой можешь ошибаться.

— Я ошибаюсь часто, Вендиций. Но звезды — никогда. Предсказание еще должно исполниться.

И больше он ничего не сказал в ту ночь.

Назавтра был объявлен день празднества. За время нашего отсутствия женщины вытоптали и плотно утрамбовали широкую площадку для игры в мяч. Ацтеки очень любят это развлечение и порой рискуют всем своим состоянием, ставя на того или иного игрока. По правилам сей игры для того, чтобы получить очко, надо пройти, стуча мячом о землю, к стене в торце площадки и попасть мячом в закрепленный на ней каменный обруч.

Поскольку диаметр обруча незначительно больше диаметра самого мяча и поскольку множество соперников стремится завладеть мячом, поражать цель сложно, и известны случаи, когда люди проигрывали даже свою одежду и удалялись из числа зрителей совершенно голыми под взрывы хохота.

Гутлак, после нескольких проигранных пари оставшийся нагим и пристыженным, резко заявил, что попасть мячом в кольцо просто невозможно.

— Я могу сделать это легко. И даже для Мерлина, несмотря на его преклонный возраст, это не составит большого труда.

— Так сделай же это, и я поверю тебе. У меня на корабле есть кувшин вина, который утверждает, что столь ловкий трюк невозможен.

Мерлин улыбнулся.

— Это вино заработаю я, Вендиций.

И старец начал пробираться сквозь толпу зрителей к игровой площадке.

— Дорогу! Дорогу Текутли Квецаткоатлю! — прокричал глашатай.

И люди замерли перед Мерлином в низком поклоне, когда тот взял мяч.

Старец подоткнув длинные одежды, разбежался, прыгнул и в полете (как это и следует делать) бросил мяч так, что тот пролетел сквозь кольцо, не задев его — то есть заработал отличное очко. Как вскричали зрители!

Старец вернулся к своему месту рядом со мной. Игра возобновилась, и Гутлак послал одного из пьяса к реке за вином.

Мерлин взял кувшин, втянул носом аромат напитка и рассмеялся. Я вручил старцу свой рог для вина.

— Потом ты должен налить и мне за пользование сей чашей! — воскликнул я.

Гутлак ничего не сказал, но странно улыбнулся. Не знаю, заметил ли я злобный блеск в его глазах, мелькнувший и тут же исчезнувший, или то было просто нелепое подозрение — но внезапно я почувствовал недоверие к саксу.

— Остановись, Мерлин! — выкрикнул я.

Слишком поздно. Мерлин выпил чашу до дна. Лицо его побелело и осунулось, и он показался вдруг столь древним, что никакими словами невозможно описать это. Старец попытался заговорить, задохнулся и наконец еле слышно прохрипел: «Так вот о каком зле молчали звезды!» — а потом повалился в объятия Кронаха Хена, последнего из девяти верных бардов.

Прежде чем мы успели опомниться, Кронах Хен отбросил в сторону свою арфу, бережно опустил Мерлина на землю и, шипя, словно разъяренный кот, прыгнул на Гутлака.

Один из пьяса оказался проворней всех нас. Он бросился на барда, запустил свои длинные кривые когти глубоко в его тело, под ребра и разорвал

несчастного пополам с такой легкостью, с какой человек разрывает жареного голубя.

Женщины в толпе завизжали. Гутлак проквакал какую-то команду и начал медленно отступать в толпе своих ужасных подданных.

— Теперь я успокоил души своего брата и своих соплеменников! Я отомстил убийце, который привел всех нас сюда и пожертвовал всеми ради безумных поисков бесполезной земли. Ну, Вилас, возьми меня, если сможешь.

Пьяса бросились на нас, широко расставив чешуйчатые руки с кривыми когтями, готовые хватать и рвать.

Хотя при виде сего зрелица сердца моих воинов и похолодели от ужаса, никто из них не отступил, но сблизиться с противников они не стали, а побросали в пьяса топоры и копья с некоторого расстояния, сохранять которое им удавалось легко, ибо существа сии были проворны лишь в воде.

Итак, пока мы приходили в себя, Гутлак со своими подданными отошел уже почти к самым речным воротам. В окружении двадцати Героев, вновь спешно вооружившихся, я настиг его там.

— Назад, Вилас! — прорычал сакс, отступая глубже в толпу пьяса и отражая удары, которые наносили ему копья три наступающих ходеносауны. — Назад, или я раскрою тебе череп по самые зубы!

Три краснокожих воина отважно бросились в толпу отвратительных существ с боевым кличем «Сас-саквэй! Сассаквэй!» Пьяса схватили их. Я услышал треск и хруст костей — и три смелые души без единого стона и крика отлетели от тел.

Я почувствовал себя бессмертным. Я прыгнул вперед.

Дикая радость зажглась в глазах Гутлака. Отрыгистым голосом он отдал гронкам какой-то приказ — и те расступились перед своим повелителем. Гутлак пошел мне навстречу, прикрываясь щитом и со свистом рассекая воздух над головой сверкающим топором.

— Вот тебе, Вилас! — прогремел он и швырнул топор, целясь мне в голову.

Тот пролетел мимо. Я метнул в сакса тяжелое римское копье.

Да, Гутлак верно оценивал пики и дротики, но недооценил разницу между ними и тяжелым римским копьем.

Он рассмеялся и выставил вперед щит. Бронзовое острье пробило щит, намертво застряло в нем, мягкая медная шейка наконечника согнулась и тяжелое древко потянуло щит к земле.

Я прыгнул вперед и наступил на древко. В распоряжении Гутлака оставалось одно мгновение, чтобы проститься с жизнью, прежде чем коротким мечом я выбил из его рук кинжал и нанес ему страшный удар между плечом и шеей.

Сакс упал. Мерлин был отомщен!

В тот же миг кто-то вцепился в меня сзади мертвкой хваткой.

Пылса поднял меня высоко над головой и, повиснув на долю секунды в воздухе, я увидел Мерлина, лежащего на земле в окружении толпы людей.

Старец открыл глаза и взглянул на меня — странно и любовно, как смотрит нежный отец на свою нравного грешного сына, по глупости своей подвергшегося опасности.

Губы его пошевелились. Внезапно хватка врага ослабла, и я упал на землю. Как ни странно, я не

почувствовал удара и не почувствовал земли под собой.

Подобно Антею, при соприкосновении с землей я ощутил в себе нечеловеческую силу. И понял, что я непобедим. Пьяса снова вцепился в меня. Я расхочтался, легко сбросил с себя его руки и, схватив врага за чешуйчатое горло, свернул ему шею, как цыпленку.

Все множество воинов бросилось на остальных пьяса, повергло их наземь и одолело одним количеством.

Я поспешил к Мерлину и склонился над ним. Должно быть, я, залитый кровью, в разорванных доспехах, являл собой ужасное зрелище. Кровь стекала на белые одеяния старца, кровь капала с моих рук — но провидец слабо улыбнулся.

— Я сделал это ради тебя, Вендиций. На сей раз это действительно было колдовство! Я отдал тебе всю свою силу, дабы ты не погиб. Я любил тебя, как сына. У меня никогда не было сына... как мог я допустить твою смерть? Да простит меня Бог, я снова обратился к колдовству...

— Бог простит тебя, Мерлин, — мягко сказал я, но глаза старца сомкнулись, и я не понял, услышал ли он меня.

Я решил, что Мерлин уже отошел. Но он снова заговорил — очень тихо, и я наклонился, чтобы расслышать его слова.

— Так вот, значит, что означало то предсказание... Я найду Страну Мертвых на закате эпохи... у края мира. Так покажи мне путь! Быстрее! Или я должен идти один?!

Мерлин обвел взглядом стоящих вокруг людей, но было ясно, что он уже не видит никого из нас.

Внезапно старец сел, и лицо его озарилось радостью.

Со стороны запада к нам быстро летела большая белая птица, подобную которой я никогда не видел прежде. Она приблизилась, трижды описала круг над нашими головами, не спускаясь и не подавая голоса, а потом устремилась прочь так же быстро, как и прилетела.

Старое тело обмякло. Я осторожно опустил его на землю и, стоя на коленях, уронил лицо в ладони, ибо понял, что провидец скончался.

Чувство ужасного одиночества нахлынуло на меня. Я потерял дорогого друга, глубоко почитаемого человека, чья мудрость часто оберегала меня от безрассудных поступков. Я понял наконец, что любил его как родителя. Но было слишком поздно... слишком поздно. И я уже не мог сказать ему об этом.

Сквозь слезы я увидел, как люди вокруг опускаются на колени в благоговейном прощании, и как белая птица устремляется все дальше и дальше и исчезает в западном небе.

Мы погребли старца, над могилой его выложили мозаику из разноцветных камешков с изображением человека, поправшего стопой змею. Изображение сие символизировало победу Мерлина над Империей майя, ибо вся слава принадлежала ему, и без него наши усилия остались бы тщетными.

Над могилой старца мы возвели курган в последующие дни нашего пребывания в крепости. А в ту ночь Роянеки молодого народа Мерлина потребовали выдачи нескольких оставшихся в живых пьяса.

Я пожал плечами и отвернулся. А хладнокровные

чешуйчатые существа смотрели мне вслед немигающими рыбьими глазами.

Интересно, о чем думали они, глядя на людей, собирающих ветки и забивающих в землю колья?

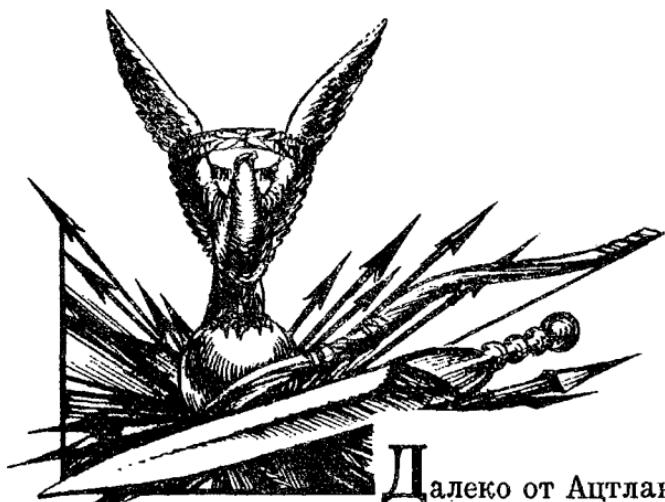
Огонь таил в себе загадку для них, жестоких водяных существ, — но они приняли смерть от огня — и смерть мучительную.

— Хоуп! Хоуп! — выкрикивали пляшущие воины, подражая предсмертному кваканью гронков, и, высоко подпрыгивая, кружились вокруг костров.

— Хоуп! Хоуп!

И не снять было скальна с врагов, ибо ни волоска не росло на телах их.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Далеко от Ацтлана, на северо-западе, у горной гряды, высящейся у края мира, обитает в наши дни (то есть двадцать лет спустя после смерти Мерлина) жалкое племя, которое соседние народы называют Плоскоголовыми. Не могу сказать, беженцы ли это майя или нет, ибо знаю об этих людях лишь понаслышке. Но черепа их имеют такую же форму, как черепа майя, ибо в раннем детстве всем детям этого племени привязывают к голове доску.

А в пустошах все одинокие бродяги нашли себе жен. Так что многие благородные, изящно воспитанные дамы майя ныне проводят жизнь в тяжелых трудах, дубя шкуры, перетаскивая на себе грузы и вынашивая диких детей для своих жестоких супругов.

От некоторых из этих женщин нам стало известно, что часть их соплеменниц погибла в странствиях по пустошам. А некоторые сумели преодолеть Жаркие Земли Атала. Но большинство разбрелось по округе

и было убито воинами, посланными сопровождать майя в походе.

Так исчез с лица земли высокомерный и доблестный народ майя — и с ним его обширная Империя Курганов.

И снова на нашей скалистой родине узнали мы мир. Мы двинулись войной на болота пьяса и почти полностью истребили это племя.

Толтека, лежащая к югу от нас, снова объята волнением. Похоже, близится время новой войны.

На севере все больше сил набирает народ Ходено-сауни. Так говорит Хайонвата, который все еще жив, хотя все мои британские товарищи уже умерли от старости или пали в сражениях. Мои солдаты или союзники держат все крепости, бывшие некогда пограничными крепостями майя. Чичамеки тоже расположены к нам дружелюбно.

Следовательно, твой легат, где бы он ни высадился, о мой Император! — будет радушно принят везде — ибо все с нетерпением ожидают следующего прибытия белых людей и все получили приказ встретить их сердечно и мирно, как сыновей Светлого Бога Квекаткоатля, человека, который проповедовал мир, но мог быть суровым и в войне ради скорейшего ее завершения.

Прошу, прими хорошо моего сына Гвальхмая, Боеvого Орла, как назвал однажды Мерлин своего крестника. Он не привык к большим городам, хотя и читал о них в книгах Мерлина и, боюсь, узнал из последних другие, более опасные вещи. Он совершаet какие-то странные фокусы, попахивающие, на мой взгляд, колдовством.

Приходи же немедленно, пока я еще жив. В мечтах своих я слышу, как римские суда скребут дном по прибрежной гальке. В страстных мечтах своих

слышу я клич римских труб. Я покорил континент для Рима, но здесь нет человека, способного удержать его неразделенным после моей смерти.

Народ местный уже забыл христианские молитвы, которым учил своих почитателей Мерлин, и потерял значения слов. Мои ацтеки стали беспокойны и мечтают о странствиях.

Приходи же, пока не поздно. Приходи и властвуй в своей Империи.

Прощай!

ЭПИЛОГ

Я отложил в сторону древние свитки и повернулся к своему другу-ветерану.

— Это конец послания, — сказал я.

— Но не конец истории?

— Конечно, как можно! Почему послание достигло только Ки Уэст? Что случилось с сыном Вендиция? Как он потерял послание?

— Думаю, я могу угадать. Вы знаете, откуда появилось название «Ки Уэст»?

Я отрицательно покачал головой.

— Когда испанцы высадились на остров, они обнаружили, что берег его усеян костями, свидетельствующими о некогда происходившей здесь страшной битве. И так много было этих костей, что они назвали остров Кайо де Лос Хуэссос (Остров Костей). Англичане же переиницали это название на свой манер в Ки Уэст. Представь, что те кости являются останками матросов, посланных с донесением к Императору, и убитых пьяса, которых люди Варрона некогда изгнали с болот Флориды.

— Значит, то, вероятно, и был настоящий конец пьяса?

Ветеран кивнул.

— А каков был конец Гвальхмая, единственного сына Варрона? — осмелился спросить я.

— Да, хотелось бы знать, — задумчиво произнес ветеран. — Хотелось бы.

В конце концов, он был крестником Мерлина. И если кто-нибудь и остался в живых после битвы на острове, то это непременно был он. Но все это случилось тысячу лет назад, и, вероятно, мы никогда не узнаем о судьбе Гвальхмая.

КОРАБЛЬ ИЗ АТЛАНТИДЫ

КРЕСТНЫЙ СЫН МЕРЛИНА

По хронологии Ацтлана шел год Кролика и — поскольку день был благоприятным — великое празднество проходило в нескольких милях от того места, где Мисконзебе, Прародительница всех рек, мешает свои воды с солеными водами Залива.

В течение целого месяца приглашенные стекались к крепости Толлан, охранявшей начало широкого водного пути, который вел на север, к плодородным землям Тлапаллана. Заросли тростника, давшие этой местности название, исчезли, втоптанные в грязь тысячами ног или пущенные на строительство временных жилищ для гостей. Вдоль берега выстроились многочисленные суда.

Челны из кожи буйвола и березовой коры, каноэ из вяза, выдолбленные из бревен лодки стояли у берега на якоре или лежали вверх дном у воды в ожидании времени, когда в них возникнет надобность. Украшенные затейливыми узорами суда тянулись разноцветными рядами неподалеку от тесного скопления вейк-ваумов, шалашей и шатров, которые выросли вокруг крепости, обнесенной земляным ва-

лом с частоколом наверху. Но мало кто из прибывших на величайший из мирных советов удостаивал этот флот взглядом, более пристальным, нежели просто мимолетный. Подобное зрелище было уже не в новинку.

На прибрежной отмели, надежно закрепленное на месте в сносящем течении реки, стояло судно, в котором любой британец опознал бы саксонский пиратский корабль. В этом году, шестьсот шестнадцатом от Рождества Христова подобные суда бороздили реки и моря Британии, но в Алата (так в те времена называлась Северная Америка) был только один такой корабль. Построенный почти двадцать лет назад из прочных дубовых досок, просмоленный и прокопоченный шерстью бизона, он бережно хранился в ожидании этого дня.

Корпус его, покрытый наборной обшивкой, имел семнадцать футов в длину. На носу и корме выселись мостики. Между ними на более низком уровне тянулась главная палуба или площадка для боя, а яма для гребцов оставалась открытой и доступной для дождя. В ней стояли ряды скамей, по пятнадцать с каждой стороны, с проходом посередине. К бортам для защиты гребцов от стрел и высоких волн были прикреплены деревянные щиты с изображениями тотемов молодых ацтеков, избранных держать в руках вырезанные из дерева весла.

Это было добротное судно — каковым ему и надлежало быть — ибо на нем сын Повелителя Края Мира отправлялся на восток в поисках новых земель. От драконьей головы с золотой гривой до хвоста на корме укрученное блестящими пластинками слюды судно переливалось всеми цветами радуги. Корпус его был раскрашен в красную и белую полосу, вместо знамен и флюгеров развевались на ветру лисьи хво-

сты, и единственная мачта была окольцована полированной медью.

Отверстия для весел закрывались специальными заслонками во избежание протечек при плавлении под парусами. Подобными заслонками были снабжены крохотные окошки в каюте начальника на полуяте, а склады оружия и продовольствия находились в носовой части судна. Толпам, безостановочно бродящим взад-вперед по берегу, «Пернатый Змей» представлялся великим чудом.

Собравшиеся здесь люди столь же различались внешне, как их жилища и лодки. Представители многих племен и народов сошлись у крепости Толлан в сей торжественный день. Вон вышагивают касики из Ацтеки: у бедра мечи с зубцами из вулканического стекла, в руках красивые отделанные перьями щиты, на головах шлемы с плюмажем. А вот идут покрытые шрамами воины из западных пустошей, вооруженные каменными ножами и томагавками, с закинутыми за спину короткими луками из рога. Некоторые мужчины носят шапки из шкуры бизона, другие — военные головные уборы из перьев, свидетельствующие о количестве боевых заслуг.

Прибывшие с севера, с великих болот, имели при себе костяные трубки для метания отравленных стрел, пращи и сумки с камнями. А Люди Длинного Дома Пяти Племен смотрели на своих младших братьев по оружию несколько свысока. Эти могучие воины, носящие в виде знака отличия единственное орлиное перо в средней пряди волос, оставили далеко на севере свою родину, дабы присутствовать на сем собрании. Свирепым нравам отличались эти ходено-сауны, но никто из них не украсил себя боевой раскраской, ибо ныне принесли они пояса мира в красные земли Тлапаллана, через которые некогда прошли под боевыми знаменами Мерлина-Колдуна,

дабы помочь сокрушить ненавистных майя, строителей курганов, и их жестокую Империю.

За порядками в лагере следили Воины Псов, но им не приходилось утруждать себя работой. То было мирное собрание людей. Смех и праздник царили здесь. Воины раскуривали трубы на совете и беседовали со старейшинами на универсальном языке жестов, общем для многих племен. Молодые люди состязались друг с другом в борьбе, прыжках, а также метании томагавка, копья или дротика атлатла. Они сгибали длинные луки на стрельбище, с проворством рыб переплывали наперегонки реку или скользили по глади вод в каноэ.

Темные глаза многих девушек радостно и гордо сияли при виде этого зрелища и по окончании торжества множество обутых в мокасины ножек протоптalo новую тропу к новому дому. Как всегда счастье мешалось с печалью. Стойкие девушки смотрели на высокий уступчатый курган у реки, вздыхали в тщетной тоске по недосягаемым возлюбленным — и оставались безутешными.

На кургане стоял сильный юноша, выделявшийся среди своих сверстников каштановыми волосами и светлой кожей. Одежда его, как и у всех, состояла из короткой юбки из оленьей кожи, расшитой бисером головной повязки, гетров и мокасин — ибо погода была теплая, и он недавно принимал участие в состязании. Лицо юноши хранило серьезное выражение: наступил последний день праздника и собрание обратилось к главному вопросу совета.

Вперед выступил главный жрец Бога Войны и нараспев заговорил:

— О, Тлалок, Ты, Дающий Рождение Вещам, и Ты, жена его, Пена на Воде! Взгляните благосклонно на дело сего юноши, сына вашего брата Уитцлипотчи, Грозного и Ужасного Бога!

Уитцлипотчи явился к нам в дни нашей слабости. Словно кролики, прятались мы среди скал. Он дал нам оружие, научил жить гордо и положил конец нашему страху. Он создал народ Ацтлана. За ним выступили мы против наших угнетателей майя. С помощью дружественного ему божества Кетцалькоатля, Повелителя Ветра, и братского народа ходеносауни мы убили Кукулькана майя и изгнали сие племя обратно в Атала.

Да, мы — воинственный народ, но сегодня Тлапаллан пребывает в мире — как желал того Кетцалькоатль, ибо он любил мир так же сильно, как мы любим его самого. Сегодня нигде в Алата не ведутся войны. Наш Бог и Водитель Уитцлипотчи созвал нас почтить сына своего, Гвалыхмая, Орла, который отплывает по Великим Водам на сем корабле-Змее. Повесть о наших сражениях и нашей доблести отвезет он народу своего отца.

Мы молим тебя, Тлалок, даруй юноше свою благосклонность, попутный ветер, быстрый переход через моря и скорейшее возвращение к нам, не желающим расставаться с ним даже на краткое время.

Жрец воздел руки жестом благословения и отступил в сторону. Его место занял другой человек. Он вскинул вверх унизанную медными браслетами правую руку в римском салюте, и сильные мускулы заиграли под бронзовой кожей воина, хотя волосы его под шлемом с гребнем уже отливали серебром. Толпа восторженно взревела. Мановением руки человек призвал людей к молчанию.

— Перед вами стоит мой сын и мой посланец. Крестным отцом его был Кецаткоатль, который ушел от нас в Страну Мертвых, но который может еще вернуться. Сегодня мы помним Повелителя Ветра и помним, как колдовством он помог всем нам: и вам, жителям Алата, и нам, римлянам, потерпевшим ко-

раблекрушение у ваших берегов. Мы знали его как человека великих знаний. Он не боялся идти в бой и не боялся говорить о милосердии по окончании битвы. Дабы о величье его узнали и другие народы, моя супруга и я посылаем нашего единственного сына в Рим с тем, чтобы он принес туда повесть о мудрости своего крестного отца и вернулся обратно с новыми отрядами моих соплеменников. Золотой Цветок Дня...

Вперед выступила грациозная женщина и нежно улыбнулась мужу и сыну. Поверх хуальпилли — платья из тонкого белого полотна на плечи ее был накинут прекрасный плащ из перьев колибри. Черные длинные волосы женщины, уложенные подобием цветка тыквы вокруг каждого уха, блестели. На запястьях ее позякивали браслеты из ракушек каури и с щеи свисала плоская брошь из пригнанных друг к другу жемчужин. Талию женщины, все еще тонкую, охватывал пояс из монет, не виданных в Алата. То были римские серебряные динарии и медные сестерции, спаянные золотыми звеньями. Монеты эти достали ныряльщики с затонувшего «Придвена», военного корабля короля Британии Артура, на котором Мерлин Амброзий пересек Атлантику в поисках новых земель. С ним и девятыю его Бардами пришел в сии земли и Вендиций Варрон, центурион Шестого Легиона, дабы стать здесь королем и живым богом.

Золотой Цветок Дня поцеловала сына и приняла из рук Вендиция меч и пояс. Слезы стояли в ее глазах, когда она застегивала пряжку пояса на талии сына, — но то были слезы гордости. Она крепко обняла Гвальхмая один раз и отпустила. Толпа одобрительно загудела, раздался громкий треск тыквенных погремушек и трели костяных свистков.

Вендиций снова вскинул руку. Супруга его отступила назад, и шум в толпе стих: Старый воин поднял

бронзовый цилиндр высоко над головой, так чтобы все могли видеть его.

— Здесь находится описание всех произошедших в сей земле событий. Наши бои в Ацатлане, объединение онгайских народов в Длинный Дом, наш поход на Маяяпан, наша победа над тлапалланскими армиями и уничтожение Империи майя.

Я посылаю сие донесение своему Текутли, своему Повелителю, обитающему за морем, — пусть к радости своей узнает он, что смелые люди живут и здесь, как и в его стране. Дабы послание достигло места назначения, я отдаю его на хранение своему сыну. Пусть употребит он все свои физические силы и унаследованную от крестного отца мудрость на то, чтобы с помощью своих товарищей доставить сие послание в Рим в целости и сохранности. Да помогут ему попутные ветры и спокойные воды доплыть до Рима и благополучно вернуться назад.

Вендиций протянул бронзовый цилиндр молодому человеку. Гвальхмай положил его в поясную сумку. Затем отец и сын обняли друг друга за плечи и взгляды их встретились. На этом обряд прощания закончился.

Они медленно спустились по ступеням теокалли и в сопровождении жрецов прошли через тихую коленопреклоненную толпу. Тридцать молодых ацтекских воинов, приставленных к длинным веслам, уже отвели драконоголовый корабль на небольшое расстояние от берега, и Гвальхмаю пришлось идти к нему по колено в воде.

Когда «Пернатый Змей» выходил на середину потока, юноша стоял на помосте рулевого, положив руку на рукоять руля, и смотрел на стоящих у воды родителей. Внешне они казались столь же спокойными, как и сын, — гордость римлянина могла соперничать с достоинством ацтеков — но если сердца

умеют плакать, незримо для окружающих, то они исходили слезами в этот момент.

Тридцать весел отсалютовали храму. Поднялся тяжелый полотняный парус, окрещенный «Мантией Ветра», с изображением крылатого красно-зеленого змея, угрожающе взвившегося вверх и готового к нападению. Ветер наполнил парус, весла ударили по воде и корабль, задрав драконью голову с костью в зубах, понесся по течению реки навстречу волнам Залива.

Вендиций и его жена неотрывно смотрели вслед кораблю, который удаляясь становился все меньше и меньше. Гробовая тишина висела над толпой. И даже дети притихли, чувствуя важность момента. Вдали коротко вспыхнул яркий блик. Блеснул ли то солнечный луч на мокром весле или сверкнула волна? А может, то мелькнуло крыло чайки, ныряющей в воду? Или взметнулся на ветру подвижный язык дракона? Никто не мог сказать наверняка — но светлая точка уже исчезла вдали.

Супруги повернулись и пошли прочь от реки сквозь ожидающую толпу. Вендиций обнимал Золотой Цветок Дня, и та шла, без всякого стыда прижимаясь к мужу, с глазами полузакрытыми, но сухими.

Два воина выступили из толпы навстречу супругам и молча пошли рядом с ними: Га-но-гоа-да-ви, Человек Поджигающий Волосы, могущественный эмиссар от Народа Кремня, и Хайонвата, Роянек онондагов. Вендиций поднял взгляд от земли, увидел их, и черты лица его смягчились.

Золотой Цветок Дня улыбнулась и ласково протянула к ним руки.

— Старые друзья, дорогие друзья.. вы всегда оказываетесь рядом во дни печали. Теперь мы снова остались вдвоем и нуждаемся в вас как никогда.

Вендиций наклонился и поцеловал жену.

— Нет, любимая, нас всегда будет трое. Amavimus, Amamus, Amabimus. Мы любили. Мы любим. Мы будем любить. Неизвестно, что обретет Гвальхмай в конце путешествия. В конце своего путешествия я нашел тебя.

И четверо друзей двинулись сквозь толпу к своим жилищам. И празднество продолжалось.

Выйдя из мутных протоколов дельты Мисконзебе, драконоголовый корабль взял курс на восток. Дул попутный ветер, и парус так и рвался с мачты. По пути постоянно приходилось огибать маленькие островки и мели и обходить стороной устья других рек, несущих в Залив сплавной лес и прочий мусор. Поскольку путь их некоторое время лежал вдоль берега, Гвальхмай доверил руль кормчemu и приказал ему держаться на безопасном расстоянии от суши. Итак, в течение долгого дня плыли они, держась едва заметной вдали полоски зелени по левую руку.

К вечеру путешественники подняли весла и стали на стоянку у отмели возле кораллового берега в спокойной бухте. Здесь в море впадал ручеек пресной воды. Глубокие следы на размокшей земле указывали на то, что здесь излюбленное место водопоя оленей. Пока некоторые матросы искали в воде устриц, моллюсков и крабов, другие вытащили из сундуков, стоящих под скамьями для гребцов, охотничье снаряжение и отправились в лес. И очень скоро оленина уже жарилась над раскаленными углами от сплавных бревен.

После обильного ужина, полностью добытого на берегу, большинство матросов устроилось на ночлег возле костра. Ночь была теплой, никакого укрытия спящим не требовалось — хотя, как у большинства саксонских судов, легкая мачта у «Пернатого Змея» снималась и укладывалась верхним концом в вилку

гюйс-штоха на носу. На мачту накидывался и закреплялся парус — и под образованной таким образом палаткой яма для гребцов оставалась совершенно сухой. Команда могла ночевать там в тепле и уюте, дрейфовало ли судно на плавучем якоре или лежало до утра на песке, вытащенное на берег.

Часовые стояли в дозоре и регулярно сменялись — но ночь прошла без всяких приключений. На следующий день Гвальхмай, следуя инструкциям своего отца, направил корабль строго на юг, параллельно береговой линии Флориды, хотя в те времена полуостров не имел названия.

Некогда то была земля ужаса. И даже сейчас представители человеческого рода редко встречались здесь. При свете дня прибрежные леса оглашались щебетом и криками птиц самых разных видов, а по ночам над болотами разносился рев аллигаторов. Время от времени с берега раздавался пронзительный визг вышедшей на охоту пантеры, но ничто не тревожило команду «Пернатого Змея».

Погода оставалась прекрасной. Бог Хуракан по всей видимости спал. Путешественники миновали множество островков и коралловых рифов, по-прежнему держась на некотором отдалении от суши и высаживаясь на берег лишь для ночлега, охоты и пополнения запасов воды в больших глиняных кувшинах. Затем, когда они уже собирались обогнуть Мыс Тьмы, подули встречные ветры и отнесли корабль на юго-запад, за пределы видимости берега.

Если бы не маленькая железная рыбка, которая, плавая в ведре с водой, некогда указавшая «Придвену» путь на запад через океан к Алата, они основательно сбились бы с курса. Так или иначе, море успокоилось, и к великой своей радости путешественники вновь увидели землю и почувствовали под ногами сушу. На этом острове была пышная раститель-

ность и изобилие фруктов. Недалеко от воды матроны поймали гигантскую черепаху и приготовили из нее богатый ужин.

Когда все заснули, Гвальхмай занялся изучением карт в своей маленькой каюте. Остров сей обозначен на них не был, как, впрочем, и сотни других, оставленных путешественниками позади. Да и сама береговая линия в действительности не соответствовала представленному здесь изображению. Гвальхмай пришлось прийти к заключению, что всецело доверять картам нельзя. Наконец юноша свернул эти куски полотна с нанесенным на них рисунком и убрал их обратно в сундук Мерлина.

В этом сундуке хранились и другие, более полезные, вещи. Мерлин называл их своими инструментами, и все их Гвальхмай знал как свои пять пальцев: волшебные растения, зелья и амулеты. В шкатулке, покрытой резными узорами, вечно меняющими очертания, хранились порошки и пилиюли, которые нельзя было принимать без предварительных молитв и заклинаний. А на маленьком подносе лежал магический жезл Мерлина и волшебное кольцо, с которым прорицатель никогда не расставался! Гвальхмай задумчиво взвесил его на ладони и надел на палец.

Он смутно помнил, как сидел на коленях старца и дергал за длинную белую бороду — предмет его детских восторгов. Мерлин смеялся и называл его Воевым Орлом. Сын Варрона был тогда совсем маленьким. Теперь Мерлин умер, и Гвальхмай владеет всеми его инструментами.

В сундуке лежали книги с листами из тонкого пергамента, содержащие заклинания, и тома с рецептами приготовления взрывчатых порошков и разноцветных огней. Под ними на дне сундука хранились Тринадцать Волшебных Сокровищ острова Британия, которые Мерлин увез с собой, дабы они не достались

саксонским пиратам. Гвальхмай снял с Котла Изобилия Мантию-Невидимку и вдруг встрепенулся, засыпав крик с берега. Выхватив подаренный ему отцом короткий меч, юноша выбежал на палубу и стал свидетелем ужасной сцены.

За миг до этого недалеко от места, где матросы свежевали черепаху, из моря вынырнули странные чешуйчатые головы, и невиданные существа запрыгали по воде к берегу, вдыхая запах крови. При этом на головах их поднимались и опадали колючие гребешки, похожие на хохолки попугаев, а под скошенными, лишенными подбородка челюстями наливались зловещим неровным багрянцем мешочки, подобные петушиным бородкам.

Мерзкие существа исступленно разрывали и разбрасывали в стороны пропитанный кровью песок когтистыми перепончатыми конечностями, которые едва ли можно было назвать руками. Чудовище свирепо водили по сторонам круглыми глазами без век и со свистом выпускали воздух черезrudиментарные жабры.

Вендицию Варрону не пришло в голову предупредить сына о возможной встрече с этими наводящими ужас созданиями. Известные юго-восточным народам и иллини как пьяса, сами они называли себя гронками. Вендиций воевал с ними и считал их племя полностью истребленным. Только несколько уцелевших гронков нашли убежище на сем дальнем острове, и продолжали жить здесь, являя миру свидетельство того, какие ужасы способны создавать Природа в миг безумия.

При виде корабля несколько гронков пошли к нему на кривых ногах, щелкая длинными острыми клыками в предвкушении хорошей добычи. Остальные поскакали на четвереньках в сторону спящего лагеря. Обойдя костер — ибо лишь огонь внушал

страх сим хладнокровным чудовищам — они окружили несчастных матросов. Тела гронков дрожали от страшного желания приступить к пиршеству, и их короткие, похожие на обрубки хвосты резко дергались из стороны в сторону, словно хвосты разъяренных аллигаторов, — но чудовища ждали сигнала.

В ожидании команды гронки переговаривались между собой тихим урчанием и шипением — и это обстоятельство свидетельствовало о том, что существа сии по развитию своему превосходили животных, пусть и уступали человеку. Наконец вожак их взревел, и все как один гронки бросились на лагерь.

Сонный часовой пал за миг до этого натиска. С самого начала конец схватки был предрешен. Ни один воин Алата никогда не ложился спать без оружия, и оказавшись сейчас перед лицом кошмара, знакомого их отцам, воины Гвальхмая смело схватились со страшным врагом. Разрываемые на части и пожираемые, пока теплая плоть их еще хранила дыхание жизни, они сражались до последнего и погибли там, где спали.

Звучал яростный боевой клич ацтланских Героев «Ал-а-ла-ла! Ал-а-ла-ла!» Но он становился все тише по мере того, как умирали воины, даже не имея времени для предсмертных песен.

К тому времени как Гвальхмай достиг берега, бой уже почти завершился. Юноша понял, что не успеет присоединиться к товарищам, и бросился обратно к кораблю. Теперь можно было рассчитывать лишь на помочь колдовства. Когда юноша во второй раз пробивался сквозь меньший по численности отряд гронков, бронзовый цилиндр выскоцизнул из его поясной сумки и упал в песок. Гвальхмай достиг палубы, но враги гнались за ним по пятам.

Завидев карабкающихся на борт чудовищ и слыша предсмертные крики друзей, Гвальхмай на миг

потерял присутствие духа. Увернувшись от когтистых рук первого из преследователей, он погрузил меч по рукоять в слабо защищенное брюхо гронка — перекрывающие друг друга чешуйки сомкнулись вокруг клинка, когда враг согнулся пополам в агонии, и юноша обнаружил, что не в силах извлечь меч из тела.

Он метнулся в каюту, с грохотом захлопнул дверь и заложил ее засовом. Тяжелые тела ударились в преграду с наружней стороны. И, вновь обнаруживая разумность сродни человеческой, один из гронков вытащил за веревку из воды каменный якорь и швырнулся в дверь, сокрушая прочные дубовые доски.

К этому времени полчища чешуйчатых существ хозяйничали в лагере, откуда более не доносились ни боевые кличи, ни вообще какие-либо звуки, за исключением гнусного злобного бормотания. Пытаясь проникнуть в каюту, гронки теснились и толкались в дверном проеме, но Гвальхмай уже добежал до сундука Мерлина и схватил с маленького подноса могучий волшебный жезл.

Жезл извивался в руке, словно живое существо, когда юноша произносил заклинание, пробуждающее в талисмане силу. От обожженной ладони поднимались струйки дыма, но Гвальхмай stoически сжимал жезл до тех пор, пока не кончил заклинание. Один из гронков снова поднял каменный якорь и метнул его в человека, но это было уже предсмертное конвульсивное движение. Умирающее чудовище повалилось на палубу и начало разлагаться, едва коснувшись ее. В считанные секунды плоть отделилась от костей скелета. То же самое происходило на всем острове. Пиরующие погибали за едой, а спешившие утолить голод так и не успели достичь лагеря. Даже те, кто обитал на другом конце острова, умерли, так и не поняв, что случилось.

Гвальхмай лежал без сознания в луже собственной крови на полу взломанной каюты. Вокруг него и на палубе валялись скелеты гронков, но в живых не осталось никого, кто мог бы угрожать его жизни. Он лежал, невнятно бормоча какие-то слова, и когда глаза его открывались, смотрел по сторонам бессмысленным взглядом. В конце концов юноша заснул.

Начался спокойный прилив. Нос «Пернатого Змея» поднялся из желоба на песчаном дне и, поскольку все каменные якори были вытащены из воды нападающими, ничто не удерживало корабль у острова.

В то утро легкий бриз дул с берега, и драконоловый корабль поплыл прочь, медленно вращаясь вокруг собственной оси, ибо ничья рука не управляла им. Позже сильный восточный ветер понес его прочь от острова в открытый океан.

Спустя многие часы корабль подхватило течение Гольфстрима и быстро повлекло его прочь от Алата, прочь от родины и прочь от острова Смерти. Веками позже на сей остров высадились испанцы и дали ему имя Кайо де Хуэссос, Остров Костей. Ныне мы называем его Ки Уэст.

ЗОЛОТАЯ ПТИЦА

Гвальхмай очнулся, но он не помнил своего имени.

Юноша знал, что он человек и находится на корабле. Но как он очутился на нем и что это за корабль — не помнил. Однако ничто вокруг не казалось ему незнакомым.

Гвальхмай знал: вот это мачта, а это парус. Он тронул штурвал, и «Пернатый Змей» послушно повернулся — правда, медленно, ибо парус его был свернут. Гвальхмай поднялся на мачту, обрезал найденыши и закрепил полотнище. Теперь легкий ветер уносил судно на восток. Юноша почувствовал, что движется в верном направлении, но не понимал, почему он так считает.

Причина этой удовлетворенности таилась глубоко в недрах его поврежденной памяти. Юноша нахмурился, пытаясь вспомнить, — при этом собравшаяся складками на лбу кожа потянула за собой волосы, присохшие к ране у правого виска. Гвальхмай потрогал больное место пальцами и поморщился. Рана была глубокой и опухшей. Он выбросил за борт кожаное ведро, зачерпнул им воды и смыл с виска

кровь. Соленая вода жгла и разъедала рану, но после этого наступило облегчение.

Внезапно Гвальхмай ощутил страшный голод. Он едва держался на ногах от слабости и, когда нашел склад продовольствия, не смог открыть тую завязанный мешок пеммикана. Юноша вспомнил, что видел на палубе среди костей длинный нож и отправился за ним. Поход сей показался ему необычайно долгим. Отыскав нож и спустившись с ним в трюм, Гвальхмай сел напротив мешка, который так вкусно пах, и попытался вспомнить, зачем ему понадобился нож. После непродолжительного раздумья он взрезал лезвием мешок, и из разреза хлынула питательная масса.

Юноша жадно поедал ее обеими руками, пока не насытился. Размолотое в порошок постное мясо антилопы, смешанное с сушеными дикими вишнями, костным мозгом и рыбной икрой, усваивалось почти мгновенно. Очень скоро силы вернулись к Гвальхмаю. Он вложил короткий меч в ножны, которые до сих пор болтались у него на поясе, открыл кувшин с водой и напился. Некий инстинкт подсказал ему, что пить воду, по которой плыл корабль, не следует.

Затем юноша снова заснул и проспал вечер и ночь напролет. Все это время ветер по-прежнему дул с запада. Он продолжал увлекать корабль на восток и утром следующего дня, но дул теперь редкими легкими порывами и окончательно стих к полудню. «Пернатый Змей» лег в дрейф в экваториальной штилевой полосе.

При полном безветрии стало очень жарко. Смола размягчалась и вытекала из швов палубы. Парус безжизненно свисал с мачты. По мере медленного продвижения судна вперед Гвальхмай заметил, что разрозненные клочки плавучих водорослей, соединяясь, образуют зеленые островки, по которым ползают

крабы и насекомые. Дни шли, не принося с собой перемен. Гвальхмау удалось очистить палубу от скелетов, но при этом он подхватил лихорадку и, измученный болезнью, долго лежал в каюте при смерти.

Каждый поход к кувшину с водой и обратно давался ему с великими муками. И только упрямая решимость выжить заставляла его через силу давиться пищей. Шли недели. «Пернатый Змей» выбрался из течения Гольфстрима и вышел на спокойные морские просторы. Дождя не было. Островки водорослей постепенно разрастались в целые острова. Острова соединялись друг с другом и препятствовали движению позабытого ветром корабля.

Физические силы вернулись в Гвальхмаю, но в памяти его по-прежнему оставался провал. В один прекрасный день юноша сидел на юте с чашкой воды в руке, задумчиво смотрел на горизонт через море водорослей и вдруг увидел, что зеленый травянистый покров простирается повсюду, насколько хватает глаз. Рядом с застрявшим кораблем еще можно было различить полоски чистой воды, но дальше, в направлении, куда медленно дрейфовало судно вместе с травянистыми островками, никаких разрывов в плотной массе водорослей уже не виднелось.

Ничто не тревожило гладь моря. Лишь изредка через разные промежутки времени прокатывался по его поверхности длинный медленный вал — где-то на неизмеримой глубине шел по своим делам некий гигантский обитатель подводного мира. Спокойствие царило вокруг. И волны не разбивались с плеском о берега сего травянистого континента, и ветра не гуляли над ним. То было Саргассово море, ужасная гавань мертвых кораблей. Здесь солнце и безмолвие совместными усилиями сводили человека с ума прежде, чем голод дарил несчастному милосердную смерть.

Вдали лучи заходящего солнца сверкали на кам-то увязшем в водорослях предмете красно-золотистого цвета. Отхлебывая воду из чашки, Гвальхмай смотрел на золотой блик и размышлял над природой непонятного явления.

Спустившаяся тьма скрыла загадку от глаз, и юноша отправился спать. На следующий день предмет стал немного ближе.

В монотонном круговороте приходили и уходили дни. И ничто не отмечало ход времени, кроме понижения уровня воды в кувшинах и все более плотного сплетения водорослей под ленивым напором далекого Гольфстрима. Затем, как и следовало ожидать, кувшины опустели: запасы воды иссякли.

Медного цвета небо не обещало дождя, и Гвальхмай утолял жажду лишь росой, выпадающей на парусе за ночь, но те несколько капель, которые ему удавалось собрать, больше разжигали желание, нежели утоляли его. Юноша порылся в сундуке Мерлина в поисках какого-нибудь питья и нашел маленькую склянку, содержащую чуть больше ложки прозрачного сиропа. На вкус он оказался приятным, сладким и едким одновременно — и Гвальхмай выпил все.

Многие годы с помощью этого снадобья Мерлин сохранял свое здоровье и поддерживал силы, принимая его по капле. И, будь Гвальхмай в здравом уме и в других обстоятельствах, он, вероятно, поступил бы так же. То было бесценное зелье, стоящее всех сокровищ королей мира. Юноша почувствовал лишь, что жажда больше не мучит его, и не знал, что опорожнил единственный в мире пузырек, содержащий Эликсир Жизни.

Больше пить ему не хотелось! Потрескавшие губы его зажили, и сила и бодрость вернулись к нему. Каждый вечер Гвальхмай отмечал постепенное при-

ближение блестящей точки, очертания далекого сверкающего предмета стали уже почти различимыми, но опознать их пока не представлялось возможным.

Однажды, наблюдая за медленным закатом солнца, юноша вдруг увидел на фоне полускрытого за горизонтом сияющего диска вынырнувшее из моря чудовище с огромной лошадиной головой на длинной гибкой шее с косматой гривой, с которой стекала вода и свисали стебли водорослей. Оно застыло вдали, оглядываясь по сторонам в поисках добычи, но, не заметив судна, вновь погрузилось в воду. Вместе с ним исчезло за горизонтом и солнце.

Несколько недель назад Гвальхмай, устав от тяжести меча, перестал носить его. Теперь же он задумчиво спустился в каюту и вновь прицепил его к поясу и с того времени, днем ли, ночью ли, никогда не расставался с оружием.

Юноша скользнул с верхушки мачты мимо полусгнивших красно-зеленых лохмотьев паруса и задумался на миг. С недавно облюбованного наблюдательного пункта на мачте он обнаружил, что теперь появилась возможность приблизиться к интересующему его таинственному предмету.

Луна прибыла и убыла с тех пор, как в положении «Пернатого Змея» произошли сколько-нибудь заметные изменения, но в это утро странное влекущее сияние стало значительно ближе. Теперь, отделенный от Гвальхмая не более чем на милю предмет походил на скользящую по поверхности воды длинношею водоплавающую птицу, заснувшую со склоненной на грудь головой. Но существуют ли в природе птицы, столь огромных размеров?

Несколько днями ранее прошел дождь, и теперь за едой и питьем юноша изучал путь, которым следовало идти дабы достичь цели.

Как если бы желая заманить Гвальхмая к объек-

ту его стремлений, в ковре из водорослей за ночь образовалась дорожка чистой воды — хотя накануне, когда юноша отправлялся спать, ее и следа не было. Сей канал проходил в ста футах от «Пернатого Змея» и сворачивал на восток, прямо к загадочной птице.

По силам ли Гвальхмаю пробиться на своей маленькой лодке сквозь водоросли к протоку? Попытаться стоило. Внутренний голос подсказывал юноше: там ожидает его нечто прекрасное и желанное, но если он собирается действовать, надо спешить.

После часа наблюдений Гвальхмай заметил, что водная дорожка стала уже, нежели ранним утром. Внимание юноши должен был бы привлечь и тот факт, что края протока рваны, неровны и к ним прибиты вывороченные снизу пласти гниющей растительности — словно здесь, разрывая в клочья покров из водорослей, прошло некое огромное мощное тело и оставило за собой полосу чистой воды. Это обстоятельство ускользнуло от внимания Гвальхмая. Он видел перед собой лишь путь к цели — и ничего больше.

Молодой человек спустил за борт маленький челн и оттолкнулся от драконоголового судна. Поднимать парус он не стал, ибо ветра не было, и не взял с собой ни воды, ни пищи, хотя знал, что назад не вернется. Его по-прежнему слегка замутненное сознание не находило это странным. Неким таинственным образом Гвальхмай чувствовал себя ведомым — но не мог сказать кем или чем. Казалось, какой-то тихий голос разговаривает с ним без слов: указывает, приказывает и направляет его действия. И юноша всецело положился на волю голоса.

Сначала Гвальхмаю приходилось трудно. Водоросли собирались у носа челна и препятствовали его движению. Гвальхмаю пришлось часто останавливаться и раздвигать веслом травянистый покров пе-

ред лодкой, дабы иметь возможность плыть дальше. Спустя полчаса он добрался до протока, и тогда ему оставалось просто гребти двумя веслами или одним.

Полоса чистой воды тянулась подобием канала прямо к сияющему лебедю вдалеке. Очень скоро юноша удостоверился, что хотя это и не живое существо, но настолько точное его подобие, насколько в силах создать человек.

Положение головы и шеи загадочной птицы не изменилось. Клюв ее был приоткрыт, а глаз над ним закрыт. Векоказалось подвижным. По мере приближения к лебедю молодой ацтланец разглядел на обращенном к нему крыле перья, искусно отлитые и резные. Само крыло было повреждено: часть его оторвана, а края неровны и зазубрены, хоть и без следов ржавчины.

Гвальхмай подгреб ближе. Теперь, когда стало ясно, что предмет сей, безусловно, является кораблем, он не очень удивился. Нос «Пернатого Змея» оставленного им, представлял собой голову мифического чудовища с клыками и болтающимся языком. Вполне естественно, другие корабли могут быть сделаны в виде птиц.

Но где же открытая часть судна? Есть ли вход в него? Вдруг там находится какой-нибудь одинокий путешественник, подобный Гвальхмаю? Ему стоило обследовать корабль с другой стороны и выяснить это.

Молодой человек еще не успел пошевелиться, когда в мозгу его внезапно прозвенел тонкий голосок — словно крохотный набат, бьющий тревогу.

— Посмотри назад! — предупредил он, и Гвальхмай обернулся. Навстречу ему быстро приближалось существо, проложившее в водорослях ту самую дорогу, которой он воспользовался.

На высоте тридцати футов над водой поднималась огромная голова, облепленная зелеными водо-

рослями, пиявками и тучами насекомых. Глаза — каждый из которых превосходил размерами человеческую голову — злобно смотрели на Гвальхмая сверху вниз; веслообразные плавники били по воде, и волны вскипали белой пеной вокруг длинной шеи. Чудовище стремительно приближалось. Юноша не знал названия сего ужасного создания, но понял: то плывет сама Смерть!

Он вскочил на ноги в качающейся лодке и выхватил меч, когда над ним раздвинулись челюсти, более широкие, нежели челюсти дракона на носу «Пернатого Змея». Гвальхмай мельком увидел остроконечный язык, надвигающиеся на него страшные клыки и задохнулся в струе зловонного дыхания. Шипение, звучавшее громче вопля, оглушило его.

Молодой ацтланец ударил один раз изо всей силы и почувствовал, как острая сталь разрубает какой-то хрящ. Затем, потеряв равновесие от резкого движения, он упал на нос челна, а ужасная костлявая голова, подобно огромному валуну, с грохотом обрушилась на корму.

Высоко-высоко в воздух взлетел Гвальхмай, с решимостью отчаяния продолжая сжимать рукоять меча. Кувыркаясь в высоте, он бессознательным усилием вышел на прямую для входа в воду вниз головой и в стремительном падении пробил толстый слой водорослей, скопившихся вокруг золотого корабля.

Глубоко внизу, в прозрачной воде, по-прежнему крепко держа меч в руке, проплыл Гвальхмай под днищем корабля и даже успел заметить, что сходство с птицей сохранено и в нижней части корпуса. Резьба, имитирующая перья, покрывала металлическую обшивку, и, проплыв сначала под одной, потом под другой гигантской птичьей лапой, он увидел огромные металлические перепонки, которые дрожали и шевелились в колеблемой им воде.

Отталкиваясь от воды сильными ногами, Гвальхмай поплыл вверх. Ковер водорослей довольно быстро расступился под ударами острого клинка. Юноша вынырнул рядом с другим крылом огромной птицы — неповрежденным, но тоже бессильно плещущимся в воде. По волнистой резной поверхности крыла Гвальхмай вскарабкался на широкую спину птицы, быстро огляделся и убедился, что чудовище ушло на глубину. Бурное волнение под зеленым покровом водорослей покачнуло золотого лебедя и подняло на верх пузырьки газа, образующиеся при гниении растительности. Широкий чешуйчатый хвост ударил по открытой воде протока, и судно заплясало как щепка на поднятых волнах.

В тот же миг ужасная голова вынырнула прямо под челном Гвальхмая. Огромные челюсти сжали его, встряхнули, раздавили в щепки и выплюнули остатки.

Гвальхмай распластался на раскаленной под лучами солнца металлической поверхности, покрытой сухой соленой пылью. Он видел, как мутная слизь стекает с одной стороны драконьей головы. Чудовище ослепло на один глаз. Одним яростным ударом Гвальхмай рассек роговую оболочку глазного яблока.

Снова поднялась высоко над кипящей водой извивающаяся длинная шея. В поисках врага чудовище вертело головой. Юноша понял, что обнаружен, вскочил на ноги и застучал острием меча по спине птицы. Металл нежно звенел под ударами.

— Сюда! Помогите мне! — закричал он и занес над головой меч, дабы нанести морскому дракону мощный удар, который, безусловно, был бы последним.

Но что это? Металлическая поверхность задрожала под его мокасинами, дрожь передалась всему телу

лу — и трепет пробежал по всему корпусу корабля — если это был корабль!

Птица содрогнулась всем телом, как если бы напрягая мускулы. Мокрые крылья приподнялись и ударили по воде. Прекрасная лебединая шея выпрямилась вверх и откинулась назад. Сверкнули раскрытые глаза. Ослепительный белый свет полился из хрустальных зрачков, и птица, словно живая, устремила взгляд на свирепого титана.

Затем, пока молодой человек, обливаясь холодным потом, ожидал прикосновения к телу страшных клыков, клюв птицы раскрылся еще шире и из него с треском хлынул поток огня. При этом раздался удар грома столь мощный, что Гвалхмая, ослепленного блеском молнии и оглушенного грохотом, швырнуло навзничь на металлическую спину лебедя.

Змеиную голову сорвало и со страшной силой отбросило назад.

Рваные куски мяса, обожженные и обгорелые болтались вокруг обрубка шеи, из которого фонтаном била кровь. Затем туша чудовища, конвульсивно разрывая покров водорослей, слепо бросилась на покинутый драконоголовый корабль, разнесла его в щепы и утонула среди обломков.

Когда Гвалхмай очнулся, солнце стояло уже низко. Он по-прежнему лежал, где упал, и пальцы его по-прежнему крепко стискивали рукоять меча. Юноша поднялся на ноги и осмотрелся. Море было совершенно спокойным. Края протока уже сомкнулись и ни следа не осталось от него на ковре из водорослей. И ничего больше не напоминало о существовании «Пернатого Змея».

Гвалхмай занялся поисками входа в сей необычный корабль. Он искал долгое время и ничего не нашел.

Незадолго до наступления сумерек юноша пришел

к выводу, что вход, открывающий доступ к скрытым внизу тайнам, находится сразу за шеей, между плечами диковинной птицы, где на поверхности металла различимы едва заметные прямоугольные очертания. Но как именно можно проникнуть внутрь, Гвальхмай не понимал. Он пытался засунуть поглубже в тонкую щель лезвие меча, дабы отжать рычагом край люка, но, хотя материал казался эластичным и поддавался давлению, ни поцарапать, ни сдвинуть с места крышку не представлялось возможным.

Наконец с наступлением темноты юноша оставил свои попытки и улегся спать на этом загадочном металлическом покрытии, устойчивом против воздействия силы, но одновременно как будто мягким. Теперь металл казался упругим, теплым — и живым. Гвальхмай не мог отделаться от мысли, что огромная птица знает о присутствии человека, жалеет его и будет опекать и защищать его в течениеочных часов.

Хотя волшебное зелье сохранило юношу жизнь, оно не могло навсегда устранить нужды его тела. Голод и жажда заснули вместе с ним и вместе с ним проснулись под палающимими лучами утреннего солнца. На рассвете Гвальхмай снова попытался вскрыть предполагаемый люк, но безуспешно. К полудню страдания его стали нестерпимы.

Красновато-золотой металл, столь удобный ночью, превратился под тропическим солнцем в раскаленную сковороду. Прежде Гвальхмай лежал на койке в дрейфующем драконоголовом корабле, над ним зыбко дрожали испарения смолы, и спертого горячего воздуха не хватало для дыхания — но там была тень и вода для питья. Здесь же не было ни того, ни другого, и Гвальхмай страдал.

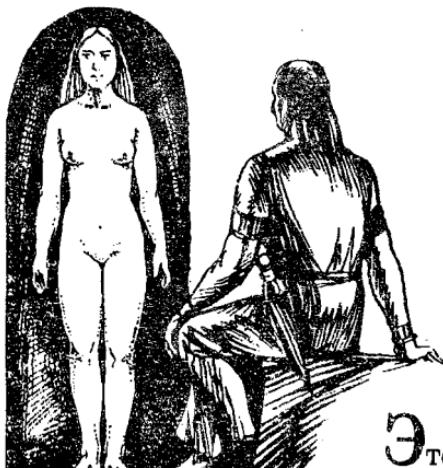
Мозги его под незащищенным черепом, казалось, испеклись. Ему стоило великих трудов произнести

слово или просто сглотнуть. Дважды окунулся Гвальхмай в тепловатую морскую воду и почувствовал некоторое облегчение. Но на третий раз ему едва хватило сил, чтобы вскарабкаться по широкому крылу обратно на птицу, и больше он не осмеливался спускаться к воде.

Наконец, окончательно отчаявшись получить откуда-либо помошь, Гвальхмай прохрипел: «Откройте! Откройте!» — и осекся, потрясенный. Крышка люка, перед которой оказались бесполезными все его усилия, легко и беззвучно поднялась. Короткая лестница вела вниз, в прохладные сумеречные недра птицы — и звонкое журчание воды приветствовало юношу. Ни на лестнице, ни внизу не было ни следа человека, поднявшего люк.

Без колебаний Гвальхмай спустился вниз, и едва он успел сойти с нижней ступеньки лестницы, крышка люка опустилась на место — так же бесшумно, как и поднялась.

СТАТУЯ В НИШЕ

Это напоминало погружение в воду спокойной чистой заводи. При прохождении сквозь полупрозрачные стены корабля солнечные лучи становились еще более золотыми. Сквозь борта отчетливо виднелась линия уровня воды, и пляшущие в ней блики всех оттенков меняли свой цвет от янтарного наверху — до нефритового, постепенно переходящего в аквамариновый, с увеличением глубины.

Пол был выложен черными и белыми плитками. Внутри корабля царила тишина до тех пор, пока Гвальхмай не шагнул вперед, влекомый вожделенным журчанием воды.

В тот же миг нежно зазвенели колокольчики — слитными аккордами и одиночными трелями. Гвальхмай остановился в растерянности, и музыка тут же смолкла. Очевидно, между его движениями и волшебными звуками существовала какая-то связь. Юноша заметил, что в данный момент он стоит на белой шашке.

Гвальхмай попробовал тронуть одной ногой черный квадрат.

В ответ на это движение раздался тихий перезвон серебряных нот, который повторился громче, когда молодой человек перенес всю тяжесть тела на черную плитку. Гвальхмай отступил назад на светлый квадрат. Снова воцарилось молчание. Теперь загадка получила объяснение. Лоб юноши разгладился — он смело двинулся вперед, и каждый шаг его вызывал к жизни музыкальную гармонию.

Пение арф и цимбал сопровождало Гвальхмая, когда он углублялся в недра корабля все дальше, восхищенный изображениями прекрасных сцен и пейзажей на стенах. Изображения сии — не нарисованные и не высеченные — производили впечатление волшебных окон, за которыми открывались виды мраморных городов с улицами, полными красивых сильных мужчин и очаровательных женщин, изображенных настолько достоверно, что, казалось, их ни-спадающие свободными складками одеяния, колышутся под ветром.

По мере его продвижения вперед монотонный гул деревянных духовых инструментов зазвучал аккомпанементом высоким голосам скрипок и монохорда. Звуки сливались, затихали и превратились наконец в ропот набегающих на берег волн, когда Гвальхмай остановился перед картиной с видом порта. Огромные суда, подобные тому, какой он исследовал сейчас, боролись с волнами залива или стояли у длинных причалов, где толпы темнокожих рабов занимались их разгрузкой.

Другие корабли парили высоко в небе, чувствуя себя так же уверенно среди облаков, как и на воде. А у входа в гавань одно из судов садилось на воду: крылья полусложены, перепончатые лапы широко расставлены, словно у чайки, готовой встретить удар волны.

Гвальхмай двинулся дальше. Пронзительно запели

трубы, угрожающие загудели барабаны, когда он приблизился к изображению сцены военных действий. Корабли-лебеди метали с неба яркие стрелы лучей, а навстречу им из маленьких городков внизу летели ввысь зигзагообразные молнии. Военный корабль с обгорелыми крыльями падал, вращаясь, чтобы исчезнуть в облаках огня и дыма, висящими над разрушенными стенами и башнями.

Гвальхмай отвернулся. Это была всего лишь картина. Жажда снова погнала его вперед. В конце длинного зала два коридора расходились в разные стороны. Юноша наступил на белую шашку, и музыка смолкла, пока он раздумывал.

Левый коридор резко скрочивал и вел назад, вдоль стены зала, который Гвальхмай только что пересек. Пол и стены его, некогда белые, ныне приобрели теплый оттенок старой слоновой кости, ибо толстый слой пыли покрывал их. Другой коридор уходил прямо вперед, к шее и голове огромной птицы, но конец его терялся во мраке.

Стены и потолок этого коридора, некогда сверкающие, словно полированное эбеновое дерево, тоже потускнели под слоем пыли. Однако среди сих явных свидетельств многолетней заброшенности и запустения отчетливо виднелись безошибочные доказательства существования где-то здесь, в сумрачных недрах корабля, — жизни!

Свежие следы человеческих ног небольшого размера вели в обоих направлениях. Гвальхмай наклонился, призывая на помощь весь свой опыт охотника и воина. Отпечатки остались от босых ступней изящной формы — и обладатель их спешил. В направлении к залу отпечатались одни носки ног, и лишь иногда пятка чуть смазывала пыль, касаясь пола. Следы частично перекрывались другими, ведущими в противоположном направлении: четкими отпечатка-

ми целой ступни. Это свидетельствовало о том, что человек шел назад спокойным шагом.

Таких двойных цепочек следов, оставленных одними и теми же ногами, было две. Следовательно, человек дважды выбегал из коридора и затем возвращался более медленно. Не он ли впустил Гвальхмая в корабль?

Юноша колебался всего несколько секунд, хотя чувствовал: там, в темноте подстерегает его некая неопределенная угроза, подобная хищнику, притаившемуся у тропы в ожидании ищущего за ней по пятам охотника. Гвальхмай едва заметно улыбнулся одними уголками губ — это незначительное свидетельство нервного напряжения приводило в трепет многих знаящих юношу людей.

Меч его бесшумно выскользнул из ножен: лучше заблаговременно приготовиться ко встрече с неизвестным и либо договориться с ним по-доброму, либо выяснить, каким еще образом возможно существовать с ним в мире. Гвальхмай шагнул в коридор — и в тот же миг затаившийся до времени хищник набросился на свою жертву.

Оглушительно загремели барабаны и духовые инструменты аккомпанементом к ведущей партии призывной трубы. Этот грохот заглушил журчание фонтана, который искал Гвальхмай. Почти в тот же миг пол коридора резко пошел под уклон. В устрашающей тьме юноша начал спускаться вниз, тщательно выбирая точку опоры для ног при каждом шаге.

По мере его продвижения вперед по узкому коридору странные угрожающие ноты появились в звучании музыкальных инструментов. Диссонирующие яростные голоса разрушали гармонию мелодии и, казалось, вырастали до почти членораздельного вопля, предостерегавшего Гвальхмая от дальнейших де-

рзких попыток. Может, впереди находится нечто запретное?

И снова почудилось юноше, что огромный корабль-тициа представляет собой нечто большее, нежели простое изделие из металла. Не был ли он в конце концов живым существом, а эти звуки — его голосом? Может, гармоничной музыкой он выражал свое согласие с действиями человека, а неистовыми диссонансами давал знать о своем недовольстве и гневе?

Снова Гвальхмай почувствовал себя затерянным в самом чреве гигантского существа, но упрямо стиснув зубы, продолжал на ощупь продвигаться по коридору, исследуя почти физически ощутимую темноту перед собой острием меча. Все глубже погружался он в оглушительный грохот, состоящий из отчаянного дребезжания литавр и мучительно фальшивого рева духовых. Все дальше уходил он вдикую какофонию, терзающую его слух и все его существо. Каждый звук болезненно отдавался в его мозгу. Но вперед! Вперед шагал Гвальхмай, дабы внезапно очутиться в другом зале, уступающем размерами первому, мирном, спокойном и залитым зеленым светом.

Сияние ослепило Гвальхмая; неожиданная, неуловимо зловещая тишина оглушила его, подобно сильному удару. Интуитивно юноша понял: он находится там, где ему не следует быть. Именно от сего святилища пытался отпугнуть его пронзительный голос корабля. Напряжение спало, это правда — но теперь Гвальхмай чувствовал, что приобрел себе непримириимого врага. Атмосфера ненависти сгустилась вокруг юноши, дабы отныне сопровождать его всюду в пределах корабля. Впоследствии Гвальхмай постоянно ощущал присутствие некоего враждебного ему начала. Возможно, то был «genios Ioci», которого он обидел и который, будучи беспощадным, сильным и тер-

пеливым противником, выжидал подходящего момента для мести.

Но в настоящий момент юноша не думал об этом. Увидев фонтан, зазывное журчание которого и привлекло его сюда, он бросился бегом через зал и сунул гудящую голову в прохладную чистую воду бассейна. И столь свежа и прозрачна была вода, и столь неутолимой казалась жажда, что лишь значительным усилием удалось молодому ацтланцу заставить себя оторваться от бассейна.

И лишь подняв голову, он заметил наблюдавшую за ним девушку.

Она стояла на слегка приподнятом над полом помосте в нише, в дальней стене, начисто лишенной любых украшений. Девушка была совершенно обнаженной. Никакие одежды ничего не могли прибавить к красоте ее тела, и ничего похожего на смущение не отразилось на ее безукоризненно правильном, но совершенно бесстрастном лице. Обеими чуть вытянутыми вперед в просительном жесте руками она как будто приглашала юношу подойти поближе.

Несколько долгих секунд Гвальхмай напряженно всматривался в лицо девушки. Никто из них не произнес ни слова, и тишину нарушал лишь мелодичный плеск струй в бассейне.

Солнечный свет, лившийся сквозь полуупрозрачный, изумрудный потолок на розоватый пол, отражался на прекрасном женском теле и превращал его в восхитительное подобие нежно-розовой жемчужины в перламутровой обители. Время замерло в ожидании...

Затем Гвальхмай поднялся с коленей и, зачарованный красотой девушки, начал огибать бассейн, не глядя себе под ноги. Что-то хрустнуло и сухо треснуло под его мокасинами. Он опустил глаза и без особого удивления (ибо странным здесь казалось все) увидел, что наступил на груду человеческих костей.

Юноша осторожно переступил через них и остановился напротив девушки. Она не пошевелилась и никаким образом не выразила страха перед вторжением незнакомца в ее одинокую обитель.

С робостью, неожиданной для воина, столь доблестно сражавшимся с морским драконом, Гвальхмай положил ладонь на плечо девушки — и отшатнулся с коротким разочарованным смешком. Создание это не имело ничего общего с человеческим существом, способным стать ему другом среди бескрайнего моря!

То была всего лишь статуя, сделанная из того же странного металла, что и корабль: красноватого оттенка, как и его собственная кожа, теплого, превосходящего прочностью бронзу и сталь, но едва ли не более упругого и мягкого на ощупь, чем живая плоть. Обладал ли сей металл жизнью... своей, особенной жизнью?

Гвальхмай не был в этом уверен. Снова потрогал он статую — щеку, шею, грудь. Волосы девушки легко рассыпались в ладони и шевелились от его дыхания. На золотом теле появлялись ямочки, когда он осторожно надавливал на него пальцем. Но точно так же поддавалась при нажатии и стена ниши. Да! Девушка была изваяна из металла. Из странного, чудесного, сверхъестественного металла — но без признаков жизни.

У Гвальхмая оставалась еще одна возможность удостовериться в этом — пусть и кощунственная. Юноша приставил острие меча (по-прежнему зажатого в его руке) к боку девушки и резко провел лезвием сверху вниз, до бедра. Ничто не дрогнуло в золотом лице. Гвальхмай приставил меч к изящно округленному бедру и с силой повернул его.

Ни царапины, ни вмятины не осталось на алмазно-твёрдой поверхности тела: то была статуя из металла — и ничего больше!

Глубоко разочарованный и одинокий Гвальхмай, томимый желанием разгадать дразнящую тайну, исследовал кости с целью выяснить по возможности больше. Сухие, хрупкие, почти обратившиеся в прах, они рассыпались в пыль при прикосновении — каковое обстоятельство, безусловно, наводило на мысль о глубокой древности останков.

Один скелет — с золотым ожерельем тонкой работы на шее — явно принадлежал женщине, а второй — мужчине: у левого бедра его лежал короткий кинжал, а у правого — небольшой инструмент с раструбом. От пояса, некогда поддерживающего эти предметы, не осталось и следа, как не уцелело ни одной ниточки от одежды мертвцевов. Но против металла время оказалось бессильным.

Гвальхмай поднял незнакомый инструмент и с любопытством осмотрел его. Может ли этот предмет быть оружием? Для боевой дубинки он слишком легок. Возможно, это приспособление для метания каких-нибудь снарядов? Но раструб был перекрыт толстым диском, вырезанным из тяжелого кристалла. Никакой снаряд из раструба не вылетит! Жизнь внезапно стала полной загадок. Гвальхмай заметил, что обе голени воина перебиты, и вспомнил, что на ноги скелета он не наступал. Юноша наклонился с целью получше рассмотреть места переломов. При этом палец его случайно скользнул в паз на рукоятке инструмента и надавил на него.

В следующий момент яркая вспышка света почти полностью ослепила Гвальхмая. Оружие (в природе предмета теперь сомневаться не приходилось) резко дернулось в слабо сжатых пальцах, и в зале поднялись клубы пыли.

Когда к Гвальхмаю вернулась способность видеть, он обнаружил, что оба скелета исчезли вместе с золотым ожерельем и ножами кинжала. Клинок же,

отлитый из таинственного сверкающего металла, не пострадал от выстрела, как не пострадал и пол под ним — хотя и покрылся сажей и копотью от сгоревших костей.

Юноша с уважением посмотрел на зажатое в руке смертоносное оружие. Подобное приспособление, но значительно больших размеров, поразило чудовище, с которым он сражался. Но если к этому растробу следовало прикладывать силу, дабы заставить его выстрелить, значит, из другого орудия кто-то выстрелил сознательно, желая спасти человеку жизнь. Но кто именно?

В настоящий момент ответить на сей вопрос не представлялось возможным, но юноша решил тщательно обследовать корабль и найти своего неизвестного благодетеля, столь застенчиво избегающего притащающихся ему благодарностей.

Тремя днями позже Гвальхмай продолжал поиски, но уже без особой надежды.

За это время он обшарил все пыльные углы на корабле, начиная от камбуза в хвосте птицы, кончая крохотной кабиной за огромными выпуклыми глазами, по-прежнему открытыми. Из них онглянулся. Клюв лебедя был полуоткрыт. Гвальхмай потянул за рычаг и увидел, как молния с грохотом врезалась в море, и потрескивающие языки пламени начали лизать гниющие водоросли.

Значит, таким образом оружие приводилось в действие. Но где же стрелявший, где его неизвестный спаситель? Не было его ни в оборудованной лестницей шее, ведущей вниз к залу с фонтаном, ни в большем зале при входе в корабль. Гвальхмай свернулся в левый коридор, который, огибая большой зал, уводил вниз.

Помещения внизу были более темными, хоть и тоже освещенными переливчатым мерцанием, которое

испускали все стены судна. В передней, грудной части птицы размещался просторный грузовой отсек, забитый сундуками из эластичного листового металла толщиной с лист бумаги, который невозможно было ни порвать, ни разрезать мечом. Сундуки легко открывались, если их потянуть за небольшое ушко, всегда находящееся в верхнем правом углу. Когда крышка откидывалась, раздавалось шипение входящего внутрь воздуха: то есть сундуки были загерметизированы.

Эта находка спасла ему жизнь. В некоторых сундуках Гвальхмай нашел сушеные фрукты, в других — густую мясную пасту, похожую на пеммикан, вкусную и питательную. Любой продукт следовало лишь размочить в воде: тогда он разбухал и превращался во вкусную пищу. За прошедшие три дня юноша научился распознавать знаки на крышках, обозначавшие два вида продуктов. И хотя он был уверен в существовании и других запасов съестного, уже найденная им пища вполне удовлетворяла его нужды.

Случайно прислонившись к кнопке на стене, Гвальхмай обнаружил в камбузе печь: при нажатии кнопки установленная в металлическом ящике у стены решетка начала мерцать красным светом. Над этими раскаленными прутьями Гвальхмай готовил нехитрую пищу в горшках необычной формы и ел ее с помощью рук и ножа из мисок, подобные которым ему никогда не приходилось видеть прежде.

Из труб в стене лилась вода, поступавшая, как полагал юноша, из резервуара в верхнем зале, где постоянно был фонтан.

В центре корабля, ниже уровня воды размещалось машинное отделение. Здесь Гвальхмай был совершенно сбит с толку. Назначение механизмов, очевидно, состояло в приведении корабля в движение по воде.

Юноша мог проследить систему массивных стержней и рычагов, которые тянулись от лап огромного лебедя. Он рассудил, что до повреждения крыла судно это могло летать, подобно судам, изображенным на стенах большого зала, и утвердился в этой мысли по ходу дальнейшего исследования. Часть стержней, способных эксцентрически двигаться и сгибаться, приводила в движение рычаги оперенных крыльев — что подтверждало правильность этой догадки. Но Гвальхмай по-прежнему оставался в недоумении, будучи не в состоянии понять природу двигающей корабль силы.

Машинное отделение приводило Гвальхмая в трепет. Постоянное жужжание и гул порой перекрывались угрожающим ворчанием, доносившимся из глубины механизма. В такие моменты кольцо Мерлина, которое юноша по-прежнему носил на пальце, становилось горячим. Объяснить причины этого явления Гвальхмай не мог, но интуитивно чувствовал, что это предупреждение об опасности, и настораживался. Кроме того, время от времени без видимой на то причины металлические детали при трении друг о друга высекали жирные голубые искры — и это тоже заставляло звенеть напряженные нервы Гвальхмая. Под металлическими пластинами пола, здесь совершенно прозрачного, юноша увидел маленькую рыбку, метнувшуюся прочь. Он ничего не стал здесь трогать, хотя жадное любопытство и заставило его лавировать между рычагами и заглядывать в каждую щель в безуспешных поисках иной жизни.

Все-таки жизнь здесь была! Юноша ощущал ее присутствие в воздухе: что-то легко покалывало его кожу, обжигало скользь, заставляло вставать волосы дыбом и пощипывало ступни. Но то была не известная ему форма жизни.

Ничего человеческого не ощущалось в пронизыва-

ющих его волнах холодной ярости. Гвальхмай не испытывал страха. Смелость его никогда не ставилась под сомнение. Но тревога охватывала его в сем вместилище силы, и он теперь не находил возможным допустить наличие эмоции, хотя бы отдаленно напоминающей человеческие, в качестве составной части сей дикой ненависти, которая давила и плотно облегала его со всех сторон, словно вторая кожа.

На третий вечер Гвальхмай почти окончательно убедился в бесполезности дальнейших поисков. Он сидел в зале с фонтаном, рассеянно плаща руками в воде, и хмуро разглядывал прекрасную статую. Зеленый свет, тускнеющий по мере того, как солнце опускалось за горизонт, наполнял зал покоем и красотой. Есть в этом цвете некое целительное свойство. Это цвет всего живого, цвет самого жизненного сока Матери-Земли — благословение и блаженство скрыты в нем. В этом, и только в этом зале Гвальхмай чувствовал себя желанным гостем.

Вдруг одиночество показалось юноше просто нестерпимым, и воспоминания бурным потоком хлынули в его сознание. Ацтлан, отец и мать, важная миссия и клятва выполнить ее, лица мертвых товарищей, приходящихся ему братьями — все это и больше этого вспомнил Гвальхмай в потоках струящегося света и уронил лицо в ладони, и застонал от сознания безнадежности своего положения.

Затерянный в водных просторах пленник на единственном корабле, прочно застрявшем в море водорослей! Одинокий, не имеющий возможности выполнить свою клятву. Здесь он нашел лишь одного товарища: слепое бесчувственное изделие из металла, прекрасное, как сон ангела, но лишенное голоса, эмоций, души.

И тишина тяжело висела над ним. Не летали в тех небесах птицы, не выпрыгивали рыбы из-под

покрова водорослей, не жужжали насекомые в горячем воздухе. После того как Гвальхмай проник в это святилище в первый день, никакие звуки, кроме журчания фонтана, да угрожающего рева, доносящегося из вместилища загадочной силы, не нарушали мертвую тишину корабля. Юноша наступал на белые и черные квадратики, топал по полу темного коридора — но ни тончайшим звоном, гармоничным ли, нет ли, не отвечал корабль на его усилия. И Гвальхмай слышал лишь шум, производимый собственными ногами.

Сидя и рассматривая искусное произведение какого-то давно умершего художника, юноша понял, что даже прошлое одиночество на безлюдном драконоголовом корабле предпочел бы он настоящему — ибо там не было этого подобия жизни, призванного дразнить и мучить его.

Гвальхмай вспомнил, как в далеком детстве развлекал его старый седобородый крестный, Мерлин, заставляя похожий на человечка корень мандрагоры прыгать и скакать перед ним.

Он помнил то заклинание. Не попробовать ли его? И вдруг словно тихий шепот раздался над ухом Гвальхмая: ему внезапно пришло в голову, что никакой нужды в магии — черной ли, белой ли — вовсе нет. На этом корабле ему стоило лишь отдать приказ, чтобы любое желание его исполнилось. Ничто не подтверждало подобную мысль — то была лишь случайная фантазия. На корабле не было ни человека, ни вещи, способной исполнять приказания. Тем не менее, данное соображение подвергло Гвальхмая на дальнейшие раздумья.

Ожидая нападения чудовища на спине корабля-лебедя, он не молил о помощи. Он требовал.

— Помогите! — воззвал юноша, и неизвестный благодетель откликнулся.

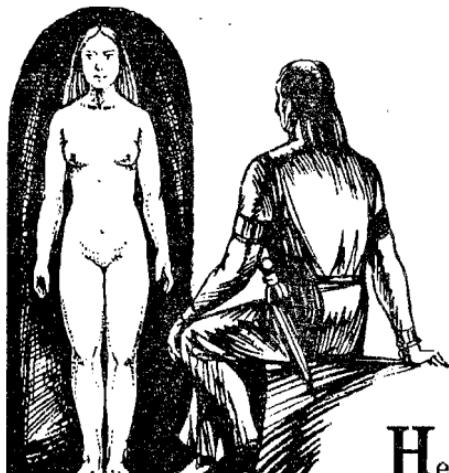
Криво усмехаясь своему смехотворному безумию, Гвалхмай мрачно взглянул на прекрасную статую и с трудом выдавил:

— Подойди сюда и заговори со мной, если можешь.

И металлическая девушка легчайшей поступью сошла со своего пьедестала, направилась к Гвалхмай, в двух шагах от него опустилась на колени со склоненной головой и проговорила нежным голосом, звучащим словно приглушенный золотой колокольчик.

— Я здесь. Что хочет мой повелитель от своей служанки?

КОРАБЛЬ ИЗ АТЛАНТИДЫ

Нельзя сказать, что Гвальхмай не удивился. Он отшатнулся, как сделал бы на его месте любой другой человек, — но оправившись после первого потрясения, не чувствовал больше никакого трепета. Девушка была так прекрасна, что ее доброта и милосердие не вызывали сомнений, и нежный голос, хоть и металлический по тембру, совершенно обворожил Гвальхмая.

— Расскажи мне о себе, — попросил он. — Как ты здесь оказалась и из какой страны прибыла? Не ты ли выстрелила в морского дракона? Есть ли на судне еще кто-нибудь из тебе подобных существ, и могу ли я рассчитывать на их благорасположенность?

Девушка начала говорить, не меняя выражения лица и не поднимаясь с коленей:

— Когда я была живым человеком, теплым от дыхания жизни, меня звали Коренис. Я жила вместе со своим отцом, Кольраном, астрологом, на горной вершине в затонувшей ныне земле Посейдонис. Знакомо ли тебе это название?

Ацтланец отрицательно покачал головой.

— Именно этого я и боялась, — печально вздохнула девушка. — Даже память о моей погибшей родине канула в вечность, и я одна помню ее. Знай же, о человек: Посейдонис, островной континент, обширный и могучий, каким он был во времена моей юности, являлся всего лишь ничтожным осколком великой земли Атлантиды, которая приняла гибель за свои грехи.

В наказание за зло, чинимое обитателями Атлантиды, Дух Волны из века в век поглощал мили морского побережья, отдавая пастища, фермы, деревни и города народу подводного царства.

Но люди продолжали творить зло, ибо не видели греховности в своем образе жизни — и пространства суши неуклонно сокращались с течением времени.

— В чем же состояла их греховность? — с любопытством спросил Гвальхмай.

— Убийство, непростительный грех! Бессмысленное умерщвление человека человеком — грех, который люди называют войной!

Атлантида была владычицей мира. Ее колонии и вассальные государства простирались по всему земному шару. Она покорила их мечом — видя в этом свое величие! — и стала в глазах богов не более чем отвратительной язвой, оскверняющей даже то, что еще осталось чистым. В течение долгих веков боги карали Атлантиду землетрясениями, пожарами, извержениями вулканов, потопами — пока, наконец, от континента не остался единственный остров, Посейдонис.

Только тогда, хоть и с опозданием, очередное поколение отказалось от войн. Оно выросло, не зная бесхитростного поклонения здимому миру и его символам, и стало почитать Духа Волны. И сразу же народ начал процветать. Море перестало поглощать суши. Когда же жители Атлантиды научились жить

в мире, прекратили воевать и требовать дани, Ахуни-и, Дух Волны, принял человеческий облик и пришел к людям в образе прекрасной женщины.

В продолжении сего повествования девушка ни в малой степени не изменила выражения лица и позы, и голос ее, хоть и мелодичный, звучал монотонно. Гвальхмай прервал рассказчицу:

— Ты не могла бы подняться на ноги и вести себя пораскованней? Тебе ни к чему стоять передо мной на коленях.

Девушка не пошевелилась.

— Находясь в этом теле, я могу только повиноваться конкретным приказам. Оно предназначено для служения человеку и его действия ограничиваются схемами, встроенными создателем. Если тебе хочется, чтобы я встала с коленей, ты должен приказать мне сделать это или дать моему сознанию возможность управлять сим искусственным телом самостоятельно.

— Как это делается?

— Между лопаток у меня находится выступ. Поверни его трижды вправо — и я смогу действовать по собственной воле.

Найти выступ не представляло труда, ибо это была единственная выпуклость на безукоризненно гладкой спине девушки, но повернуть ее оказалось непросто, ибо он был округлым и скользким. Наконец Гвальхмаю удалось повернуть выступ нужное число раз — и золотая девушка поднялась на ноги.

Теперь из металлического изваяния она превратилась в живого человека. Коренис обратила лицо к Гвальхмаю и улыбнулась. Сейчас она показалась молодому человеку гораздо более красивой, нежели прежняя бездушная статуя. Девушка отошла на несколько шагов и возвратилась на прежнее место. Музыкальный звон нежных колокольчиков сопровож-

дал каждое ее движение, производимое с легкостью, сродни человеческой.

Гвалхмай пришел к выводу, что в Атлантиде некогда жили великие мастера.

Девушка потянула Гвалхмая за руку и усадила рядом с собой на край бассейна. Рука ее казалась живой и теплой, но в мягких пальцах чувствовалась сила, способная стирать камни в пыль. Модуляции, интонации и чувство появились в нежном голосе. Коренис была живой!

— Ax! Когда бы ты видел великую красоту длинных зеленых волн, катящихся в священную гавань Коликиноса, ты бы тоже преклонился — как и все посейдонцы — перед Духом Волны. Именно здесь, как гласит древняя легенда, Ахуни-и явилась смертным, выйдя из кипящей пены, и они, все еще темные духом, пали ниц и поклонились ей. В Коликиносе жила она, пока смертное ее тело не состарилось и в слабости своей не утратило способность отвечать ее желаниям. В Коликиносе же вернулась Ахуни-и в Волну: она уходила все дальше и дальше вместе с отливающим морем, пока, наконец, не схватилась за белую гриву сереброногого коня, который унес ее в коралловый дворец. Там, вечно молодая, живет она и поныне в ожидании часа, когда снова наступит для нее пора пробудить доброе начало в сердцах избранного народа.

Жрец Ахуни-и, многие годы служивший богине, залил следы ее маленьких ног на песке расплавленным золотом и возвел вокруг них дорогу из многоцветного мрамора, которая уходила от прибрежного луга далеко за низкую точку отлива. Это самое красивое место в Коликиносе — вернее, было им, ибо Посейдона более не существует!

— Не существует? — эхом повторил Гвалхмай. — Но почему?

Глубокая скорбь зазвучала в голове Коренис.

— Проклятье пало с небес на наш древний мир. Мужчины научились ненавидеть войну, стали мягкими, миролюбивыми и служили искусству. Однажды сухой горячий ветер подул на Город Золотых Ворот, и жителей его охватило безумие. Они бесчинствовали на улицах, бросались друг на друга без причин и, подобно диким зверям, разрывали на части как случайных встречных, так и друзей. Они проклинали и убивали встречных в горячечном бреду ненависти и неукротимой ярости. Внезапно ветер стих — и с ним прошло безумие...

Но этот ветер появился вновь на другой стороне земного шара: он спустился на землю прямо с небес, как никогда не дул ни один из известных доселе ветров. Он докнул на Бассалонию — и народ ее, пораженный безумием, хлынул через границу своей страны. Шандага сгорел в одну ночь, и Форфар, и Ниназар, сей могущественный город! От всех них остались лишь пепел, руины да могилы. Жители их пали от мечей, дубинок и безжалостных рук убийц — а ведь никто из вовлеченных в войну людей не питал друг к другу никакой неприязни прежде.

Зимба Буи, Город Золота, ощутил горячее дыхание этого ветра, обжигающее сильней полуденного тропического солнца, — и чернокожие пришли с топорами и копьями в нашу колонию рудокопов и не оставили от нее ничего, кроме костей и развалин.

Забили барабаны в Шамбала. Валузия раскололась на враждующие государства и взревела от страшной боли гражданской войны. Охваченная ненавистью и недоверием ко всему миру, страна Посейдонаис вооружилась в одну ночь!

Виманы, наши мирные корабли-лебеди, были спешно оборудованы орудиями — и огромный флот, застивший при взлете сияние дня, устремился на

север, в Киммерию, навстречу вражескому флоту, который, как мы знали, собирался направиться в нашу сторону. Два флота столкнулись возле Конгора, и по свидетельствам историков море вскипало от жара, излучаемого при взрывах кораблей. Ни один, ни другой флот домой не вернулся.

Подобные сражения происходили на всем земном шаре. И лишь когда силы всех народов истощились, обнаружилась причина сего великого раздора. Однажды небо над Белым Островом в море Гоби вдруг превратилось в подобие перевернутой огромной чаши, полной густой огненной массы. Прежде, чем ошеломленные люди внизу сгорели заживо, они успели увидеть гигантский черный корабль, спускающийся на землю.

То был проклятый Повелитель Темного Лика! Явившись с утренней Звезды, он, невидимый, парил над густонаселенными территориями и с помощью своего коварного искусства сеял раздор между народами. Когда же все государства ослабли, и их способность к сопротивлению иссякла, космический корабль Повелителя спустился с высот, дабы покорить бескровленную Землю.

Он шел на посадку в море огня! Мощные вибрации звука и раскаленного воздуха обрушились на море Гоби и превратили его в мертвую соленую пустыню. Белый Остров выгорел дотла, и все живое на нем погибло. Но Повелитель Темного Лика населил его своими подданными.

Большинство их являлись воплощениями его собственной порочной мысли, но они обладали своей собственной жизнью, целиком и полностью отданной Злу. Их посланцы, принимая облик представителя того или иного народа, ходили по всем странам с проповедью темного евангелия Королевства Пан. Долгим путем постепенной деградации, ведущим к пол-

ному вырождению, прошли все люди в жажде греха телесного и величайших мерзостей, доступных лишь духу.

Только в Посейдонисе было оказано действительное сопротивление пришельцам. Долгое время в темных подземных пещерах, откуда открывался доступ в самые недра земли, существовал тайный культ жрецов Полночного Солнца. Там под покровительством Богов нижнего Мира практиковалась черная магия, и искусство жрецов Полночного Солнца нашло применение в сих ужасных обстоятельствах. Жители Посейдониса с полным единодушием вооружились всем, чем только было можно, дабы выступить войной против Одуарпы, Повелителя Темного Лика.

Сияющие храмы Ахуни-и опустели, их покинули даже жрецы, когда пришли известия о том, что полчища обманутых людей со всей Земли, ведомые в боевом строю пришельцами из космоса во главе с Одуарпой двинулись в нашу сторону, чтобы отплыть к Посейдонису с ближайших берегов. В тот отчаянный час люди зыбыли взглянуть в квадратные, полные сострадания глаза Духа Волны, дабы утвердиться в мудрости и смелости. Они даже не верили, что Ахуни-и может спасти их. Они бросились в самые недра Земли, в пещеры под Силуанскими Холмами, и там, в Царстве вечной ночи, обрели то, что искали.

Никто из спускавшихся под землю не делился впоследствии своими впечатлениями об увиденном, но они нашли там страшную Страну Темного Солнца и внешне стали очень похожи на ее обитателей.

Из длинных подземных туннелей возвратились они наверх когтистыми длиннорукими чудовищами. У некоторых выросли кожистые крылья, а иные потеряли способность передвигаться на двух ногах и превратились в рогатых, покрытых шипами и вдвойне опасных существ. В безумных их взглядах горело

желание убивать. В подземной стране телесная форма каждого обитателя становилась подобием его духа. Дух же искали и уродовали жрецы Полночного Солнца с помощью своего богопротивного искусства до тех пор, пока тот не превращался (независимо от того, насколько милосерден был прежде) в грязную душу убийцы.

И вот войско, состоящее из мужчин и женщин, пересекло море и встретилось с захватчиками у Гебира. В своих Виманах обрушились они на вражеские армии, разбили и уничтожили их. Хлопья огня сыпались с неба, подобно снегу. Целые страны превратились в выжженные равнины. Одуарна был убит, и со смертью Повелителя Темного Лика исчезли все военачальники пришельцев, ибо их псевдожизни являлись всего лишь продолжением его собственной воли. А безжалостные убийцы из Посейдониса продолжали бродить по изуродованному лицу Земли, разоряя, без нужды убивая, растаптывая целые цивилизации, сокрушая произведения вечности.

Белый Император отозвал их на родину, но многие не вернулись и вошли в пантеоны других народов как наводящие ужас божества, которых можно умилостивить лишь кровью и слезами. Чудовища с головами ястреба, и собачьими мордами, с телами обезьян, львов или быков! Наши возлюбленные граждане Посейдониса, которые дрались, претерпевали муки и потеряли свои души во спасение родины, оказавшейся в опасности!

Несколько тысяч воинов вернулись назад. Белая магия боролась с черной в целительных храмах, дабы спасти от зла наших защитников и одновременно величайших наших преступников. Иные уже не подлежали исцелению и были милосердно умерщвлены. Остальные вновь обрели человеческий образ, но души их остались безнадежно изуродованными. Поведение

их было непредсказуемым, и малейшее раздражение разрешалось приступами неуправляемой ярости.

Однако невзирая на порочность, явившуюся следствием предыдущего опыта, народ почитал сих людей за героев. Дабы они могли по-прежнему жить и наслаждаться жизнью по возможности полно, правительство выделило для них остров недалеко от побережья Алата.

Остров сей был окружен силовой стеной, преодолеть которую не представлялось возможным, — таким образом изгнанники не могли более разносить по свету свою ужасную болезнь. С ссылыми обошлись весьма мягко и создали им все условия для безбедного существования. Целые семьи отправились жить с теми, кого любили, и на протяжении многих последующих веков обитатели сей земли обретали счастье в выполнении своего предназначения. То был плодородный остров, и время от времени новые обитатели появлялись на нем: туда ссылали осужденных убийц, ибо разве может государство убить убийцу, не став убийцей само?

Долгие годы правительство посыпало на остров запасы продовольствия. Но в конце концов изгнанники научились сами добывать себе средства к существованию и, поскольку помочь островитянам больше не требовалась, посейдонцы почти забыли о них. Молодая страна, оставшаяся единственной цивилизованной страной на планете, претерпевала страшные страдания в течение многих последующих веков.

Весь мир впал в состояние первобытной дикости. Люди снова вернулись в леса и пещеры. Кое-где они даже утратили знание об использовании металлов и огня. Дух Волны, считающий Посейдонис в какой-то мере виноватым в общем упадке цивилизации, вызвал таяние ледников и отступил на север. Поднимающиеся воды его негодования поглотили крупные

острова Рута и Даитья, уцелевшие после предыдущего потопа.

Вода наступала на сушу и в других местах. Трёхвога объяла людей. Снова отказались они от войн — и последний счастливый период настал для умирающего континента Атлантида. В это-то время я и появилась на свет.

Несколько веками ранее исследовательская экспедиция пересекла мертвое дно моря Гоби в поисках легендарного Белого Острова. Подробные сведения об этой экспедиции утрачены, но ее участники нашли в пустыне космический корабль Одуарпы и исследовали связанные с ним тайны. Корпус его был сделан из металла неземного происхождения. Материал сей назвали орихальк.

Это единственный металл на свете, который обладает жизнью. При добавлении крохотной частицы его к большому количеству свинца последний превращается в ртуть, ртуть — в золото и наконец золото — в орихальк. Из этого металла сделано мое тело и весь корабль Вимана до последней детали!

Любое тело или вещь из орихалька питается солнечной энергией и покорно подчиняется приказам человека.

После этого открытия, сделанного с помощью обнаруженных на космическом корабле записей, жизнь обитателей Посейдониса стала намного легче. Искусственные мужчины и женщины, почти неотличимые от настоящих, без всяких жалоб выполняли всю необходимую тяжелую работу, не требуя за это платы. Не знающие устали, прекрасные и быстрые корабли-лебеди бороздили небеса, перенося людей с места на место согласно их капризной воле! Жизнь стала слишком легкой. Она потеряла цель. Наступила скука.

Как я уже упоминала, Кольран, мой отец, был

астрологом. Я помогала ему в его работе в обсерватории, расположенной высоко в Сиуанских Холмах, наблюдая из ночи в ночь за звездным небом, как это делали тысячи других астрологов, дабы новые гости из космоса не застали нас врасплох.

Мы обращали наши взоры в небо, земля безмятежно дремала вокруг, и на глади темных вод близлежащего залива отражался мягко сияющий серп луны. Никто и не подозревал, что опасность уже крадется к нам из подземного царства.

После великой войны народов посейдонцы в страхе завалили вход в страну Темного Солнца, опечатали его талисманами и закрыли доступ в недра земли, как они полагали, навеки. Но теперь скучающие праздные глупцы вновь отворили врата к скверне и спустились под землю, а по проложенному ими пути вышли наверх обитатели Темной Страны, дабы захватить Верхнюю Землю.

Мощный подземный толчок сотряс нашу обсерваторию, и мы с отцом увидели вспышку огня над разверзающейся горой Гартола. Отец развернул в ту сторону небольшой телескоп и навел резкость. Но и невооруженным взглядом я могла видеть, как чернокрыльые существа выбираются из недр горы и устремляются вниз, на равнину, к спящему городу.

С побелевшим от страха лицом отец уронил телескоп, схватил меня за руку и потащил на посадочную площадку, к нашей Вимане.

Подземные толчки почти сбивали нас с ног. Вимана покачнулась и упала с площадки. Но без нашей помощи восстановила равновесие и взмыла в воздух, расправив крылья.

Отец направил ее к горе Гартола. Мы парили над полчищами омерзительных существ и поливали их огнем из орудия. Вимана летала взад-вперед вдоль линии их наступления. Очевидно, он надеялся за-

гнать сих чудовищ обратно под землю, но если так, то надежды его не оправдались. Дух Волны наконец окончательно разгневался на глупость грешных жителей Атлантиды.

Далеко в море мы увидели вскипающий белый вал, который неуклонно приближался к суше, пока мы описывали круги над Гартолой, истребляя врагов. Гребень волны поднимался выше любой горы, виденной мной прежде. Она обрушилась на Коликинос, и в тот же миг навстречу ей устремились с гор потоки пламени. Море хлынуло в Темную Страну, Посейдонис с грохотом взорвался. Что-то ударило по крылу Виманы. Раздался страшный треск и я поняла, что мы падаем, но удара корабля о воды не помню.

Очнулась я от страшной боли. У меня был сломан позвоночник, жить мне оставалось считанные секунды. Отец лежал рядом и тоже страдал от боли. У него была сломана рука, обе ноги и несколько ребер. Он находился в ужасном положении.

— Дочь моя, — с трудом прошептал он. — Тела наши умирают. Все же нам нет нужды умирать прежде, чем мы сами не пожелаем этого. Давай возьмем себе тела наших слуг.

Он говорил о двух телах из орихалька, предназначенных для служения человеку. Одно из них, всегда доступное для хозяина в случае необходимости, украшало сей зал, как произведение искусства. Другое же, упакованное, хранилось про запас. Тела-слуги обычно являлись точными копиями членов семьи, владеющей ими. Сведущий человек мог переселить свое астральное тело в механизм, становясь таким образом его последнего. Подобные вещи часто практиковались, когда физическое тело человека уставало от жизни и мешало духу, по-прежнему полному энергии, разрешить какую-либо проблему или закончить некий эксперимент. Привыкнуть к новой телес-

ной оболочке и взглянуть новыми глазами на окружающий мир ненамного труднее, чем прижиться в новом доме после переезда.

— Я знаю, — перебил девушку Гвальхмай. — В колдовских книгах моего крестного отца, Мерлина, рассказывается о таких вещах. Это называется переселением души.

— Да, это называется переселением души. И вот мы решили взять себе тела из орехалька, а их сущности заставить переселиться в наши собственные. Качка на бурных волнах океана причиняла мне мучительную боль. «Все что угодно, отец, — задыхаясь проговорила я. — Но только делай это быстрей!»

Отец устремил пристальный взгляд на женскую фигуру в нише, и я тоже сосредоточила на ней свои мысли. Внезапно боль отпустила меня. Я открыла глаза (хотя не помнила, как закрывала их) — и обнаружила, что стою, глядя сверху вниз на два искалеченных тела на полу. Эксперимент прошел удачно. «Подойди ко мне», — слабым голосом велел отец.

Я подошла к нему, чувствуя себя при этом обычной земной девушкой, что казалось весьма странным, хотя данное металлическое тело создавалось как мое точное подобие. Отец приподнялся насколько мог, пытаясь дотянуться до кнопки у меня на спине. Прежде подобные эксперименты никогда не проводились без ассистента, который должен был находиться поблизости и повернуть кнопку по завершении обмена телами. Я могла бы поднять отца, но он не дал мне приказа сделать это, а сия зависимая оболочка подчиняется только командам. Я не могла помочь ни ему, ни себе самой.

Добрая рука отца поднялась до моих коленей, потом до талии... Воздух с тяжелым хрипом вырывался из легких умирающего. Отец уже дотронулся

до моей спины — и вдруг рука его бессильно упала, я услышала удар тела о пол и поняла, что он мертв, но ничего не могла поделать. О, Ахуни-и! Я не могла даже заплакать.

Затем металлическое тело, не получив никаких дальнейших указаний, вернулось на свое место в нише — как делало всегда по выполнении команды. Сойти с этого постамента по собственной воле я никогда не смогла бы. Здесь, удерживаемая в вертикальном положении тяготением магнита,остояла я бесчисленные годы. Волны швыряли корабль из стороны в сторону, ветры носили его по морям, наконец водоросли тесно обступили его — но ничто не могло заставить меня пошевелиться. Я посыпала свое астральное тело во все концы мира. Дух мой странствовал по свету. Иногда я на короткое время взглядела на мир чужими глазами и прислушивалась к нему чужими ушами. Я узнала любовь, ненависть и смерть — но узнала через чувства других людей, а не через свои собственные.

Я видела, как великие народы восстают из варварства и уходят в забвение, и как другие народы десятки раз возводят новые гордые города на руинах старых, самые имена которых давно стерлись в памяти людской. Я видела, как поднимаются и опускаются континенты, подобно морским волнам, как на месте лесов появляются пустыни, а озера обращаются в сушу, и суша вновь в озера. И я стояла здесь и ждала.

Развлечения ради я выучила наречия, ни одного слова которых не слетает ныне с языка живого существа — но странствуя по свету и накапливая знания, я оставалась заточенной в своей тюрьме.

И вот однажды, озирая море глазами альбатроса, я заметила твое маленькое деревянное судно, дрейфующее с морем водорослей в сторону Виманы. Я

пристально наблюдала за тобой. Тебя надо было подманить ближе, и я заставила морского змея проложить дорогу сквозь водоросли, рассчитывая, что любопытство погонит тебя по ней. У тебя сильный ум, когда он не болен. Мне не удалось заставить тебя выполнять мои желания — и это удивило меня.

Остальное ты знаешь. Но знай также и следующее. Я ничем не смогла бы помочь тебе, не отдай ты этому непокорному моей воле телу определенных приказов. Я глубоко благодарна тебе, ты можешь требовать от меня любых услуг — и я охотно сделаю все, что в моих силах. Наконец-то я стала сама себе хозяйкой! Хозяйкой своего тела!

— У меня нет никаких просьб, — сказал Гвальхмай. — Я не знаю, кто я и как попал сюда. И я устал от одиночества.

Коренис пристально взглянула в лицо молодого человека. Потом сжала его виски ладонями и притянула голову Гвальхмая к своей груди. Прикосновение золотых рук было нежным и успокаивающим, а волосы Коренис, упавшие на плечи Гвальхмая, оказались мягкими и шелковистыми, как волосы девушки из плоти и крови.

Юноша почувствовал, как некая целительная сила льется в его мозг. Внезапно память его наполнилась воспоминаниями. Он снова обрел себя. Он вспомнил своих родителей и свою миссию. Он вспомнил свою клятву выполнить долг во что бы то ни стало...

И вот Гвальхмай, в порыве благодарности упав на колени, поведал девушке свою историю и выразил надежду на то, что теперь с ее помощью для него станет возможным выполнение данной им клятвы. Конечно, судьба уберегла Гвальхмая от смерти на острове, где погибли тридцать его товарищей, только для того, чтобы он смог успешно осуществить свою миссию.

К удивлению юноши Коренис согласилась помочь ему. Молодая веселая улыбка озарила девичье лицо, ибо облик молодого ацтланца радовал ее сердце. Гвальхмай заметил эту улыбку и на миг усомнился в правдивости истории, поведанной девушкой. Возможно ли, чтобы она не была живым человеком? Он внимательно рассматривал ее. Все, за исключением крохотных золотых вспышек под полуопрзрачной кожей и золотистого оттенка тела, обличало в Коренис живую девушку, подобную любой из тех, кого он знал в Ацтлане.

Нагота ее не смущала Гвальхмая. Выросший в жарком климате, он видел в любой одежде лишь средство украшения тела или защиты его от ненасилья. Это казалось естественным, как и должно было быть. И когда Коренис начала заплетать свои металлические волосы и укладывать их венчиком на голове, на локтях у нее появились ямочки. У Гвальхмая перехватило дыхание — настолько женственным был каждый жест девушки, стоящей перед ним с чуть откинутой назад головой.

Самое незначительное движение Коренис было исполнено грации и красоты, и молодой ацтланец почувствовал волнение, подобное которому не вызывала у него ни одна из девушек в столице Майяпан — а ведь они являлись гордостью Империи.

— Коренис, а при жизни ты выглядела так же, как видишься мне сейчас?

— Ты хочешь посмотреть, какой я была тогда? — спросила она почти застенчиво.

— Да, хотел бы, будь это возможно. Но ведь с тех пор прошло столько лет...

Коренис выдвинула ящик стола и вынула оттуда прозрачный кубик. В нем находились две маленькие фигурки.

— Так выглядели мой отец и я в последний мой день рождения. Поднеси это к глазу и прижми плотнее.

Теперь фигуры показались Гвальхмаю нормально-го человеческого роста. Они зашевелились и улыбнулись друг другу. Мужчина что-то сказал. Девушка рассмеялась в ответ и закружилась, окутанная волнами белого шелка, под восхищенным взглядом мужчины. Лицо последнего выражало великую любовь. Девушка поцеловала его в щеку.

Потом они обнялись и стали, глядя прямо в глаза Гвальхмаю. Молодой человек ахнул: девушка в кубе как две капли воды походила на живую статую.

— Это ты — и там, и здесь! Ты совершенно не изменилась!

— Я же говорила тебе, что скульптура изваяна с моего живого тела. Теперь, благодаря твоей помощи, я снова жива.

— Сколько лет тебе было тогда, Коренис? Сколько лет тебе сейчас?

Но Коренис, занятая своей прической, явно не расслышала вопроса, и, хотя молодой человек повторил его дважды, ничего не ответила. Закончив правлять волосы, девушка серьезно взглянула на Гвальхмая.

— Я помогу тебе сдержать клятву. И буду чрезвычайно рада исполнить все твои просьбы, насколько это в моих силах. Но я тоже связана некоторыми обязательствами, не менее серьезными, чем твои. После долгих веков наблюдений за греховностью мира я дала своим предкам одну клятву. На мир надвигается угроза, противостоять которой могу лишь я одна. А иначе многие другие страны погибнут, подобно Атлантиде и по той же причине. Я поклялась любым способом отвести это зло от мира, если когда-либо обрету свободу, — и Ахуни-и вняла мне и послала тебя на помощь. Это обещание связывает меня теперь.

Наблюдая за тобой — с этим мечом и этим кольцом на пальце, — я убедилась, что твоя поддержка

может оказаться ценной. Если ты не желаешь последовать за мной, я сейчас же доставлю тебя к месту твоего назначения, помогу тебе завершить твою миссию и отвезу обратно на родину. Но я была бы рада видеть тебя рядом, когда буду выполнять свой долг — ибо мне сможет понадобиться содействие, а время уходит.

— И куда же повлечет нас сейчас твоя клятва? — спросил Гвальхмай.

— На Север! На север, к побережью Алата! На север, к последней уцелевшей на Земле колонии Атлантиды — к Нор-Ум-Бега, острову Убийц!

— Я пойду с тобой, Коренис из Коликиноса! Клянусь своим мечом, которым ты всегда можешь располагать в случае нужды!

Возможно, с тех пор, как человек впервые познал связующую силу рукопожатия, никогда еще не скреплялось подобным образом соглашение более странное и чреватое столь далеко идущими последствиями.

Разговаривая таким образом, молодые люди снова присели на бортик бассейна. Вдруг Коренис вскочила на ноги с мелодичным звоном, сопровождавшим каждое движение ее тела.

— Следуй за мной! — воскликнула она голосом, подобным колокольчикам эльфов, и направилась вниз, в машинное отделение. Там, как и прежде, под прозрачным полом проплывали рыбы, лучи золотисто-зеленого света дрожали над гудящими механизмами, и стебли водорослей лениво шевелились под днищем судна в медленных струях течения. Вырабатываемая машинами энергия с глухим ворчанием толчками исторгалась в море, как это происходило в продолжение нескончаемых веков. Наконец пришло время ей подчиниться разуму и снова заработать на человека.

Впервые неприятное чувство, будто здесь за ним тайком наблюдает враг, покинуло Гвальхмая. Это помещение теперь внушало ему не больше страха, нежели любое другое, — разве что оставалась в воз-

духе некоторая напряженность, заставлявшая юношу держаться от машин подальше.

— Из-за сломанного крыла лететь мы, к сожалению, не можем, — сказала Коренис. — Тем не менее, как ты сам можешь видеть сквозь прозрачные панели пола, лапы лебедя неповреждены. Наше путешествие займет чуть больше времени, но мы достигнем места назначения по воде так же успешно, как достигли бы его по воздуху.

— Но как насчет этих густых сплетений водорослей? В силах ли судно преодолеть их сопротивление?

— Можно выжечь огнем канал через сей покров, но при этом энергия Виманы может иссякнуть прежде, чем мы успеем выйти из моря водорослей. Но существует и более простой способ.

Коренис нажала пять клавиш на расположенным горизонтально пульте управления, и Вимана очнулась от своего долгого забытья. Из-под днища корабля с шумом вырвался воздух и кипящими пузырями начал подниматься вдоль прозрачных бортов. Стебли водорослей забились и заметались в восходящих потоках, и тени их заплясали на стенах. Вода хлынула в потайные резервуары судна. Подобно ныряющей птице, Вимана погрузила под воду голову на длинной изогнутой шее — и ушла на глубину, оставив после себя лишь пятно чистой воды среди сплошного ковра водорослей.

Все глубже и глубже по широкой спирали уходил корабль, приводимый в движение мощными ударами перепончатых лап. Все глубже и глубже — и постепенно померк дневной свет, сумерки воцарились в помещениях судна, и вечный холод великих глубин вытеснил из тела Виманы накопленное веками тепло солнца.

Коренис нажала на другие кнопки: раскаленные решетки в стенах начали излучать жар, и снопы

ослепительного света ударили из глаз птицы. Морские обитатели, случайно попавшие в яркий луч на пути спускающегося по спирали корабля, бросались врассыпную от неведомой угрозы. Среди них встречались огромные и наводящие ужас существа со щупальцами и мощными грозными челюстями, способными перегрызть любой металл.

Гвальхмай с трудом подавил дрожь. Но девушка сидела неподвижно, глядя сквозь прозрачный пол вниз, где поисковые лучи Вимана разрезали темную воду, словно широкие светлые лезвия.

Внезапно с коротким вскриком она резко нажала на клавишу. Корабль с горящими огнями прекратил погружение и завис на этой глубине. Дно, видное теперь, как берег в туманный день, плавно скользнуло под полом и дрогнуло от колебания воды. Несколько мгновений Гвальхмай видел только волнующуюся тину и широкие борозды, оставленные на дне каким-то пресмыкающимся, — но напряженный взгляд Коренис свидетельствовал о том, что она заметила еще что-то.

Затем, словно пелена спала с его глаз: бесформенная куча грязи внизу начала приобретать правильные очертания, и скоро Гвальхмай смог рассмотреть купол, установленный в центре широкого прямоугольного основания. Рука металлической девушки дрогнула на пульте управления. Она указала вниз и пробормотала:

— Атлантида! Узри своих людей!

На куполе покоилось длинное лентообразное туловище, кольцами обвивающее нечто, наполовину скрытое от взора. Когда существо производило глотательное движение, по расслабленному телу его проходила судорога. Ужасный змей поднял голову, привлеченный незнакомым светом, и Гвальхмай с Коренис рассмотрели зажатые в кольцах его тела кости

морского дракона, обглоданные практически уже на- чисто и все еще перемешанные с обломками саксон- ского корабля.

Гвальхмай собирался спросить, нельзя ли отыскать среди обломков сундук Мерлина с волшебными сокровищами, но ужасное существо находилось в нерешительности всего несколько мгновений. Затем оно широко раскрыло челюсти с рядами частых клыков и, протяжно извиваясь, поплыло к Вимане, желая исследовать природу странного гостя.

Как ни быстро двигалось чудовище, Вимана оказалась проворней. Она снова устремилась наверх по наклонной прямой и достигла слоя воды, доступного солнечному свету, который пробивался слабыми лучами сквозь сплетения водорослей. Час за часом они быстро шли вперед, держась прямо под ковром из длинных стеблей. Гвальхмай уже утомился, но отчаянно боролся с сонливостью. Наконец девушка, чье металлическое тело не знало усталости, поняла его нужду.

Скоро они уже оказались в зале, где изображения на стенах повествовали о минувшем величии Атлантиды. Ни слова не говоря о том, что она собирается делать, Коренис приподнялась на носки и начала танцевать. Легко как перышко, как лист на ветру, девушка кружась перепрыгивала с одной черной шашки пола на другую, вызывая к жизни мелодии, подобным которым не внимало ни одно человеческое ухо с тех пор, как море поглотило Посейдонис.

Все нежней и слаже звучали волшебные музыкальные гармонии, не нарушаемые ни единым диссонансом. Грациозно качалась и замирала гибкая фигурка, и каждое движение ее являлось гимном Прекрасному. Веки Гвальхмая медленно тяжелели и смежались. Он опустился на мягкую металлическую скамью, и музыка смолкла.

Улыбаясь сама себе, Коренис пошла через зал. Она переступала на цыпочках с плитки на плитку, но теперь в ответ не раздавалось ни звука. Молчали даже нежные колокольчики ее механического тела.

Нажатием потайной пружины девушка откинула от стены мягкую складную кровать, о существовании которой Гвальхмай и не подозревал. Коренис подняла молодого человека легко, как мать поднимает ребенка, и заботливо и осторожно уложила на постель.

Все изделия из тканей давно исчезли с Виманы: об этом позабочились влажный морской воздух и время. Но ложе это по-прежнему оставалось мягким и удобным, словно пуховая перина, ибо было сделано из чудесного орихалька, который мог быть и мягче пуха, и тверже алмаза.

Коренис оставила спящего юношу и направилась в смотровой отсек, расположенный в голове птицы. Она установила приборы судна на восприятие мысленных приказов и сосредоточилась. Скорость Виманы возросла. Широкие перепончатые лапы забили по воде с удвоенной силой, и на глубине пятидесяти футов под уровнем моря Вимана устремилась на север. Странная девушка не мигая смотрела вперед сквозь стеклянные глаза птицы — не знающая усталости, не по-человечески сильная, сосредоточенная и внимательная. Только ей одной были известны ее мысли и мысли Виманы — ибо корабль тоже мыслил, но так, как не умело еще ни одно живое существо и ни один человек от сотворения мира.

Гвальхмай не проснулся, когда, выйдя далеко за пределы моря водорослей, гигантская птица устремилась наверх по отлогой прямой и вынырнула на поверхность спокойных гладких вод. Новый день застал юношу по-прежнему спящим, потом наступила ночь.

По воде лебедь плыл быстрее. Он легко рассекал волны и как мог помогал себе крыльями. Откинув назад длинную шею и положив голову между лопаток, Вимана стремительно неслась вперед.

Гвальхмай спал и спал, словно ровный гул машин успокаивал и убаюкивал его измученное тело. Вибрации судна не тревожили спящего, как не тревожило и мягкое покачивание лебедя из стороны в сторону, происходящее когда два гигантских весла поочередно отталкивались от воды.

Еще одну ночь корабль-лебедь неуклонно стремился на север, но уже медленней — ибо следовал теперь вдоль каменистого берега, заросшего густым лесом. Когда вскоре после восхода солнца Гвальхмай проснулся, постель под ним больше не дрожала, но молодой человек ощущал легкое покачивание судна на воде и слышал плеск мелких волн у бортов.

Для того чтобы одеться, Гвальхмай понадобилось лишь натянуть мокасины. И оставив оружие внизу, он поднялся на спину Виманы в поисках девушки. Воздух был прохладен, и юноша с удивлением заметил, что ранняя осень уже окрасила листья кленов и дубов, растущих по берегам небольшой бухты, где, укрываясь от морских бурунов, корабль стоял на якоре. До сих пор Гвальхмай не осознавал, сколько месяцев минуло со дня его отплытия, и не догадывался, какое теперь время года. Оказывается, несколько сезонов сменили друг друга, пока «Пернатый Змей» медленно дрейфовал в южном море водорослей. Да, он потерял многие месяцы, из его жизни вычеркнуты сотни драгоценных дней, в течение которых он мог бы далеко продвинуться на своем пути к цели.

Крик с берега оторвал его от мрачных мыслей, и Гвальхмай увидел Коренис.

— О-и! — прокричала девушка и помахала рукой. — Ты действительно вернулся к жизни? Бери свое оружие и сходи на берег!

Гвальхмай смеясь помахал ей в ответ и через

несколько секунд снова появился на палубе, полностью вооруженный. Широкое вытянутое крыло птицы касалось кончиком одного из разбросанных в воде у берега валунов. Прыгая с камня на камень, Гвальхмай легко достиг берега, где его ждала Коренис.

От веселости ее не осталось и следа, когда юноша приблизился. Задержавшись лишь на мгновение, дабы коротко пожать товарищу руку, девушка безотлагательно приступила к делу и спешно повлекла Гвальхмая прочь от воды к опушке леса.

Здесь она остановилась и указала пальцем на землю, где начиналась едва заметная узкая тропинка, уводившая в лес.

— Много раз дух мой следовал за людьми, проложившими сию тропу, бессильный предостеречь их от ошибок, которые они намеревались совершить. И вот теперь я нахожусь здесь в физическом теле и здесь начинаю приводить в исполнение свою клятву! Ты должен сказать сейчас, о человек, со мной ли ты? Если мы тронемся в путь с этого места, то уже не повернем назад.

— Веди меня, — ответил Гвальхмай. — Я иду за тобой.

Коренис улыбнулась.

— Я знала, что смогу положиться на тебя. Но сначала нужно сделать одну вещь. Пока ты спал, я немного углубилась в лес по тропе, дабы убедиться, что опознала местность верно.

Поскольку идти нам придется далеко, мы не можем оставить Виману у берега. Ее может обнаружить и захватить какой-нибудь враг. Я отшлю ее в открытое море, за черту горизонта — там она будет ожидать нашего возвращения.

— Я не понимаю тебя.

— Сейчас поймешь.

Коренис повернулась к морю. Сквозь просвет в зарослях деревьев отчетливо виднелась бухта и ле-

жащая на воде Вимана. Не делая ни одного сколько-нибудь заметного движения и не произнося ни слова, девушка устремила на корабль пристальный взгляд.

Гвалхмаю как будто послышалось слабое пощелкивание, донесшееся из прекрасного тела Коренис, — эти звуки ничем не напоминали обычный музыкальный перезвон сопровождавший ее движения. И в тот же миг со стороны бухты донесся резкий лязг. Вимана сама поднимала якорь!

Далеко вытянутое ее крыло сложилось и плотно прижалось к сверкающему корпусу, длинная шея выпрямилась вверх, и лебедь повернула мощную голову к лесу в поисках своей хозяйки. Коренис повелительно взмахнула рукой: огромная птица поколебалась несколько мгновений (почти как человек в нерешительности), потом развернулась, вздымая пенистые буруны, и устремилась в море.

— Но как тебе удалось сделать это? — спросил глубоко озадаченный ацтланец.

Коренис рассмеялась музыкальным серебристым смехом.

— Возможно, в мое тело встроены приборы для управления Виманой на расстоянии. А возможно... — Тихий голос зазвучал насмешливо. — Возможно, корабль просто понимает меня! Ведь мы с ним созданы из одной плоти!

Гвалхмай недоверчиво хмыкнул. Продолжая тихо посмеиваться, Коренис начала углубляться в лес. Недалеко от опушки небольшой ручеек с пресной водой пересекал тропинку — здесь юноша лег на землю и долго жадно пил.

Коренис стояла и смотрела на товарища, понимая его нужду. С легкой завистью она вспомнила, что когда-то века назад она тоже пила и ела, с наслаждением удовлетворяя потребности тела из плоти и крови.

— Ты, наверное, и проголодался тоже? — спросила девушка. — Совсем из головы вылетело. Я-то пытаюсь прямо от солнца, мне не приходится поедать растения и животных. Я не взяла для тебя провизии. Но вон там между деревьев растет виноград с фиолетовыми гроздьями. Может, пока ты подкрепишься им?

Коренис подождала, пока Гвальхмай срывал с лоз тяжелые спелые гроздья, чуть подслащенные морозом, и жадно ел ягоды. Некоторые кисти он откладывал в сторону, дабы взять их с собой в дорогу.

— Наверное, эти ягоды сочны и сладки? — чуть печально поинтересовалась девушка. — Помнится, я страшно любила виноград — очень давно, когда была живой.

Гвальхмай кивнул молча — ибо рот его был набит до отказа — и они продолжали уходить по тропе все глубже и глубже в лес, оставляя бухту далеко позади.

Нунганей из племени Абенаки лежал плашмя на высокой ветке дуба — словно гремучая змея, которую он напоминал желтым узором смерти на животе и черными пятнами на спине. Щеки его были вымазаны золой и, наблюдал с высоты за лесной тропой, он тихонько напевал песню смерти.

Этой дорогой обычно ходили рыжеволосые убийцы из Акилинека, Острова Демонов, находящегося где-то в открытом море.

Точного местонахождения острова он не знал. Однажды тридцать челнов отправились на его поиски. Большой военный отряд, цвет трех племен. Никто из воинов не вернулся назад, схваченный либо прожорливыми зелеными волками Сквенты, морской богини с квадратными глазами, либо Хоббамоком Мерзким,

который обитал на том острове как проклятие рода людского.

Два раза в год косматые убийцы совершили разорительные набеги на леса Абенаки: через месяц после того, как снег сходил с холмов, и незадолго до того, как выпадал снова. Победить их не удавалось ни разу. Они приходили, когда хотели, — вооруженные тяжелыми топорами, одетые в рубашки, от которых отскакивали стрелы, и военные головные уборы, о которые разбивались каменные томагавки.

Они грабили, убивали, разоряли селения и снова уходили в море — и исчезали за горизонтом в своих странных каменных лодках (ибо Нунганей ничего не знал о металлах), тяжело нагруженных майсом, мехами, мясом и пленниками.

После их ухода люди из племени Нунганея оставались в страшной нужде. Они по-прежнему держались за родные места, за исконные охотничьи угодья, ибо страстно любили свой край и отказывались как переселяться в иные земли, так и согласиться с положением покоренного народа. Они всегда принимали бой, хотя никогда не побеждали.

В ожидании врага Нунганей мрачно размышлял на эту тему, мягко вонзая каменный топорик в толстую кору дерева.

Ороно, вождь, высмеял планы мести, которыми поделился с ним молодой воин после последнего набега убийц, когда Косанипп, его брат по крови, был захвачен в плен. Но Нунганей не позволил себе впасть в уныние. Он продолжал ежедневно взбираться на облюбованное им высокое дерево с сумками булыжников за спиной.

Сейчас на высоте сорока футов над землей висели две огромные сумки из цельных шкур взрослого бурого медведя, доверху набитые камнями. Между ними крепилась решетка, сплетенная из стволов моло-

дых деревьев, утыканная кольями в фут длиной, заостренными и обожженными до твердости камня. Сильный удар томагавком по единственному ремню разом отпускал все хитрые крепления, которые удерживали конструкцию в воздухе над тропой.

Он посмотрит, осяжутся ли сии каменные люди столь же неуязвимыми против этого, как против дротика и копья. Затем Нунганей молниеносно спустится вниз по сыромуятному ремню, который находится у него под рукой, и спрыгнет в самую гущу врагов, дабы убивать, убивать и убивать, пока не будет отомщен Косаннип и пока сам он не упадет бездыханным.

В том, что он будет убит, Нунганей не сомневался. Не было еще на свете человека из рода людского, который смог бы выстоять против топора Демона. Молодой абенаки не переставал изумляться необычайно скорому возвращению убийц после предыдущего набега. Как правило, они ограничивались одним походом в полугодие, хотя старики говорили, что во времена их дедов враги совершали по три набега в год, а Нкарнаю (во времена еще более отдаленные) приходили в эти земли даже чаще. Нунганей просто надеялся (без всяких на то причин), что убийцы вернутся и попадут в приготовленную им ловушку.

Испокон веков, казалось, эти демоны, эти Чену, преследовали Абенаки, Людей Рассвета. И вот теперь они снова были здесь, и он ждал их. Уон-пи, рыбак, увидел их на берегу и бросился в деревню предупредить людей. Тогда Нунганей отыскал этот могучий дуб и приготовился к встрече.

И вот, наконец, они вышли из-за деревьев, бесшумно ступая по тропе. Неужели эти Чену столь самонадеяны, что посчитали возможным вдвоем проходить между вигвамов, забирая себе пригляднув-

шиеся вещи? Из горла Нунганея вырвалось тихое сдавленное рычание. Он еще посмотрит!

Но кто это такие, во имя Кехтана?

Одеяния мужчины отчасти походило на одежду захватчиков, но волосы его были темными, а не пла-менно-рыжими, и кожа бронзовая, а не бледная, как у Чену. Спутница же его не имела ничего общего ни с одной из женщин абенаки. Тело ее, ничем не прикрытое, с виду напоминало прочный покров, который Чену снимали и одевали по желанию. Она была прекрасным демоном — и должна была умереть!

Оба пришельца мало походили на убийц. Однако они пришли с моря, вооруженные незнакомым оружием. Одно это обличало в них врагов!

Еще два десятка шагов... десять... пять!

Темные глаза абенаки сверкнули, и топор его обрушился на ремень, поддерживающий сетку с кольями.

Долгое время Гвальхмай и Коренис шли молча. В лесу было очень тихо, и ничего не предвещало опасности, пока вдруг не вскрикнула поблизости голубая сойка. Затем над головами их раздался шум падения некоего предмета, который заставил металлическую девушку обернуться и прыгнуть к спутнику с ловкостью древесной кошки. Коренис с силой оттолкнула юношу в сторону и, чуть присев, приняла на себя всю силу мощного удара.

Распростертый на спине Гвальхмай выхватил из-за пояса огненное оружие. Луч лиловато-серого света с треском ударил в дерево, и Нунганей, который к тому времени уже повис на ремне, готовый к спуску, полетел вниз в дожде щепок.

Вся верхушка дерева с оглушительным треском повалилась на землю. Гвальхмай увидел, как раскра-

шенное человеческое лицо упало рядом с ним, вокруг него кольцами лег сыромятный ремень — и тут же все это исчезло под грудой шелестящих листьев. Гвальхмай прыгнул вперед, выдернулся из-под ветвей оглушенного Нунганея и, отступив на несколько шагов, уже собирался поразить его смертоносным огнем, когда Коренис воскликнула:

— Не убивай его! Я хочу поговорить с ним!

Гневно сверкнув глазами, Гвальхмай заставил угрюмого пленника замереть под прицелом грозной линзы и обернулся на голос. Коренис с рассыпавшимися волосами, целая и невредимая, без единой царапины, стояла среди обломков решетки. Многочисленные зубья конструкции, поломанные и перекошенные, вонзились глубоко в землю. По обеим сторонам решетки на тропу рухнуло два груза: при ударе сумки лопнули, и булыжники разлетелись далеко во всех направлениях, взрывая при падении плотный дерн, словно рыхлую грязь.

Удивленный малым ростом спутницы, Гвальхмай сначала мог только глупо ухмыляться. Коренис же, оставшаяся женщиной и среди кучи искореженного дерева, в первую очередь позаботилась о том, чтобы стереть пятно грязи с лица. Она безмятежно улыбнулась в ответ юноше и быстро расчистила путь перед собой, легко отбрасывая в стороны толстые ветви могучего дуба изящными руками, столь хрупкими и слабыми на вид.

Затем, оставаясь по-прежнему по колено в земле (куда ее вогнал мощный удар падающей решетки), она сделала семь шагов вперед, взрывая пластины мягкой почвы с такой легкостью, словно это был снег. Когда Коренис приблизилась к Нунганею, у того задрожали колени, хоть он и был настоящим воином. На краткий миг абенаки бессильно оперся спиной о дерево и простонал: «Мтеолин! Волшебница!» Но за-

тем, гордо выпрямившись, он запел песню смерти. Взгляд его выражал отчаяние — но уже не страх.

Гвальхмай удивленно взглянул на Коренис, когда та обратилась к абенаки на его родном языке.

— Человек! Ответствуй! Ты знаешь меня?

— Хо! Бумола, Женщина Ночи ты! Та, которую не поразить копьем и не ранить топором! Убей меня скорей и дело с концом.

Коренис быстро соображала. Легенды абенаки были знакомы ей. Многие зимние вечера, которые принято коротать за рассказыванием сказок, она в тоске по людям, незримая, навещала вигвамы и длинные дома, ища возможности узнать что-нибудь новое и забыть о своем бесплодном существовании. Если она сможет использовать сии легенды для выгоды дела — прекрасно. Тем легче будет ей выполнить свою задачу.

— Верно, Нетоп. Я — Бумола. А это — Глускал Великий, Повелитель Грома. Очень давно поклялась я помочь абенаки в борьбе против врагов и наконец пришла пора сойти к вам на некоторое время. Вы должны относиться к нам, как к простому охотнику и его подруге. Мы хотим жить среди вас, играть с вами, возможно, сражаться за вас, если вы окажетесь достойными этого!

Объятый стыдом Нунганей упал на колени перед Коренис, но девушка положила на плечо воина маленькую руку, словно посвящая его в рыцари, и произнесла:

— Нумчалс! Поднимись! И будь с нами как равный — ибо если мы пришли помочь тебе, то для начала и сами нуждаемся в твоей помощи. Я должна появиться в твоем селении одетой на манер женщин вашего племени. В противном случае меня не признают за представителя рода людского и заподозрят в недобрых намерениях. Скажи, Нетоп, можешь ли ты

раздобыть для меня одеяния, приличествующие девушки из абенаки?

На некоторое время Нунганей потерял дар речи от удивления и радости, гордый тем, что создания столь могущественные обращаются с ним как с равным, но наконец ответил:

— Моя сестра Кеона готовилась стать невестой. Один полный год шила она наряд из мягкой оленьей кожи, украшенный иглами дикобраза, желая предстать во всей красе перед очами своего возлюбленного. Но Чену взяли ее в плен, и Кеоны больше нет. Из мальчика, каким я был в то время, я успел превратиться во взрослого мужчину, но моя мать до сих пор хранит сшитые сестрой одежды. Если Женщина Ночи пожелает, она может взять наряд Кеоны, хотя он недостаточно хорош для нее!

Коренис лучезарно улыбнулась воину в ответ на неожиданный комплимент и воскликнула:

— Вурраген! Прекрасно!

Повинуясь знаку Коренис, Гвальхмай опустил оружие, и Нунганей, не дожидаясь дополнительных указаний, исчез среди деревьев. Молодой ацтланец понял большую часть разговора, ибо наречие абенаки несколько походило на язык ходеносауни, над которыми правил Мерлин в лесных селениях, — а обладатель кольца Мерлина мог понимать все языки, которые знал провидец.

— Полагаешь, он вернется назад? — спросил юноша.

Коренис не стала утруждать себя ответом — просто знаком велела Гвальхмаю следовать за ней и направилась в ту сторону, куда устремился абенаки.

Они покрыли примерно милю пути, когда заслышали топот ног бегущего навстречу человека. Скоро из-за деревьев появился запыхавшийся Нунганей с

тюком за спиной. Он скинул тюк на землю и восхлинул:

— Мой народ встретит вас плясками и пиршеством! Я рассказал всем, что отныне удача покинет Чену, ибо боги возлюбили нас! Абенаки с нетерпением ожидают вашего прибытия!

— Так не заставим же славных абенаки томиться в ожидании, — весело заметила Коренис и скрылась в густых низких зарослях болиголова. Через несколько минут она вновь появилась из-за кустов, и оба мужчины раскрыли рты от изумления при виде произошедшей с девушкой перемены.

Мягкая рубашка из белой оленьей кожи, отороченная пухом диких голубей, открывала ее совершенную шею. Искусный узор из разноцветных игл дикобраза и ракушек виднелся под надетой на рубашку туникой и два узких ремешка, расшитые крохотным бисером, перекрещивались между грудей девушки. Ее туника, короткая юбка и чулки тоже были покрыты затейливой вышивкой и оторочены нитками цвета морской волны. Маленькие ножки были обуты в мокасины из кожи карибу. А сияющие заплетенные в косы волосы прикрывал остроконечный капюшон из оленьей кожи, пришитый к серо-голубому плащу из волчьих шкур, который Коренис накинула на плечи поверх всего наряда.

Девушке польстило восхищение двух мужчин, и она обрадовалась, когда Нунганей застенчиво преподнес суворому ацтланцу широкий ремень и нагрудник из сивана, а также красивую накидку из бобрового меха. На юге Гвальхмай больше привык носить одежду, украшенную перьями, нежели тяжелым бисером. Он принял подарки, но тихо проворчал Коренис:

— Я бы отдал все это обмундирование за хорошо прожаренную ногу оленя с миской тушеной тыквы!

Девушка рассмеялась, и Нунганей встревоженно улыбнулся, не поняв, о чем идет речь.

— Ах, мужчины! Вы согласны всю жизнь ходить в лохмотьях, лишь бы была возможность набить животы два раза в день. А для меня это — первый новый наряд, одетый мной за десять тысяч лет.

И, полагаю, такой великолепный подарок стоит столь длительного ожидания!

И так, посмеиваясь и перебрасываясь шутками, они снова вышли на лесную дорогу, которая наконец вела их к друзьям.

ОСТРОВ ПОД МОРЕМ

Простой и добрый народ тепло встретил гостей. Гвальхмай научился восхищаться абенаки, людьми благородными и исполненными чувства собственного достоинства. Привыкший на своей родине к более высокому уровню цивилизации, он сначала посчитал абенаки за дикарей, но скоро убедился, что люди сии, хоть и не умеют обтесывать камень и не знают письменности, зато столь же искусны в астрономии, как и он сам. Глаза их не уступали в зоркости глазам Гвальхмая, когда требовалось найти в небе крохотную звездочку в созвездии Маленького Ныряльщика, который абенаки называли «младенцем на спине матери», и они могли рассмотреть на луне мельчайшие пятна, недоступные взору ацтланца. Благодаря своей прекрасной памяти абенаки могли рассказывать об истории родов, гораздо более древних, нежели известные Гвальхмаю, и вести повествование на других языках, а также излагать предания ритмичными строками, напоминавшими прекраснейшие сочинения бардов Мерлина. Люди сии обладали врожденным драматическим

чутьем и сопровождали свою речь жестами столь выразительными, что и глухой мог следить за рассказом и наслаждаться им в полной мере.

Как воин, Гвальхмай оценил по достоинству физическую силу абенаки, их ловкость и мужество. Он участвовал в охоте на волка, медведя и росомаху, испытывая смелость новых друзей, в то время как они в свою очередь пристально наблюдали за ним. После того как молодой ацтланец без посторонней помощи убил огромного северного кугуара, он заслужил уважение абенаки как человек и воин, хотя они и так благоговели перед ним как перед Глускапом, грозным божеством гор.

Пришла зима. Дети возились в снегу, боролись, катались на шкурах с ледяных склонов, играли в снежки. Гвальхмай принимал участие в забавах абенаки: они состязались в ловкости и меткости в быстрой и шумной игре под названием «Снежная змея», бросая дротики в длинную корягу, прыгающую вниз по склону.

Коренис, древняя как мир, спустя многие годы одиночества жила в вигвамах человеческой жизнью, подражая движениям людей, насколько позволяло ей металлическое тело. Никто не мог так быстро найти на полу иголку, выпавшую из слабой старческой руки; никто не мог прикосновением мягких нежных пальцев так быстро успокоить боль в суставах, ноющих в зимние холода. Никто не мог так быстро укачать на руках ребенка, уставшего от деревянной колыбели, и погрузить его в спокойный сон.

Приглушенный звон крохотных колокольчиков, сопровождавший малейшее движение Коренис, зачаровывал детей. Волшебные звуки завораживали и взрослых, утверждая их в мысли о превосходстве Коренис над любой земной женщиной. Никто не боялся ее. Абенаки боялись лишь того, что наступит

день, когда она с товарищем вынуждена будет покинуть их.

Коренис и Гвальхмай внимали старейшинам на собраниях племени и не осмеливались давать им советы, почитая себя временными гостями. Чуткое сердце Гвальхмая горело от гнева, когда он слышал о зле, причиненном абенаки обитателями Нор-Ум-Бега. И хотя говорил юноша мало, он начал утверждаться в чувстве, которого и ждала от него Коренис. Не без умысла она решила провести зиму с людьми Рассвета. Гвальхмай и так уже согласился помогать Коренис в исполнении задуманного, но кроме этого, юноша теперь проникся любовью к этим людям, чья жизнь во многом походила на жизнь его родного народа. Именно это чувство и хотела развить в товарище Коренис. Теперь он не мог повернуть назад.

В течение зимы Гвальхмай и Нунганей, будучи почти ровесниками, сделались закадычными друзьями. Когда растаял снег в лесах и с реки сошел лед, селение начало готовиться к неизбежному весеннему набегу врагов, срок которого быстро приближался. Молодые девушки печально прощались со своими семьями и уходили в тайные убежища глубоко в горах, а мужчины и мальчики вооружались для обычного безуспешного сопротивления захватчикам.

Теперь Коренис была готова предупредить близящееся нападение врага. Когда двое гостей объявили о своем намерении покинуть селение, никто не удивился. Но Нунганей настоял на том, чтобы отправиться вместе с ними и помочь им в осуществлении задуманных планов.

Итак, теплым утром в месяце Сахарной Луны трое товарищей в прочном выдолбленном из бревна каноэ выгребли на середину реки, преодолевая сопротивление волн до тех пор, пока течение не подхватило лодку и не повлекло ее за собой — прочь от добрых

друзей, которые стояли на берегу, выкрикивая вслед отплывающим слова прощания.

Нунганей поднял весло, в последний раз салютуя исчезающей вдали земле, и скоро вокруг них раскинулись бескрайние морские просторы. Молодой абенаки не надеялся вернуться на родину.

В глубине души он считал себя уже мертвым.

Лодка направилась прямо к окну восходящего солнца — в ту сторону, куда, как было замечено, много раз скрывался флот захватчиков. И тут зоркие глаза Гвальхмая заметили золотую точку, вспыхивающую у самого горизонта. Коренис проследила за взглядом юноши и кивнула.

— Да, это действительно Вимана. Она идет встречать нас, и я должна отослать ее назад. Все зимние месяцы я находилась в мысленной связи с ней: наблюдала за тем, чтобы она не подходила слишком близко к берегу во время штормов и помогала ей избежать столкновения с плавающими льдами. Вимана хочет сопровождать нас, но сейчас это не входит в мои намерения. У меня другие планы.

Некоторое время она пристально смотрела в сторону Виманы, и Гвальхмай не заметил, как корабль повернул прочь. Но позже, отвлекшись на миг от размеженной гребли, юноша увидел, что золотая точка у горизонта исчезла.

Они уходили все дальше и дальше от берега — дальше, чем когда-либо осмеливался уходить в морской простор самый отважный рыбак. Нунганей хранил молчание, стиснув зубы, и для поднятия духа изредка поглядывал на свой новый мощный лук. Этот лук помогал ему изготовить Гвальхмай. Но абенаки натянул на него тетиву, сплетенную из волос матери, дабы оружие сие никогда не знало промаха и отомстило за сестру. Нунганей часто вспоминал о сестре, но еще глубже в его душе пустила корни

привязанность, более крепкая, нежели семейные узы: любовь к Косаннипу, товаришу и брату по обряду смешения крови.

Коренис по-прежнему носила прочные кожаные одежды, и капюшон покрывал ее великолепные волосы. В качестве дополнительной маскировки девушка покрасила лицо и руки сваренной из ягод и кореньев краской — и теперь цветом кожи не отличалась от своих спутников.

Итак, по внешнему виду их можно было принять (как они рассчитывали) за трех местных рыбаков, унесенных в море.

Величавые валы двигались парадным строем по пустынному простору от дальних берегов Европы, и каноэ размеренно поднималось и опускалось на холмах океана. Вскоре после полудня Нунганей поднял весло и указал им вперед.

В этот момент нос лодки опустился, и Гвальхмай с Коренис не смогли разглядеть, на что указывал абенаки. Но, поднявшись на гребень следующей высокой волны, они ясно различили вдали черный пик скалы, похожей на вертикальное острье иглы, почти полностью погруженной в мягкую ткань.

— Акилинек! — пробормотал Нунганей.

— Нор-Ум-Бега, — мягко поправила его Коренис.

Часом позже, благодаря благосклонности попутного ветра, путешественники подошли к острову довольно близко: навстречу лодке оттуда, где волны разбивались о камень, плыли рваные клочья пены. Но вскоре путники обнаружили, что бурлящие воды моря вовсе не задевают скалу. Вместо этого волны на некотором расстоянии от скалы взлетали высоко к небесам и, вскипая, рушились вниз по отвесной прямой — словно между скалой и яростным прибоем находилась стеклянная стена.

Однако ничего материального на месте предпола-

гаемой преграды путешественники не увидели — кроме почти незаметного дрожания воздуха, похожего на зыбкое марево, поднимающееся от раскаленного железа.

По левую руку море было спокойней. Туда путешественники и направили каноэ, стараясь держаться поодаль от грохочущих валов. Здесь лодку качало не столь сильно, хотя гребцам приходилось бороться с водоворотами и воронками — и отсюда стало видно, что неподалеку проходит невидимая граница, через которую вода не в состоянии переливаться: огромная дыра зияет посреди океана!

По мелким неспокойным волнам, плещущим с подветренной стороны острова, путешественники подошли к незримой преграде ближе и скоро увидели сквозь нее далеко внизу сверкающие крыши каменных домов, сияющие металлическим покрытием шпили, купола и башни, яркие фасады низких дворцов и высоких храмов.

Широкие белые мощеные улицы геометрически разделяли город на кварталы, бархатисто зеленели частые квадраты парков и садов — это было похоже на игрушечный городок, построенный на ковре.

И все это на глубине ста футов под уровнем атлантических вод, и ничего более материального, чем дыхание дрожащего воздуха, не защищало сию чудесную землю от ярости океана!

— Когда Атлантида затонула и ледники растаяли, новые воды хлынули в океан. Уровень морей поднялся всюду. Поднялся он и здесь. В течение веков силовое поле вокруг острова ослабло. Океан еще не мог просочиться сквозь невидимую стену, но островитяне изобрели способ проникать сквозь нее в верхней части, где она ослаблена и менее прочна, — сообщила Коренис.

— Это похоже на волшебное кольцо дымного воздуха, в котором Вивиана своими чарами держала

Мерлина в лесу Броселианы, — сказал Гвальхмай. — Никто не мог войти в кольцо или выйти из него до тех пор, пока она сама не решила освободить провидца.

Нунганей только вцепился крепче в свой амулет. Он смотрел вниз, и губы его беззвучно шевелились, пока каноэ подплывало все ближе к жуткому обрыву. Новые картины продолжали открываться взору путешественников, совершенно зачарованных этим чудом.

Мощная стена каменной кладки делила остров на две части и отгораживала город от возделанных полей. Гвальхмай мог разглядеть сверкание мотыг и лопат в руках занятых работой земледельцев. Однако разглядеть их фигуры или одежды с такого расстояния не представлялось возможным.

Посредине стены находились единственные ворота в виде высокой арки. Они были закрыты и охранялись: Гвальхмай видел, как блестят на солнце золотые доспехи расхаживающего возле ворот часового. Золотые вспышки на стене свидетельствовали о том, что она тоже охраняется.

Среди полей стояли вигвамы и бараки для рабов, а дальше, за полями, на многие мили простирались леса. Видневшиеся там и сям каменные руины, очевидно, обозначали места древних поселений, ныне покинутых и заросших деревьями. Среди хвойного массива на склонах холмов и в низменностях встречались островки березняка и дубовых рощ. Из чащи леса выбегал серебристый поток и впадал в большое озеро, которое пересекала высокая каменная стена. Вероятно, испарения озера равнялись его насыщению, происходящему за счет дождей, — так что острову не грозила ни засуха, ни опасность наводнения.

Путешественники были совершенно поглощены открывшимися перед ними картинами, и не замечали ничего, что творилось поблизости, до тех пор, пока

громкий оклик не заставил их встрепенуться. Подняв глаза, они увидели на вершине скалы, меньше чем в двадцати футах от каноэ, человека в белых одеждах, который пристально смотрел на них, перегнувшись через ограждение площадки.

Он держал деревянный молоток над спусковым механизмом камнемета, уже заряженного и готового к действию.

— Он приказывает не двигаться — или он потопит нас, — прошептала Коренис.

Они замерли, глядя вверх, и тут поняли наконец, что скала эта искусственного происхождения — ибо теперь стали отчетливо видны швы кладки между громадными блоками черного камня. А часовой поднес к губам длинную трубу, и над городом пронесся резкий неприятный сигнал.

В книгах своего крестного Гвальхмай видел картины с изображением пирамид Кеми, он взбирался на насыпные курганы майя и одолевал мириады ступеней между террасами толтекских теокалли — но это сооружение не походило ни на одно из вышеупомянутых. Оно сильно напоминало вавилонские зиккураты: от его основания до вершины семью спиральными витками поднимался пологий, лишенный ограждения пандус. Однако на месте храма Набу находились механизмы и стоял часовой.

Теперь на пандусе началось оживленное движение. Группы темно- и краснокожих рабов бегом поднимались вверх, подгоняемые белыми рыжеволосыми надсмотрщиками, которые размахивали кнутами с металлическими наконечниками излишне энергично, словно находя удовольствие в своей работе.

Рыбы остановились на широкой, чуть нависающей над водой площадке и принялись крутить ручку ворота с таким усердием, будто от этого зависела их жизнь. Верхняя часть башни начала вращаться, и

часовой пошел по пандуеу назад, дабы каноэ оставалось в поле зрения. Из-за башни вывернулась длинная горизонтальная балка, похожая на гигантскую руку. С конца ее свисали на канатах овальный металлический контейнер, напоминающий по форме огромную закрытую раковину моллюска.

Конец балки вошел в зону возбужденного воздуха, который кипел и вихрился вокруг металлической конструкции, пока контейнер с пронзительным скрипом опускался на тросах и наконец рухнул в море, подняв фонтаны брызг и залив его водой по щиколотку.

Створки гигантской раковины раздвинулись. Верхняя поднялась и откинулась назад — и часовой наверху знаком велел путешественникам войти в подъемник. Гвальхмай и Нунганей заколебались: эти разверстые, зияющие чернотой челюсти, казалось, были готовы с хрустом перемолоть их кости.

— Мы пришли сюда именно за этим, не так ли? — бесстрашно сказала Коренис и переступила через край раковины. Мужчины последовали ее примеру, и их маленькое каноэ, уносимое течением, поплыло прочь, качаясь на волнах. И это было последнее, что увидели путешественники, прежде чем крышка захлопнулась над их головами, и контейнер начал подниматься в воздух.

В лишенном окон подъемнике было темно как ночью. Молодые люди ничего не видели, но крепко держались друг за друга, чтобы не упасть, — ибо раковина сильно раскачивалась из стороны в сторону, и весь подъемный механизм трясясь и громко жалобно скрипел, пока вращались несмазанные шестеренки, протаскивающие балку назад сквозь силовую стену толщиной с пузырь.

Затем крышка этого транспортного средства сно-

ва откинулась, и поток солнечного света ослепил уже привыкших к темноте людей.

Угрюмый страж с костлявым лицом уставился на пришельцев. Взгляд старика был напряжен и дик, и его грязные седые космы разевались вокруг головы и падали на плечи.

— Кто вы, чужеземцы? — проскрипел он на наречии бенаки. — Почему вы добровольно пришли в Нор-Ум-Бега?

— Это Глускал и его спутница Бумола, Женщина Ночи, — гордо ответствовал Нунганей. — Они явились навестить Хоббамока Мерзкого. А я — Нунганей, абенаки из Атиниена, их друг и проводник.

Костлявый старик издал смешок — короткий неприятный звук, в котором отчетливо слышалось недоверие, — и стало видно, что губы его искусаны и изорваны. На плечах и руках стражника тоже виднелись следы зубов — белые зажившие шрамы и свежие раны, некоторые едва затянувшиеся — словно в приступах боли или в припадках безумия он с волчьей яростью грыз собственное мясо.

— Я живу на острове с самого рождения, — прорычал старик. — И никогда еще не видел, чтоб кто-нибудь являлся сюда по доброй воле. Но раз уж вы пришли к нам, будьте уверены: назад дороги нет. Нам нужны сильные люди.

Он устремил проницательный взгляд на скрытое в тени капюшона лицо девушки, и Гвальхмай испугался, что стражник распознает ее маскировку, но тот только одарил Коренис язвительной улыбкой.

— И Каранха, наш король, будет особенно рад принять тебя, Женщина Ночи!

Однако старики достаточно вежливо помог девушке переступить через борт подъемника, когда Коренис замялась в притворной нерешительности и протянула часовому руку в перчатке, которая буквально

утонула в сморщенной лапе с желтыми когтями. Несколько металлических лодок лежали на площадке вверх дном, готовые к спуску на воду. Рядом находилась и подставка для весел. Обогнув лодки, Коренис отступила в сторону, и ее товарищи без посторонней помощи спрыгнули на площадку, готовые в любой миг схватиться за оружие. Обезоружить их не попытались.

Нунганей, прищурившись, внимательно рассматривал покорных рабов, которые бежали гуськом вниз по пандусу. Судя по печальному лицу молодого человека Косаннипа среди них не оказалось. Трое путешественников последовали за стариком и замкнули эту скорбную процессию.

— Я, Баралдабай, — сообщил страж. — Хранитель Башни. Слишком старый для войны, слишком крепкий для смерти. Я живу здесь, слежу за тем, как уходят и возвращаются убийцы, и мечтаю о смерти. Но она, похоже, забыла обо мне — и я все живу и живу в этой скучной дыре и никогда не отлучаюсь отсюда. Хуже всего бывает в полнолуние, когда ко мне приходит желание убивать. Возможно, я попрошу себе одного из вас. Вы первые люди, которые явились сюда по собственной воле, а не были приведены насильно.

— И, вероятно, последние, — мягко подхватила Коренис, и печальные колокольчики в ее голосе звучали, подобно погребальному звону.

Баралдабай, очевидно осознававший незавидность своего положения, был на свой мрачный манер рад поговорить с кем-нибудь хотя бы несколько минут. В движении вниз по спиральному пандусу они миновали вырезанные в стенах зиккурата площадки. Здесь тесными рядами вверх дном лежали металлические лодки так, что тиски подъемника могли легко за-

жать любую из них и пронести сквозь наиболее тонкую часть силовой стены.

— Расскажи что-нибудь о вашем прошлом, — попросила Коренис.

— Когда-то мы, норумбекцы, были могущественным народом. Говорят, огромные суда постоянно бороздили океан между этим островом и Атлантидой, нашей родиной...

Коренис и Гвальхмай быстро переглянулись.

— В те времена берега нашего острова еще возвышались над морем. Но потом нашей прекрасной колонии начала грозить опасность. Суша опустилась, а уровень воды поднялся. Для спасения людей была возведена волшебная невидимая стена, чрезвычайно крепкая, совершенно непроницаемая у основания и лишь чуть менее прочная в верхней своей части.

Действительно ли сей ужасный старик настолько безумен, как кажется, подумал Гвальхмай. Или время до такой степени извратило их историю, что вся правда начисто забыта? Неужели он не понимает, что является потомком многих поколений прирожденных преступников и жестоких убийц? Обитателем штрафной колонии?

— Говорят, местное население подразделялось на два класса: на нормальных людей вроде меня и таких невозможно добродетельных, с которыми просто невозможно жить.

Последние-то и являлись первыми поселенцами. Старые солдаты, участники войны, они прибыли сюда со своими женами. Эти глупцы считали убийство грехом, а не достойнейшим способом добывания славы! Мои же предки прибывали сюда уже позднее, по нескольку человек в год — и они разбирались в жизни гораздо лучше. Потомки их размножались и наконец превзошли численностью потомков ранних поселенцев.

Высокая, хорошо охраняемая стена поделила остров между двумя классами. Они удерживали стену, а также башню, где поклонялись Хуни-и, ведьме с квадратными глазами, которая теперь является нашей богиней войны. Через башню они поднимали к себе продовольствие, а каменная стена преграждала нам путь к свободе, так что мы не могли покинуть остров, даже если бы захотели. Мы были их пленниками. Но однажды ночью мои предки захватили ту стену и предали смерти всех часовых и всех жителей города.

Это событие отмечает действительное начало нашей великой цивилизации. Норумбежцы тысячами хлынули на материк, возводя города, возделывая пустоши, покоряя дикарей...

Нунганей сдавленно зарычал.

— Мы стерли с лица земли наших соперников, цветущую империю Хорикон. Много лет спустя мы истребили Талагеви — народ, начавший возводить в удаленных от моря долинах города на курганах, строительство которых впоследствии довершили майя, пришедшие из Жарких Земель, с юга. То были прекрасные годы, лучшие годы нашей нации!

Он блеснул глазами, словно злобный паук. Потом голос его упал, и в нем зазвучала печаль.

— Но мне не довелось застать это время. Оно окончилось раз и навсегда еще до моего рождения — дни славы канули в прошлое давным-давно! Постоянные войны истощили наши силы. Никакой враг уже не казался достойным нас. Наши города повернули оружие друг против друга, и, один за другим, лес снова забрал их себе. Женщины наши стали менее плодовитыми, а гордость не позволяла Нор-Ум-Бега жениться на дикарках — разве что на час, причем все внебрачные дети убивались при рожде-

нии, дабы чистота белой расы никак не осквернялась.

В конце концов Нор-Ум-Бега, Остров Героев, принял обратно остатки поселенцев с материка. И мы — последние из норумбежцев!

Только один раз за всю свою жизнь познал я радость сражения в рядах огромной Армии. Двадцать лет назад все мужское население острова, стар и млад, заключило союз с дикарями единственно ради азарта войны и помогло уничтожить империю майя, Тлапаллан. Мы сражались по дороге в ту страну, сражались на войне и вновь сражались по пути домой!

Хуни-я! То была великая бойня!

Коренис указала на гладкую, как полированное стекло, стену нефритово-зеленой воды, которая плавной стремильной дугой возвышалась над затонувшим островом, и Баралдабай проследил за ее взглядом.

Солнечный свет пробивался сквозь нее косыми лучами, и те дрожали, преломляясь в пляшущих высоко над головами путешественников волнах. Залитые сим зыбким светом, они продолжили путь. Некоторое время с другой стороны прозрачной стены за ними следовал косяк трески: рыбы смотрели выпущенными глазами на странных двуногих обитателей подводного аквариума. Затем, словно по какому-то сигналу, они стремительно развернулись и как одна направились по своим делам.

— Почему вы остаетесь здесь, если жить на материки значительно безопасней?

Баралдабай казался удивленным.

— Как почему? Здесь наша родина.

— А вы не боитесь, что однажды воды океана хлынут на остров и уничтожат всех вас и все ваше имущество — сей прекрасный город и его богатство?

Старик ухмыльнулся.

— Нет, госпожа моя, этого никогда не будет. Очень давно колдуны, которые возвели волшебную стену для защиты острова, предсказали нам, что никогда никто из нас не сможет разрушить ее. Никогда... пока в Нор-Ум-Бега не прилетит Громовой Орел.

— Что это значит? — спросила Коренис.

— Точно никто не знает. Сияющееся изображение огромного орла появляется на небе, когда Дети Огня играют на Дороге Призраков в безоблачные ночи холодных зим. Некоторые суеверные люди связывают предсказание с этим явлением. Но до сих пор оно всегда сулило нам удачу. Сей орел был предвестием великих наших побед в прошлом. Должно быть, он любимец Хуни-и. Убийцы приурочивают свои весенние набеги к его последнему появлению в конце зимы. Он совершенно безобиден для нас.

Нунганей знаком велел Гвальхмаю чуть отклониться назад, дабы оказаться вне пределов слышимости.

— Мой народ знает Громового Орла, — торопливо прошептал он. — Птица сия живет на Мысе Спящего Великаны, на северном берегу Внутреннего Моря. Если Орел стоит неподвижно над Мысом, война вспыхивает среди северных племен. Но если он движется по небу, битвы начинаются в тех землях, в направлении которых он летит.

Появление его всегда предвещает кому-то горе. Иногда он зависает над Акилинеком, и все абенаки радуются.

— Возможно, брат. Но я только что вспомнил одну вещь, которую давно забыл.

— То есть?

— Мое имя! Меня зовут Гвальхмай, не Глускан. А слово это означает — Орел!

Дорога свернула от океана и устремилась в сто-

рону пригорода. И, углубляясь в скопления домов, путешественники обнаружили, что город пленяет красотой лишь издалека — как женщина, некогда прелестная, которая в преклонном возрасте сохраняет лишь общее благородство черт и осанки.

За колоннами портика грязный человек колол дрова на мозаичном мраморном полу. Резные колонны были кем-то бесцельно изрублены и изуродованы, словно в припадке безумной ярости.

Сквозь тонкие швы мощения на дороге пробивалась трава, и корни деревьев разрастаясь поднимали и сдвигали с места многотонные каменные плиты. Часто проходили путешественники мимо бесформенных нагромождений камня — руины сии свидетельствовали о некогда стоявших здесь зданиях, которые разрушились так давно, что среди многих развалин росли могучие дубы, питающиеся перегноем своих предков, поваленных ветром задолго до них.

Многие еще красивые дома стояли без крыш, открыты для солнца и дождя. Сухие листья и земля покрывали прекрасные мозаичные полы, чаши фонтанов и опрокинутые мраморные статуи.

Похоже, здесь никогда ничего не восстанавливалось. Нигде не было видно ничего нового.

Ни собаки, ни кошки, ни какие-либо другие домашние животные не бродили по улицам. А встречавшиеся изредка дети бросали на проходящих такие злобные недвусмысленные взгляды, что у Гвальхмая невольно возник вопрос: играют ли они когда-нибудь, и если да, то в какие игры?

В центре небольшого дворика был устроен очаг, которым, судя по количеству неряшливо разбросанного мусора, пользовались все окружающие дома, — и над ним тушилось мясо к ужину.

Серебряный котел изначально явно предназначался для другой цели, но сейчас глубокую гравировку

на нем покрывал толстый слой сажи, и разглядеть рисунок не представлялось возможным.

В ожидании ужина несколько юношей и мальчиков посыпали друг другу пинками какой-то круглый предмет. Гвальхмай узнал в нем человеческий череп, на котором до сих пор болтались лоскутки кожи и пучок черных волос. При приближении незнакомцев молодые люди не оставили своего занятия, но с угрюмым ожесточением продолжали мрачную игру. Казалось, сие развлечение является для них обязанностью или привычкой, и они как будто находили в нем мало радости.

Но не успели все четверо пересечь квадратное пространство двора, как стали свидетелями сцены еще более ужасной.

Из развалин здания с глухими стенами с воплями выбежала растрепанная баба, волоча за ногу визжащего младенца. Хотя тому было не больше года, он отчаянно царапался крохотными коготками, кусался и орал, словно разъяренный чертеноk.

Наконец женщина, не в силах более выносить его визга, принялась колотить ребенка головой о камни.

Коренис вцепилась в рукав Барадабая.

— Останови ее! Останови! — закричала она, но старик равнодушно пожал плечами.

— С чего вдруг? Она — мать ребенка. Здесь каждый волен поступать как хочет.

— Но почему? Почему она так делает? — спросил Нунганей, пришедший в ужас при виде бессердечной родительницы, которая могла бы убить ребенка и значительно менее сильным ударом.

— Кто знает? — ответил Барадабай. — Возможно, он укусил ее, когда сосал грудь. Женские настроения здесь еще более непредсказуемы, нежели где-либо еще. Мы вымирающий народ. Дайте нам умереть так, как мы считаем нужным.

Детский вой постепенно превратился в слабое хныканье и наконец совсем стих. Путешественники не успели отойти далеко, когда услышали протяжный истерический вопль, наполовину смех, наполовину рыдание: приступ безумия миновал, и женщина осознала всю нелепость причин, толкнувших ее на детоубийство. Действительно ли она горевала или просто испытывала садистский восторг от содеянного, никто не понял.

Они продолжали путь, не разговаривая. У Гвальхмая сложилось впечатление, что в доводах Коренис было мало искренности. Она явно желала получше уяснить для себя философию жителей сего огромного, но отвратительно дикого города-государства.

И снова юноша задумался: каковы же причины ее прихода сюда, этого странного миссионера из прошлого? Какие перемены хотела Коренис принести? Что надеялась совершить?

Еще через несколько лет при существующих темпах снижения рождаемости и частых войнах обитатели острова окончательно вымрут. Почему же не позволить им вымереть тем ужасным способом, какой они сами избрали?

Путешественники прошли мимо боковой улочки. В глубине ее старый раб ковылял сквозь строй подростков, которые били его палками и легкими деревянными топорами. Стариk упал, мальчики набросились на него — но он не издал ни звука.

Барадабай заметил исполненные сострадания взгляды незнакомцев и пожал плечами.

— Это их собственность. Так мальчики учатся быть мужчинами.

Погруженный в мрачные раздумья, Гвальхмай больше не замечал ничего вокруг и удивился, когда перед ним открылась широкая величественная площадь. Путешественники пересекли ее, приоравливая свою поступь к хромающей походке проводника, и

взобрались по длинным рядам стертых от времени ступеней, ведущих к высокому зданию с колоннадой. Некогда это был храм Посейдона, и он до сих пор неплохо сохранился.

Древний барельеф на цоколе изображал вооруженных луками и копьями всадников, занятых охотой на мамонта. Путешественники не имели возможности рассмотреть его как следует, ибо поспешили за стариком в широкие двери. Не находящий вытяжки удушливый черный дым заклубился над их головами. Они остановились прямо внутри портика: там оружейный мастер установил свою кузницу возле алтаря, перевернутого набок, чтобы освободить место для наковальни. Кузнец сосредоточенно ковал мощный боевой топор в виде полумесяца.

Отвечая на вопрос Баралдабая, он поднял глубоко посаженные налитые кровью глаза.

— Карапха? Король? Он отправился за Стену сегодня утром. Среди полевых рабов начались волнения, и лесные жители дали кров беглецам. Кое-кто хочет отправиться в Скважину.

Он мрачно усмехнулся и снова застучал молотом по остывающему металлу.

Четверо прошли по темному коридору и вышли в открытый двор.

В центре его стояла величественная колесница Посейдона, влекомая по волнам бронзовыми дельфинами, верхом на которых сидели смеющиеся Нериды. Основание колесницы из золота и серебра украшали стилизованные изображения осьминогов и морских коньков, плывущих по бордюру длинной вереницей. Фонтан перед колесницей не работал, и у статуи бога, по-прежнему сжимавшего трезубец, была отколота голова.

Коренис бросила на скульптурную группу взгляд, полный страдания, и отвела глаза в сторону.

— Все здесь в вашем распоряжении, — отрывисто

сказал Барадабай. — Выбирайте себе любое помещение. Еду вам принесут. Оружие можете оставить при себе — до специальных распоряжений Каанхи. Король может отсутствовать два-три дня. До той поры все выходы отсюда будут охраняться. Если попытаетесь бежать — вас убют.

Когда Барадабай ушел, Коренис повернулась к мужчинам.

— Что вы думаете об этих людях, которых Ахуни-и любила... и которые искали даже само имя богини?

Гвалхмай ответил, и в голосе его звучал металл.

— Им нельзя позволить продолжать существование. Они абсолютно злы и представляют опасность для абенаки.

— Их надо уничтожить, — пробормотал Нунганий.

— Я решила сделать это очень давно, еще там, в моей летающей тюрьме... когда наблюдала за ними из астрального тела, отвращаясь душой от их злых дел. Я знала, что должна сделать, дабы спасти от разрушения мир. И понимала, чем могу заплатить за это. Но мы дадим им шанс, какого они никогда не давали абенаки, брат. Я не помню нынешнего их короля... Возможно, он человек лучшей породы.

Подождем его возвращения. Если тем временем мы обнаружим хотя бы искорку добра в этих людях — или в нем!. Что ж, попробуем жить спокойно и узнать по возможности больше.

СКВАЖИНА

К

Каранха, король Нор-Ум-Бега, вернулся в свой город ранним вечером второго дня их заключения. Но когда пленников привели к нему, тьма уже спустилась на остров, отгороженный от низко стоящего над горизонтом солнца исполинской стеной воды.

Огни факелов освещали тронный зал. При первом же взгляде на короля молодой ацтланец понял: этого человека вряд ли смогут обмануть наивные заверения Нунганея о божественном происхождении Корениции и его самого. Незаметным знаком из языка жестов, общего для разноязычных племен Алата, Гвальхмай велел абенаки хранить молчание, и Нунганей кивнул в ответ. Но сделанного не воротишь.

Каранха был гигантом с бычьей шеей и мощной мускулатурой. Руки и ноги его густо заросли рыжими волосами. Огненные космы спадали на яростно блестящие глаза и спутанную бороду короля.

Небрежно развалившись на троне, он угрюмо рассматривал чужестранцев сквозь нечесаные лохмы и время от времени подносил свою мясистую лапу к рту, чтобы пососать кровоточащую рану на запястье.

Некоторые из присутствующих в зале воинов носили повязки или прихрамывали — отсюда Гвальхмай заключил, что карательная экспедиция правителя против обитателей леса прошла не вполне успешно.

Либо саднящая боль, либо воспоминание о том, каким образом получено ранение, раздражали короля и приводили в настроение, гораздо более скверное, чем обычно. Окружающие Каанху воины относились к нему с боязливым почтением, и трое чужестранцев поняли, что правитель, как и его подданные, подвержен вспышкам неожиданной ярости и склонен к жестоким капризам.

Сопровождавший гостей Баралдабай приблизился к королю и тихо прошептал ему на ухо что-то неразборчивое. Каанху тут же внимательно и заинтересованно осмотрел Гвальхмая и задержал взгляд на огненном оружии у пояса юноши. Затем он повелительно поманил Гвальхмая к себе жирным пальцем, на котором сверкали драгоценные камни, и без лишних предисловий приступил к делу.

— Хранитель Башни доложил мне о том, что я вижу и сам собственными глазами, — прогремел король на языке абенаки. — Ты носишь при себе оружие Древних, основателей этого города. Откуда оно у тебя?

Гвальхмай замялся, придумывая ответ, который не выдал бы происхождения Коренис.

— Впрочем, все равно! Дай-ка его мне, — перебил юношу король, протягивая руку.

Гвальхмай метнул на девушку вопросительный взгляд. Та незаметно кивнула, и молодой ацтланец неохотно отдал оружие.

Каанху принял оружие неловко вертеть его, и пленники мысленно молили небо, чтобы он ненароком снес себе голову огненным лучом. Наконец, подняв глаза от оружия, великан прорычал слуге:

— Приведи-ка тех полевых рабов!

Группу искалеченных, истекающих кровью людей загнали в зал и выстроили у стены напротив трона. Некоторые рабы находились при смерти и не могли идти самостоятельно — их поддерживали товарищи. Очевидно, то были несчастные жертвы жестокого и бессмысленного насилия со стороны злодеев, находящих удовольствие в зрелище чужих страданий. Облегченный вздох Нунганея свидетельствовал о том, что его друга нет среди этих рабов.

Король устремил на Гвальхмая тяжелый взгляд.

— Наши склады до отказа забиты подобными приспособлениями — и ни одно из них не работает. Если действие твоего оружия соответствует описанному в легендах Нор-Ум-Бега, я назначу тебя главным хранителем оружия и командиром сотни!

Он поднял раструб, прицелился и нажал на спуск. Эхо продолжительного разряда загремело в огромном зале, и обугленные бесформенные массы, которые только что были людьми, попадали на пол, наполовину погребенные под завалами выбитых из стены камней. Не обращая внимания начинимое им разрушение, Каранха продолжал поливать огнем пространство вдоль всей длины противоположной стены. Он еще не успел закончить, когда луч начал быстро гаснуть: из ослепительного бело-голубого цвета его превратился в темно-красный и затем в угольно-черный.

Каранха в бешенстве обернулся к троим пленникам.

— Ваших рук дело? Как перезарядить это оружие?

— Отправляйся в Миктлампу и выясни это сам, ты, кровавый убийца!

Гвальхмай выхватил меч, а аbenhаки и девушка прижались к молодому человеку теснее, молчаливо

одобряя его действия. Но Гвальхмай оказался недостаточно проворным. Дюжина стражников набросилась на них с Нунганеем и молниеносно скрутила, подавив одним количеством. Молодых людей, безоружных, потащили прочь. А Коренис, которая почему-то не спешила применять свою чудесную силу, мирно повели в другую сторону. Девушка незаметно улыбнулась товарищам, призывая их не падать духом.

Караиха, вне себя от ярости, крикнул вслед пленникам:

— Покажите им Скважину! Спустите их вниз со сменной бригадой, но к утру возвратите в тюрьму. Пускай решают, говорить со мной или умереть!

Молодых людей выволокли на улицу, поставили в строй приблизительно из сорока рабов, израненных не столь сильно, как предыдущие, и сковали длинной цепью с остальными. Затем под надзором бдительных стражей их вывели из города через ворота в стене и погнали в открытое поле. Оставив за спиной примерно милю пути, они приблизились к нагромождениям огромных зазубренных камней, превышающим высотой дома.

Насколько мог видеть в сумерках глаз, повсюду слева и справа высились подобные курганы — горы отбросов, оставшиеся после какой-то деятельности, достойной титанов.

Здесь стражники зажгли факелы, и процессия продолжила путь при мерцающем свете огней. Они двигались по хорошо утрамбованной дороге и спустя полчаса энергичной ходьбы вышли из заваленных каменными обломками полей на открытое пространство. Здесь стояла высокая металлическая башня с приводным колесом наверху, через которое проходил трос, и прикованные цепью к ручке ворота рабы ожидали их прибытия.

Без отлагательств стражники отделили от группы десятерых рабов и завели их на платформу, которая мгновенно начала опускаться под землю и скоро исчезла с глаз под оглушительный лязг лебедки и щелканье бичей.

Вскоре она снова поднялась, нагруженная обломком скалы, мокрым и сверкающим при свете факелов. Рабы выступили вперед и убрали валун с платформы, после чего на нее загрузились очередные десять человек и последовали за предыдущими.

Это повторялось снова и снова — и наконец Гвальхмай и Нунганей тоже начали погружаться в недра земли. Стены шахты в верхней ее части были обшиты металлом и досками. Но потом тоннель пошел сквозь скальное основание — там гранитные стены оставались необлицованными. Молодые люди увидели внизу свет, и скоро платформа с металлическим лязгом остановилась.

Но здесь шахта не кончалась: они очутились в широком просторном помещении, где находился другой подъемный механизм, обслуживаемый новой бригадой рабов. В этом помещении их ожидала другая платформа и после того, как с нее сняли обломок скалы, пленники ступили на исцарапанные доски настила и продолжили спуск.

И так они спускались от камеры к камере по огромной шахте, которой, казалось не будет конца. Стало трудно дышать. Малейшее движение требовало огромных усилий. Воздух был словно напитан туманом, и факелы уже не горели на этой глубине.

Они миновали залы, тускло освещенные гроздьями фосфоресцирующих грибов, растущих на специально оставленных здесь для этой цели гнилых бревнах. Гнилушки мерцали на полах, и с потолков свисали на длинных веревках светлячки, которые мигали, словно крохотные звездочки, слабо колеблясь в медленных потоках мертвого воздуха.

Глаза пленников вылезали из орбит, в ушах шумело от давления глубины. На одной платформе поднялось мертвое тело. Вслед за камнем они сняли с подъемника труп и спустились еще на один пролет.

Шахта начала сужаться: платформы теперь едва вмешали пятерых человек и двигались по ней с трудом. Люки-затворы в полу открывались, когда подъемники опускались, и закрывались, когда те двигались вверх. Движение платформ, подобно поршню в насосе, способствовало перемещению потоков затхлого воздуха.

На этой глубине грибы уже не могли расти и их сменила фосфоресцирующая краска — в излучаемом ею туманном мерцании молодые люди едва различали окружение. Другие пленники, хоть и они тоже страдали, все же, казалось, переносили мучения легче. Они продолжали двигаться вниз: убирали с очередного ожидающего их подъемника валун и спускались все глубже и глубже на платформах, приводимых в движение обращенными в животных рабами.

Наконец молодые люди услышали стук кирок и молотов внизу и скоро прибыли в частично недостроенную камеру, вырубленную в базальте на глубине многих миль под самым нижним слоем земной коры, доступном людям ныне. Здесь, в темном чреве Земли, рабы трудились и умирали по приказу Каранхи, короля, который продолжал осуществление планов правителей Нор-Ум-Бега, умерших задолго до его царствования.

В этой пещере находился измазанный светящейся краской человек. Сгорбившись под тяжестью ведра и кисти, он с трудом набирал в измученные легкие воздух. Другой человек, задыхаясь от слабости, склонился в изнеможении над своим молотом. Глаза его были закрыты, и он не открыл их, когда надсмотрщик, сам чувствующий себя немногим лучше, принялся подгонять его кнутом.

Молоты и кирки гулко стучали в густом воздухе. После каждого удара откуда-то снизу, из-под скального основания под ногами рабочих, поднималось эхо. Сначала Гвальхмай и Нунганей посчитали сей отзвук за простое эхо. Но когда работа приостановилась для смены людей, глухие удары продолжали доноситься из недр земли. Было совершенно ясно, что на некоей ужасной глубине шло строительство другой шахты, ведущей наверх, навстречу этой, проложенной ценой непереносимых мучений.

Кроме самой низкой камеры Скважины, два товарища не увидели больше ничего. Едва Гвальхмай успел осознать весь ужас многолетнего изнурительного труда, как у обоих молодых людей из ушей и ноздрей хлынула кровь, и они рухнули без сознания на щербатый пол. Пленники не помнили, как их грубо отволокли на ближайшую груду камней, как торопливо перекладывали с платформы на платформу, которые рывками медленно поднимались по прошлым к верхним уровням шахты.

Дуновение прохладного воздуха привело их в чувство. Открыв глаза, они увидели над собой звезды, сияющие в далеком круглом отверстии с неровными краями. Отверстие становилось все больше и больше, и звезды превратились наконец в яркие факелы. Чьи-то руки подняли молодых людей, несколько ударов привели их в чувство, и затем, подобно бездушным автоматам, они пошли, шатаясь и тяжело перевставляя ноги, назад к городу.

По возвращении в Храм Посейдона пленников повели куда-то по круто уходящему вниз темному душному коридору, стены которого блестели при свете факелов от вонючей слизи и плесени.

Каранха встретил их, проводил вниз и проследил, чтобы пленников заперли за железной решеткой. Стражники удалились, и король прорычал.

— Итак, ты могучий Глускап, сын Горы? И явился сюда проведать Хоббамока, как мне доложили! Что ж, здешние рабы что-то болтают о Хоббамоке, но мы такого не знаем. Может, ты рожден быть рабом?

Ты умрешь завтра позорной смертью невольника, Глускап, если не откроешь мне того, что я хочу знать. Возможно, ты вернешься в Скважину и будешь работать там столько времени, сколько сумеешь прожить. Обещаю тебе: живым ты оттуда не выйдешь. Или мы решим разделаться с тобой по очаровательному обычаю твоей страны. Мы должны быть гостеприимны и сделать все, чтобы гость чувствовал себя как дома.

Не обмотать ли тебя раскаленными докрасна цепями? А может, погреть тебе ноги горячими углами? Или насыпать золы в глаза? А? Возможно это освежит твою память.

— Чтоб Владыка Тьмы взял тебя! — проворчал Гвальхмай и с омерзением отвернулся от короля. Казалось, это сильно позабавило Карапху. Он взял факел и пошел прочь по коридору, посмеиваясь в бороду.

Наконец молодые люди как будто остались одни. Тишину нарушили лишь шорох крыс по углам камеры. Нунганей в темноте повернулся к Гвальхмаю и пробормотал.

— Этот Сахем! Это не человек! Говорит, он никогда не слышал о Хоббамоке. По-моему, он-то сам и есть Хоббамок Мерзкий и никто другой! Тело, которое ты выбрал для себя, Глускап, слишком слабо, чтобы сражаться с норумбежцами. Это просто демоны. Как ты полагаешь, Женщина Ночи сможет справиться с ним?

Гвальхмай коротко рассмеялся.

— Кто? Коре... Бумола? Она в состоянии позабочиться о себе. Не беспокойся за нее. Мы окажемся

на свободе прежде, чем ты успеешь опомниться. Что же касается этого тупого болвана... этого рыжего медведя! Если бы он только знал, что для подзарядки огненного оружия следует всего лишь поднять пластину на торце ствола и на час дать солнечным лучам доступ во внутренности трубы...

Взрыв дикого хохота прервал Гвальхмая, и в темном коридоре послышался топот босых ног, когда их невидимый слушатель поспешил наверх.

— Наверно, Каанха не знал этого раньше, — отрывисто заметил абенаки. — Но скоро узнает. Все, что нам остается, — это молиться Кехтану и раскрашивать тела для смерти.

Гвальхмай застонал. Лишь одна мысль несколько утешала его в этом приступе отвращения к самому себе: кольцо Мерлина на его пальце оставалось холодным. Значит, опасность была еще не очень близко.

В ту ночь над всей Северной Алата простипалось холодное безоблачное небо. В самом воздухе, казалось, потрескивали электрические разряды, и над Внутренним Морем плясали Призрачные Танцоры, заставляющие бледнеть холодное великолепие луны. Возможно из-за испарений огромных месторождений меди в этих землях или из-за других, более страшных причин, высоко в небесах появились очертания птицы с широко распластанными крыльями.

Люди на земле поднимали глаза к небу, смотрели на птицу и задавались вопросом: двинется ли она с места, полетит, предвещая войну между народами? Старый Хайонвата, вызванный из своего вигвама в Онондага, увидел зловещее алое сияние дрожащих крыльев, распластанных над Длинным Домом Пяти Народов и, прищурившись, подумал о необходимости собрать совет и выяснить, какая опасность угрожает племенам.

Птица двинулась на восток. Старый вождь облегченно зевнул и с успокоенной душой вернулся к своей меховой постели.

Светящееся изображение не изменило своих очертаний. Оно продолжало двигаться, набирая скорость и мерцая сначала тускло, потом все ярче, излучая странное пульсирующее сияние и меняя цвета. Подхваченный снизу или подталкиваемый сзади таинственными магнитными потоками верхних слоев воздуха, орел быстро летел на восток вдоль Дороги Призраков.

Пролетая над спокойными селениями абенаки, он тускло засиял пастельными тонами, означающими мир, — розово-жемчужными, металлически-голубыми и всеми оттенками желтых — и, описывая широкую дугу, устремился к морю.

Очертания птицы не изменились, когда она зависла над Нор-Ум-Бега, но цвет ее стал сначала кроваво-красным, потом огненным, и зловещий ореол, подобный облаку дыма, окружил ее.

Каранхе доложили об этом явлении, и он спешно поднялся с постели, дабы взглянуть на небо, и рассмеялся от сознания своей силы при виде доброго предзнаменования, которое обещало ему успех в очередном весеннем набеге на материк. Под ним, в подземной тюрьме, откуда ничего не было видно, Коренис незаметно кивнула самой себе, а два ее друга в это время спали в другой камере беспокойным сном, ничего не ведая о предзнаменовании..

БИТВА ЗА БАШНЮ

Трон перенесли во внутренний двор храма, когда к королю привели пленников, которые щурились и моргали от яркого света восходящего солнца. Возле Карапхи спокойно стояла Коренис, по-прежнему в женских одеждах абенаки. Напротив трона в землю были врыты два столба с дочерна закопченными основаниями, с них свисали оплавленные, черные до копоти цепи. Поблизости возле кучи хвороста стояло несколько слуг.

Карапха одарил молодых людей тяжеловесной благосклонной улыбкой и указал на их оружие, брошенное у его ног.

— Поскольку вы открыли мне то, что я хотел знать, — хотя и непреднамеренно — я решил пощадить вас. Отвечайте, согласны вы служить мне. Я назначу вас надсмотрщиками.

Вместо ответа Гвальхмай плонул в его сторону.

Карапха не пришел в ярость, но знаком велел привязать пленников к столбам. Пока их привязывали, король сказал:

— Раз ты отказываешься, и — судя по молчанию — твой товарищ тоже, о могущественнейший Глускал, являющийся, вероятно, простым самозванцем, позволь мне порадовать тебя: скоро тебе представится прекрасная возможность продемонстрировать доказательства своего божественного происхождения.

Держать час, ты говоришь, под солнечными лучами? И эта игрушка полностью перезарядится? Сначала мы обложим вас хвостом. — Слуги приступили к работе. — А затем, когда все будет готово, мы немного потренируемся, согласны? Если оружие будет заряжено как следует, вы не почувствуете боли, когда мы сожжем вам ноги до бедра! А если и почувствуете... что ж! Горящий хвост быстро положит конец вашим мучениям.

Конечно, коли ты Глускал, огонь не причинит тебе вреда. И, безусловно, бог не позволит своим друзьям страдать, если в его силах спасти их, — или я не прав? Сей вопрос кажется мне не лишенным некоторого интереса.

И вот какую мысль унеси с собой в могилу, Глускал. Весной, когда кленовые листья станут размером с беличье ухо, наступит время войны! И оно уже очень близко.

Тогда мы пойдем на абенаки с топором, ножом и огнем. Мы никого не оставим в живых — даже последнего пса у порога вигвама! Новые рабы нам больше не нужны. Нам не нужна рабочая сила теперь, когда мы умеем заряжать оружие Древних.

Норумбежцы подорвут дно Скважины еще при моей жизни! Мы достигнем Страны Темного Солнца, подобно Древним, овладеем сокрытыми в нем тайнами и станем господами среди язычников! Да, весь мир склонится перед могуществом Нор-Ум-Бега! Остров Героев покорит континенты!

Все же, нам придется еще час в тревоге ждать того момента, когда появится возможность проверить истинность твоих слов. А ожидание — слишком скучная штука. Поэтому, пожалуй, я и твоя женщина, Глускал, удалимся на время, дабы предаться любовным утехам!

Он обернулся к Коренис, которая спокойно стояла у трона с лицом, затененным капюшоном с меховой оторочкой.

— Что же касается тебя.. Какое-то время ты будешь принадлежать мне. Потом — командирам сотен. И наконец пойдешь обслуживать рабов у котлов!

Подданные короля покатились от смеха, хватаясь за животы и хлопая себя по коленкам, когда Коренис с подозрительным смирением проследовала за Карапхой в небольшие покой. Тяжелая дверь захлопнулась за ними — и удар ее прозвучал так окончательно, словно с ним завершилась целая глава истории.

Несколько секунд стояла полная тишина. Слуги уже наклонились к вязанкам хвороста, когда их остановил протяжный дикий вопль, донесшийся из темноты королевских покоев. Неподдельный ужас слышался в вопле, предсмертное страдание — и удивление!

Не успели потрясенные люди выпрямиться, как Карапха, сорвав дверь с петель, вылетел из комнаты. Правитель был теперь всего лишь изуродованной грудой мяса с торчащими из раздавленной грудной клетки белыми ребрами. Уже бездыханный, он пролетел по воздуху футов двадцать и с глухим ударом рухнул на землю, раскинув безжизненные конечности.

Нунганей испустил исступленный торжествующий вопль, когда Коренис показалась в дверном проеме. А воины короля в ужасе уставились на величаво

выступающую женщину: героиню древнейших легенд Нор-Ум-Бега. Коренис откинула капюшон со сверкающими волос и стерла рукавом краску, покрывающую блестящие металлические щеки.

Больше ее нельзя было принять за существо, хотя бы отдаленно напоминающее человека, — при ее приближении сильные мужчины попятились прочь от каменных столбов с пленниками и прижались к огораживающей двор стене. Суровое, непреклонное лицо Коренис напоминало сейчас лиц карающего ангела, готового привести в исполнение справедливый приговор. Она подняла огненное оружие и со щелчком отпустила пластиину в торце ствола. Лицо ее не изменилось, и рука не дрогнула, когда одним плавным движением она отправила слуг Каранхи к праотцам.

Оружие коротко полыхнуло и мгновенно разрядилось — но одного выстрела оказалось достаточно, чтобы обрушить стену двора. Улица за ней была пуста.

Девушка подошла к связанным товарищам и, не давая себе труда распутать цепи, разорвала толстые звенья с такой легкостью, словно те были отлиты из воска. И только тогда она заговорила — и голос ее звучал, подобно голосу Рока.

— Так погибли первые из врагов Ахуни-и, бесчестящих ее имя.

— Попасть на остров оказалось довольно просто, — мрачно заметил Нунганей. — Но выбраться отсюда, похоже, будет несколько трудней.

Коренис рассмеялась.

— Сказано с присущим тебе оптимизмом, друг мой! Вот дорога, и вот ваше оружие. Так пойдемте же!

— Куда можем мы пойти, дева Атлантиды? — проворчал Гвальхмай. — На этом острове нет ни единого уголка, где нас ждали бы друзья, — разве

что леса за Стеной Рабов. Там нам придется долго отсиживаться. Ведь нас всего трое!

Коренис склонила прелестную головку.

— Нет, друг мой, нас четверо. Мы сами — и Ахуни-и, во имя которой я действую. Что же до следующего места назначения... Мне приказано взять Башню и ждать там дальнейшего развития событий.

— Мы идем на смерть, — тихо пробормотал Нунгани. И, пока Коренис помогала Гвальхмаю застегнуть пряжку пояса, он тайком соскреб немного копоти с грязных цепей и измазал ей щеки и лоб. После этого, чувствуя себя вполне готовым к своей последней битвы, абенаки поспешил за товарищами, сочиняя на ходу новые величественные строфы предсмертной песни.

Солнце стояло уже высоко в небе, но для обитателей города, затененного стеной темной воды, час пробуждения еще не настал. Никого не встретили трое друзей в бедных кварталах города, лежащих на пути к зиккурату. Последний, будучи самым высоким зданием на острове, отчетливо виднелся вдали. Избегая улиц, которыми их недавно вели ко дворцу короля, молодые люди и Коренис проходили мимо домов с наглухо закрытыми ставнями и дверями, запертыми на замки и засовы из страха перед ночных убийцами.

В Нор-Ум-Бега ни один человек не доверял соседу.

Удача сопутствовала друзьям и на следующей улице: грязной дороге, петляющей между кучами гниющих отбросов. Но так не могло продолжаться долго. Свернув на более пристойную городскую магистраль, они увидели неподалеку идущего навстречу им человека. Он был полностью вооружен и шагал, беззаботно поглядывая по сторонам и весело насвистывая. Молодые люди и девушка отпрянули обратно за угол, в нищий грязный переулок.

— Смена часового у Скважины, — прошептала Коренис. — Можешь убрать его, Нунганей! Только тихо.

Свирепый белозубый оскал послужил ей ответом. Абенаки выхватил боевой топорик и привычно взвесил его в руке.

Ничего не подозревающий стражник, очевидно, не спешил занять свое место в глубокой шахте. Позвякивая оружием, он неторопливо прошагал мимо поваротни. Нунганей выступил из-за угла, дабы обеспечить себе пространство для длинного замаха. Топорик абенаки полетел, стремительно вращаясь, и острое кремниевое его лезвие вонзилось по самую ручку, обмотанное ремнями, точно в место между латным воротником и шлемом, из-под которого выбивались рыжие пряди, теперь перерезанные и более красные, чем обычно.

Раздеть мертвого стражника в ближайшем грязном переулке было делом нескольких секунд. Вскоре из того переулка вышел вооруженный человек с тщательно убранными под шлем волосами и лицом, закрытым опущенным забралом. В руке он держал обнаженный меч, коим подгонял краснокожего раба и девушку в надвинутом на лоб капюшоне. Последние двое несли оружие Гвальхмая и Нунганея, увязанное в нижнюю рубашку убитого стражника.

Замаскированные таким образом, они миновали уже знакомые улицы, обойти которые не представлялось возможным, и прошли по широкому оживленному проспекту, не привлекая к себе особого внимания. Следующий поворот дороги привел их в убогий двор, где снова кипел на огне серебряный котел с завтраком и гуляло несколько проснувшихся детей. Трое друзей пересекли двор беспрепятственно и наконец вышли к широкой, поросшей травой мощеной дороге, проложенной вдоль отвесной стены океана.

Спеша вдоль неподвижной темной плоскости воды, молодые люди и Коренис заметили за неосозаемым барьером некое таинственное неясное шевеление: с другой стороны невидимой стены вслед за ними двигалась размытая смутная тень.

Огибая какое-то препятствие на морском дне, существо повернуло и ткнулось носом в прозрачную плотину, принимающую на себя колоссальное давление океана. И тогда молодые люди смогли рассмотреть его отчетливо: то длиннотелая акула рыскала под водой в поисках пищи — и за ней во мраке глубины маячили другие хищницы! Мягко шевеля плавниками, акула плыла за путниками, не сводя с них пристального взгляда маленьких свиных глазок.

— Морские волки Ахуни-и! — воскликнула Коренис. — Их призвали сюда — и они собираются!

И вот наконец молодые люди и Коренис приблизились к черной каменной башне — целые и невредимые вопреки мрачным ожиданиям Нунганея. Но едва они преодолели первые ступени вьющейся лестницы, как за их спинами послышался шум и крики: беглецов преследовала беспорядочная толпа рыжебородых солдат, бегущих вразброс и без командира.

Было ясно: их вот-вот настигнут. Но трое друзей стремительно взлетели на дюжину ступеней до небольшой площадки, и здесь, заслонив собой Коренис и Нунганея, Гвальхмай повернулся к врагам, готовый принять бой.

Конечно, молодой человек отличался впечатляющей физической силой и имел преимущество в позиции, ибо находился выше нападающих — но в первой схватке лишь прекрасный римский меч спас его. К счастью, отец Гвальхмая, Вендиций, бывший центурион, хорошо обучил сына. В искусстве владения мечом молодому человеку не было равных среди ацтеков, поскольку их маккауитль с зубцами из вул-

канического стекла предназначался в основном для того, чтобы бить и сокрушать лезвием, и не имел острия. Римским же мечом, кроме всего прочего, можно было и колоть.

Поначалу у Гвальхмая не представилось возможности для демонстрации боевого мастерства. Мощным натиском враги оттеснили его с площадки и заставили медленно отступать по ступеням все выше и выше. Голубой стальной клинок со свистом описывал круг — и никто из ступивших в него не оставался в живых.

К счастью для ацтланца, доспехи врагов были изготовлены не из таинственного живого орехалька, но из сплава, похожего на него по цвету. Подобно бронзе, металл сей отражал удар мягкого медного клинка и выдерживал удар топора, выкованного из того же сплава, но добрая легионерская сталь разрезала его, словно простое олово.

Выше и выше теснили враги Гвальхмая по широкой лестнице. Но уже на середине первого витка спирали молодой человек услышал звон тугого лука Нунганея. Стрела просвистела над плечом юноши и его противник со стоном повалился наземь, не успев опустить поднятую в замахе руку.

Высокий воин в прекрасных доспехах выбежал из толпы вперед, перебрасывая топор с руки на руку. Голова норумбежца была обнажена, и почти алые волосы его разевались на ветру, словно языки пламени. Экстатическое выражение на лице воина свидетельствовало о том, что он мало дорожит жизнью.

На бегу норумбежец пел песню Солнца:

Небо и Земля нетленны —
Смертен человек!
Годы старости ужасны —
Там умри в бою!

Он захрипел, когда стрела Нунганея вонзилась ему в горло, упал на колени у края лестницы и, перевалившись за низкое ограждение, полетел вниз, освобождая дорогу бегущим за ним людям. Но даже в последние мгновения жизни лицо воина сохранило выражение восторга.

Словно разъяренные ядовитые пчелы, жужжали в воздухе карающие стрелы. И наконец за отсутствием места для сражения норумбежцы были вынуждены прекратить наступление, дабы убрать с лестницы мертвые тела. Тяжело дыша, Гвальхмай прислонился к стене. Коренис вырвала из каменной кладки одну из тяжелых плит и швырнула ее в толпу. Троє друзей получили возможность короткой передышки.

Затем несколько тяжело вооруженных воинов попытались разобрать завал из трупов и расчистить себе путь, в то время как остальные норумбежцы метали в противников длинные ножи, прикрывая своих товарищей. Гвальхмай в отчаянии прыгнул вниз, дабы отвлечь воинов на себя.

Снова поднялся лязг, звон и стук оружия. Но пики с деревянными древками, несмотря на свою длину, не могли сравниться со стальным мечом в руках человека, которого обучал лучший воин из личной охраны Артура, Короля Британии. Наконец Нунганей, истратив все свои стрелы, принялся подбирать летящие со стороны противника ножи и без промаха метать их обратно — этим искусством молодой абенаки владел в совершенстве.

Итак, некоторое время троим друзьям удавалось удерживать лестницу. Новые и новые толпы норумбежцев волнами набегали на подножье Башни от теперь уже полностью пробудившегося города. Бесчисленные полчища воинов — полных сил, не обескровленных и безумно возбужденных от мысли о же-

стокой схватке, — оттесняли троих героев все выше и выше, к следующей площадке. Наконец Коренис повернулась и бросилась вверх.

Пораженный ударом топора, Нунганей лежал на ступенях — оглушенный, но живой — и Гвальхмай прикрыл товарища, приняв бой с дюжиной разъяренных воинов, похожих на ожившие золотые статуи. Молодой человек знал, что не оставит товарища, и решил умереть достойно.

— Падай на землю, ацтланец! — прозвучал громкий повелительный голос Коренис, и Гвальхмай мгновенно повиновался. Разряд огненного оружия воспламенил, казалось, сам воздух над его головой и с оглушительным грохотом смел прочь всех нападающих норумбежцев. Двадцать футов витого пандуса рассыпалась в прах, и в лестнице образовался провал, преодолеть который мгновенно не представлялось возможным.

Но, очутившись за пределами досягаемости, друзья по-прежнему подвергались опасности под дождем копий, ножей и пущенных со страшной силой топоров, которые с грохотом падали на стертые ступени, высекая искры из камня. Отшвырнув в сторону разряженное оружие, Коренис схватила обоих юношей, легко побежала вверх и на следующем повороте витка скрылась от глаз норумбежцев.

Девушка достигла горизонтальной площадки, которая тянулась по всей окружности Башни, и опустила свою ношу наземь недалеко от ведущей на вершину лестницы. Молодые люди постепенно отдохнули, и в глазах Нунганея появилось осмысленное выражение. С воинственным кличем абенаки вскочил на ноги и схватился за топорик — единственное оставшееся у него оружие.

И тут Гвальхмая показалось, что его друг смущался.

тился. Было непривычно видеть, как под слоем предсмертной раскраски внезапно смягчилось это суровое мрачное лицо. Гвалхмай ухмыльнулся другу, и медленная теплая улыбка появилась на красиво очерченных губах металлической девушки — первая за долгое время их отступления. Улыбка мгновенно исчезла, когда снизу донеслись крики и щелканье бичей. Трое выглядели за ограду площадки.

Прямо внизу, в полусотне футах от них, зиял провал в пандусе. К нему гнали толпу краснокожих абенаки. Нагруженные тяжелыми деревянными балками и толстыми досками рабы едва переставляли ноги.

Норумбежцы безотлагательно приступили к делу. Длинные доски ставили вертикально и давали им падать к противоположному краю пролома. После того, как несколько досок отскочили при ударе и исчезли в пропасти, одна, наконец, легла прочно. Краснокожий раб проворно перебежал по ней на другую сторону расселины и крепко держал конец доски, пока его товарищи под блестящим оком надсмотрщика осторожно проталкивали по ней толстую балку. Когда та надежно стала на место, эту операцию повторили еще несколько раз, и затем остав моста молниеносно покрыли настилом.

Внезапно Гвалхмай обнаружил, что девушка, прежде стоявшая рядом, куда-то исчезла. Юноша оглянулся: действуя оторванным от подъемного механизма остроконечным бруском, как клином, Коренис выковыривала из мощеной площадки колоссальную плиту.

Гвалхмай подскочил к девушке, дабы помочь ей сбросить камень на мост. Нунганей заметил его движение и, поняв намерение товарищей, прыгнул к ним с исказенным лицом, забыв о своей невозмутимости.

— Это люди моего народа, Бумола! — взмолился он. — Только не на них.

— Это были люди твоего народа. Теперь в них осталось мало человеческого, Нунганей. С ними обращались, как с животными, — и души их умерли. При первой возможности они набросятся на тебя с яростью, достойной своих хозяев.

— Возможно, — согласился Нунганей. — Но пощади их, Женщина Ночи. Подожди, пока по мосту пойдут Чену.

В течение нескольких долгих секунд Коренис пристально смотрела на абенаки, потом швырнула брусья на землю и направилась к краю площадки взглянуть вниз.

Было уже слишком поздно. Казалось, некий вездесущий разум, принявший на себя командованием норумбежцами, проник в замысел Коренис: и рабы, и рыжеволосые убийцы смешанным потоком текли по мосту.

Девушка подождала, пока последний раб пересечет провал, и затем метнула тонну резного камня в сверкающую толпу вооруженных норумбежцев. Временный мост с громовым треском обвалился и деревянные обломки посыпались в пропасть. Вслед за ними в бездну с дикими воплями полетели судорожно дергающиеся фигуры; они ударялись о нижние ряды пандуса, подпрыгивали и падали в беспорядочную бурлящую толпу людей на Лодочной Площади, пробивая в ней широкие дыры.

— Слишком поздно, — мрачно сказала Коренис.

Первые из преследователей уже достигли площадки и бежали на них. Это были абенаки. Они яростно размахивали подобранным на ходу со ступеней оружием. По виду и по нраву они казались столь же одержимыми, как и бородатые, ухмыляющиеся убий-

цы, побудившие их броситься вперед и принять на себя основной удар сражения.

Нунганей резко призвал соплеменников повернуть оружие против поработителей. Но либо проигнорировав его обращение, либо совершенно превратно поняв его слова, рабы бросились на троих героев. Хорошо, что молодые люди успели немного передохнуть, ибо эти противники, не обремененные тяжелыми доспехами, ловко и проворно отпрыгивали в сторону и легко уворачивались от ударов. Гвальхмай и Нунганей сражались ожесточенно, хоть и против своей воли. Наконец нападающие оттеснили их к последней лестнице, ведущей на вершину Башни, откуда пути к дальнейшему отступлению не было.

Снова, отступая в прежнем порядке, молодые люди отстаивали каждую ступень лестницы — и старались лишь оглушать абенаки ударом, но безжалостно убивали атакующих норумбежцев.

К счастью, на последнем витке лестница была уже и круче, ибо Башня резко сужалась к вершине — каковое обстоятельство не давало врагу больших возможностей для метания ножей и топоров. Гвальхмай же здесь получил некоторое преимущество: он наносил противнику колющие удары римским мечом, метаясь в щели между пластинами металлических доспехов. Однако норумбежцы знали уязвимые места своих доспехов лучше, и скоро молодой человек, несколько раз уколотый пиками, истекал кровью и чувствовал, как слабеет его рука и постепенно тяжелеет зажатый в ней меч.

Именно поэтому он не смог отразить удар топора, повергший его на колени и сбивший с головы шлем, который со звоном покатился по ступеням.

Одним прыжком Нунганей очутился перед Гвальхмаем и заслонил друга обнаженной грудью. Абенаки

взмахнул кремниевым топором и расколол его вдребезги о латы могучего великана. Тот презрительно расхохотался и занес над головой тяжелый топор, намереваясь одним ударом покончить с обоими.

Но тут над головами преследователей взмыл боевой клич абенаки — вопль, от которого стынет кровь в жилах вышедшего на охоту кугуара, — и покрытый шрамами одноглазый воин начал яростно пробиваться сквозь толпу.

— Хо! Хо! Косаннип! — воскликнул Нунганей, падая наземь и хватая убийцу за колени. В тот же миг Косаннип подскочил к врагу со спины и взмахнул ужасным топором с лезвием в виде полумесяца. Один рог его вышел из шеи великана, а другой застрял в зубах нижней челюсти.

Половинки расколотого черепа лежали на обоих плечах норумбежца. Косаннип рывком вытащил топор из мертвого тела, и рыжий убийца рухнул.

Нунганей мгновенно подобрал топор убитого, и плечом к плечу воссоединившиеся братья по крови стали на ступенях лестницы и несколько драгоценных секунд сдерживали натиск толпы. Оглушенный Гвальхмай неверной рукой потянулся к шлему, но все силы, казалось, покинули его. Нунганей наклонился, поднял шлем и нахлобучил на голову друга. Тот с трудом поднялся на ноги, опираясь на меч. Конец был близок.

Вдруг сброшенное сверху человеческое тело проплыло в воздухе и рухнуло среди взвывшей толпы. За ним с истошными воплями вниз полетел другой человек. То был безумный Баралдабай, Хранитель Башни, который сетовал на отсутствие войны. Все глаза устремились на вершину Башни. Там стояла Коренис, подобная живой статуе, олицетворяющей карающую Ярость. Одна развевающаяся на ветру юб-

ка прикрывала сейчас сияющее тело. Девушка пристально смотрела вдаль через морские пространства:

— Смотрите! — вскричала она. — Смотрите внимательней, Убийцы Нор-Ум-Бега, ибо то близится ваша Смерть, посланная Ахуни-и!

Сражение прекратилось. Стон ужаса пронесся над собравшейся толпой. Воины из подкрепления, спешащие через мост, замедлили быстрый шаг, достигнув площадки и очутившись над уровнем воды, в свою очередь смогли увидеть поверхность моря сквозь силовую стену. Доблестные воины выпускали оружие из ослабевших рук и в ужасе падали на колени.

К невидимой преграде, защищавшей их маленький мир, легко подпрыгивая на волнах, стремительно приближалась Вимана.

ПРОЩАЙ, ГРОМОВАЯ ПТИЦА!

Быстро приводимый в движение широкими перепончатыми лапами, корабль-лебедь из Атлантиды рассекал мощной грудью морские волны. Когда он подплыл ближе, Гвальхмай и двое абенаки, спешно преодолевающие последние несколько ступеней до верхней площадки Башни, услышали стук и гул его мощного механизма. Сквозь рев прибоя, набегающего на незримую стену, до них донесся и некий новый звук: протяжный, наводящий ужас свист, похожий на шипение гигантской змеи.

И снова Гвальхмай ощущил разлитую в воздухе ненависть, подобная которой царила на борту таинственного корабля, но направленную на сей раз не на него одного. Чужая мысль забилась в его мозгу, и мысль эта была: «Убей, убей, убей!» Он взглянул на Коренис. Лицо девушки было сурово безжалостно.

Вимана подплыла ближе. Длинная изогнутая шея лебедя откинулась назад, и клюв широко раскрылся. Снова засверкали круглые кристаллические глаза птицы, и некая разрушительная энергия в виде двой-

ного потока ослепительного смертоносного огня врезалась в силовую стену. Но этот разряд не походил на прежнюю молнию, ту, что Гвальхмай некогда собственноручно выпустил в море водорослей, и ту, что убила морского дракона. Это был жестокий голубой луч — тонкий, безжалостный и нестерпимо яркий.

Луч ударили в силовое поле, и в невидимом барьере вспыхнуло сияющее радужное кольцо, которое переливалось всеми оттенками, словно мыльный пузырь прежде чем лопнуть. Казалось, целую вечность изливался поток энергии в этот сияющий круг, раскаляя силовое поле, преодолевая его сопротивление, деформируя атомную структуру таинственного материала.

Под сим яростным напором в стене образовалась вмятина, она становилась все глубже и глубже, и наконец, пробив силовое поле, странная молния с треском пронеслась до середины затонувшего острова.

Зловеще дрожа, она зависла в небе Нор-Ум-Бега, подобно огненному предзнаменованию, возвещающему людям внизу пришествие Судного Дня. Затем луч погас, но теперь края ровного отверстия в невидимой стене загорелись.

Сначала медленно, потом все быстрей по мере того, как увеличивалась площадь горения, маленькие бездымные язычки пламени лизали и пожирали силовую завесу. Наконец потоки огня со страшным ревом взметнулись высоко в небо и достигли верхнего источенного края невидимой преграды, которая так долго защищала Нор-Ум-Бега от натиска океана. В стене образовался широкий разрыв, доходящий почти до уровня моря, и в обе стороны от него устремились превратившиеся в стофутовые столбы языки пламени, спеша обогнать обреченный остров и встретиться на противоположной его стороне — они двигались со

все возрастающим ускорением, дабы слиться в одном исполинском костре и, слившись, исчезнуть навсегда.

Прожорливый огонь устремился и вниз. Он казался холодной и не оставляющей после себя пепла полосой света, которая постепенно опускалась к поверхности моря. Эта полоса двигалась вниз медленно, ибо одновременно от скалистого морского дна начала подниматься навстречу энергия, возникающая при распаде атомных структур, которая насыщала собой силовую стену, — как это и было задумано инженерами Древней Атлантиды. Но процесс уничтожения шел быстрее, чем процесс восстановления.

Набегающие волны уже перекатывались через край стены, но не могли погасить неуклонно опускающуюся полосу пожара. Потоки соленого дождя хлынули на Лодочную Площадь, заливая обращенные к небу лица до смерти испуганных людей. Протяжный вопль ужаса донесся снизу до вершины Башни.

Толпы людей уже текли вверх по пандусам зиккурата. Все понимали: скоро поднимающаяся над уровнем воды Башня останется единственным местом, где можно будет искать спасения. Гвальхмай видел, как люди спешно переворачивают лодки, и понимал бессмысленность всего этого.

Корабль-лебедь спокойно качался на волнах, вытянув шею, — словно наблюдал за происходящим и забавлялся царящим внизу смятением.

Нунганей и Косаннип смотрели на Стену Рабов. Там шло сражение, и темный поток их порабощенных соплеменников уже хлынул через каменную преграду. В толпе, текущей по улицам разрушенного города, не было видно золотых доспехов Убийц. Пожалуй, они поняли, какую опасность сулит лишняя тяжесть на плечах. Жалобные крики обреченных людей слились в один общий стон, едва ли различимый

в торжественном гуле и грохоте потопа, в волнах которого каменные дома рушились, словно сахарные.

Вся верхняя часть силовой завесы была уже уничтожена, и в сотне мест, где энергия восстановления уступила энергии разрушения, вода била сквозь стену фонтанами.

Тоненькие струйки сверкали серебром, когда солнечные лучи отражались в брызгах или негасимый огонь подсвечивал их снизу. Отдельные потоки, встретившись, слились в огромные реки и те хлынули вниз мощными водопадами, когда огромные морские валы начали безостановочно перекатывать через край стены.

Пена и водяная пыль вскипали на зеркальных поверхностях вертикальных потоков, затмевающих своей высотой водопад Не-Ах-Га-а.

Люди на Башне, находящиеся прямо над вспененными струями потопа, могли видеть, как вода хлынула навстречу бегущей толпе рабов и повлекла несчастных за собой. Стремительные потоки уже достигли Скважины и с плеском слились вокруг ее краев.

Лебедки, такелаж и прочее оборудование исчезли в зияющей дыре. Оборудованная блоками и приводами вышка над Скважиной накренилась, рухнула, и кипящий поток мгновенно унес ее прочь. Нагромождения плит и насыпи из земли и камней без следа исчезли в бурлящих волнах. Отверстие Скважины разверзлось все шире и шире, словно измученная жаждой Земля широко разевала рот навстречу воде.

Но даже сквозь мощный рев низвергающегося океана из проклятых глубин Скважины доносился размеженный стук и грохот Рабочих, которые пытались пробить тонкий слой скалы, отделявший их от

свежего воздуха и царства прекрасных зеленых лугов наверху.

Водопад со страшным шумом обрушился на тонкий слой скальной породы, и огромная тяжесть сокрушила, разбила вдребезги преграду. Воздушный пузырь начал стремительно подниматься по зигзагообразной шахте. В нем был заключен некий расплывчатый Образ, по форме отдаленно напоминающий человека, но превосходящий последнего размерами настолько, насколько мамонт превосходит мышь! Вместе с ним в пузыре поднималось коряевое дерево с совершенно белыми от отсутствия хлорофилла стволом и листьями.

Лишь один раз существо взмахнуло над волнами израненной кровоточащей рукой — и скрылось под водой навсегда.

В то же мгновение воды приостановили свое бурление у разверстой дыры в земле, и оттуда на сотни футов в небеса взмыл мощный фонтан брызг. Потом исполинский столб стал снижаться, уменьшаться и наконец превратился в расходящийся пенный круг, отмечающий место, где находилась самая глубокая шахта, вырытая когда-либо смертным человеком. И ничего больше не указывало на то, что внизу похоронены плоды тысячелетнего изнурительного рабского труда. Навеки погребенной под водой осталась пещера, которая обитателям Страны Темного Солнца показалась бы не более, чем простой прихожей.

Колоссальный вал прилива, несущий с собой обломки строений и мусор, хлынул по центральной улице города на Лодочную Площадь, переворачивая металлические суда, словно щепки, и сметая толпу на своем пути. Волны с ревом ударились о пандусы зиккурата, сбрасывая с них карабкающихся вверх людей и засасывая их в кипящие водовороты.

Бешеный поток завихрился вокруг зиккурата, размывая зеленый холм, служащий ему основанием, подрывая фундамент Башни.

Мощная искусственная гора задрожала, сотряслась и грунто накренилась к морю, величественно склоняясь перед высшей силой и стряхивая со своих плеч облепившие ее толпы людей.

Длинная стрела подъемного устройства со стоном раскачивалась из стороны в сторону над спокойным морем, волны которого совершенно утихли. Вимана, по-прежнему повинуясь мысленным командам Коренис, держалась под концом стрелы, сопротивляясь течению, сносящему ее в сторону огромной воронки. Четыре товарища, убедившись в невозможности использования кабины подъемника, с отчаянной смелостью начали карабкаться вниз по решетчатой конструкции стрелы.

Гвальхмай бросил один взгляд назад. Несколько островитян и рабов ползли следом. А за ними ни единого строения не виднелось над поверхностью моря. Под водой лежали дома, хижины, дворцы и храмы. И над водой поднимался огромный белый столб холодного тумана и брызг — он раскачивался и склонялся к морю, словно гений-хранитель Атлантиды пришел оплакать предсмертные мгновения ее последний одинокой колонии, пусть греховной и забытой всеми.

Товарищи, уже сбившиеся в кучу на спине Виманы, торопили Гвальхмая. Стрела задрожала и опустилась ниже. Молодой человек спрыгнул на мокрую скользкую металлическую поверхность. Коренис поймала его за пояс и оттащила от края палубы.

Снова откинулась крышка люка, и четверо поспешили вниз. Следующие за ними люди уже спрыгивали на спину птицы. Крышка люка плотно стала на

место, и мотор загудел громче: судно начало преодолевать мощное течение, увлекающее его к огромной воронке. Страшный удар сотряс Виману, и до четырех товарищей донесся оглушительный грохот: то рушился зиккурат. Затем стрела подъемника обрушилась на Виману во второй раз — корабль на мгновение дрогнул, и его стало затягивать в воронку.

К счастью, глубина моря над островом была уже значительной. Вода затормозила падение Виманы, но ее закружило в водовороте и начало бросать вверх-вниз в перекрестных потоках. Троих мужчин швыряло из стороны в сторону и было о твердые борта корабля. Но Коренис, которая пыталась вывести судно из воронки, сохраняла равновесие у пульта управления, благодаря силам магнитного притяжения.

Незадолго до этого трое молодых людей потеряли сознание. Когда корабль в последний раз перевернулся вверх дном, Гвалхмай ударился головой о металлический потолок, перед глазами его брызнул фонтан искр, затем юноша провалился в темноту. Коренис могла только стоять и смотреть, не в силах помочь другу. Девушка знала, что они — последние из людей, видевшие красоту и ужас Нор-Ум-Бега. Она знала, что над их головами теперь простирались лишь дикие пустынные пространства пляшущих волн.

Так Громовая Птица спустилась на остров Нор-Ум-Бега — как и было когда-то предсказано.

Вимана спокойно лежала в маленькой закрытой бухте далеко к северу от острова. Неделя заботливо-го ухода вернула здоровье и силу избитым человеческим телам, и двоих абенаки с сожалением и печалью высадили на берег, дабы те возвращались до-

мой. Гвальхмай и Коренис стояли у пульта управления, склонившись над морской картой, вытравленной кислотой на тонком листе металла.

— Обрати внимание, — сказала девушка, любовно глядя на Гвальхмая, — участки суши неоднократно поднимались и опускались с тех пор, как была сделана эта карта. Береговые линии колебались и меняли очертания. Исчезали горы. Однако крупные материковые образования в общих чертах остались прежними. Вот этим путем ты должен идти, чтобы выполнить свою клятву. А я, как обещала, помогу тебе.

На севере и западе здесь обитают Инуиты — дики, враждебно настроенные к лесным народам. На северо-востоке находится родина Беотуков. Это прекрасная страна, хотя климат там стал холодным с тех пор, как погружение под воду Атлантиды отвело теплые течения от этих берегов. Но упомянутые земли не представляют для тебя интереса. Еще дальше на севере простирается Киммерия, погребенная под снегами десяти тысячелетий.

За этими странами пролегает твой путь. Здесь находятся острова и выступы материка, за которыми начинается Европа. Вот Эстотиланд и Миура, и Земля Греков, древних наших врагов, называемая Фулой. Так что ты достигнешь своей цели в срок.

— Ты говоришь только обо мне, — удрученно заметил Гвальхмай. — Но ведь мы не расстанемся?

Девушка порывисто подалась вперед, словно желая дотронуться до него, — но вместо этого прижала ладонь к боку, где слабое мерцание пробивалось сквозь кожаные одежды.

— Нам придется, дорогой мой, и вот почему. Оба мы, я и корабль, несущий нас, обречены. Жизнь постепенно покидает нас.

Как ты догадывался, Вимана обладает своей собственной жизнью. Ты должен понимать, что человек не может считаться настоящим человеком без Божьей искры внутри: это и ставит его выше животного. Именно этой искре, извлеченной из Духа Волны, Убийцы позволили погаснуть и тем самым обрекли себя на гибель.

Металл любого рода никогда не сможет жить без добавленной в сплав крохотной частицы орихалька, которая подобно дрожжам, воздействует на всю массу металла и преобразует его первоначальную структуру. Изначально Вимана была построена человеческими руками из простого металла, но присутствие моего орихалькового тела в ней преобразовало частицы сплава. Через эти частицы корабль получал солнечную энергию и, постепенно обретая родство со мной, хранил ее в течение тысячелетий нашего плавания над затонувшей Атлантидой. Наконец Вимана стала жить своей собственной жизнью. Эмоционально инертной, — согласна — но настоящей жизнью!

Поскольку ее механизмы рассчитаны на управление мыслью, и поскольку мое тело обладает человеческой душой, Вимана получала команды от меня. Я, Коренис из Коликиноса, значительно превосходжу разумом эту металлическую тварь, и поэтому мне удавалось управлять его волей. У меня есть душа — у Виманы ее нет. И все же, практически без моего приказа она пришла к Нор-Ум-Бега и спасла нас. По-своему Вимана любит меня!

— Я могу понять это, — пробормотал Гвальхмай. Коренис немного смущалась.

— Она возненавидела тебя, ибо поняла, что с твоим появлением наш с ней долгий союз распадется... как оно и случилось. Но, о Гвальхмай! Как хорошо быть живой!

Вимана пыталась отпугнуть тебя от моего зала, единственным доступным ей способом: звучанием музыкальных инструментов, первоначально встроенных в нее для развлечения людей. Ты не отступил и нашел меня. После этого Вимана стала мрачна — я чувствовала ее настроение. Она ненавидела тебя все больше и больше и мечтала уничтожить тебя, дабы я снова осталась одна. Такой возможности ей не представилось, ибо я всегда находилась рядом с тобой и моя воля была сильней.

Но скоро я покину тебя, и тебе придется продолжать путь в одиночестве.

Печаль зазвучала в ее голосе. Гвальхмай хотел что-то сказать, но Коренис подняла руку.

— Ты видел сияние, которое распространяется по всему моему телу. Ореол света переливается вокруг меня, и сияющий живой металл постепенно превращается в тусклый и мертвый от этого излучения. Жесткие лучи смертоносной энергии прошли сквозь меня, когда я оказалась на их пути, и вызвали к жизни реакцию распада. Вимане передалось это от меня. Наши клетки теряют свою жизненную силу и вновь становятся неодушевленным металлом или, разрушаясь, превращаются в обволакивающий мое тело туман мерцающих частиц.

Когда этот процесс закончится, мы с Виманой умрем. Но прежде, чем это произойдет, я выведу тебя на твою дорогу.

Ты не можешь пересечь широкий океан на хрупкой деревянной лодке. Это опасно. Некогда люди Атлантиды отправились в плавание по Морю Змей на деревянных судах и утонули. Змеи прогрызли днища их кораблей, и те шли ко дну. Лишь металл может устоять против зубов чудовищ.

Вимана не успеет доставить тебя через океан к

месту твоего назначения. Поэтому мы отправимся на север, в холодные воды с плавучими ледяными глыбами, и будем продвигаться от земли к земле до тех пор, пока корабль еще будет повиноваться моим приказам.

Затем мы расстанемся. Ты пойдешь через незнакомые страны в нужном тебе направлении пешком — обретая друзей среди их обитателей, одолживая лодки для переправы через водные препятствия, — и будешь двигаться по побережью материка непроложительными переходами до тех пор, пока не достигнешь своей цели и не передашь послание кому нужно. Однако у меня есть предчувствие, что это путешествие займет у тебя значительно больше времени, нежели ты предполагаешь.

— А ты? — спросил Гвальхмай. Коренис улыбнулась.

— Я? Не думай обо мне. Скоро я узнаю, какой конец назначен мне судьбой и Ахуни-и.

Шли дни плавания. Вимана покинула побережье и двинулась на северо-восток, обходя стороной негостеприимные острова. Порой люди в обтянутых кожей челнах выходили на перехват их судна, но оставались далеко позади. В других местах косматые звероподобные дикари спускались к воде, и, ничего не боясь, грозили им дубинками, призывая незнакомцев сойти на сушу и принять смерть.

Они продолжали идти вперед по древней карте. Большую часть времени Коренис проводила у пульта управления и общалась с молодым человеком по возможности меньше, ибо боялась, что его обожжет золотой туман, который выделялся из стен помещения и витал вокруг ее собственного тела, подобно дымке закатного облака.

Зловещий лязг и треск, доносящийся из машин-

ного отделения, свидетельствовал о постепенном разрушении и распаде механизмов, и в один прекрасный день не замечать сии признаки стало невозможно.

Вимана к этому времени пересекла полосу льдов и неуклонно приближалась к полосе более теплого климата. Наконец они подошли к какому-то берегу.

То была скалистая земля, которую Коренис не могла найти на своих картах. Но ее местоположение и дым вулканов на горизонте навели девушку на мысль, что это молодая земля, поднявшаяся из моря со времени гибели Атлантиды.

Если эту местность и населяли какие-то люди, то ни следа их не заметили путешественники за все время, что корабль-лебедь медленно двигался вдоль южного побережья. Заливов здесь не было, и удобных мест высадки тоже. Волны разбивались о негостеприимный берег, возле которого плавали принесенные из моря огромные обломки льда. Они были покрыты пылью, оседавшей после многочисленных извержений вулканов, и по ночам небеса озарялись красным светом. Путешественники посчитали данную землю островом. Единственным свидетельством того, что здесь побывал человек, явилась плывущая вверх дном обтянутая кожей лодка. Поблизости от нее никого не было.

Столб вулканического пепла и дыма высотой в десять тысяч футов стоял в середине острова, когда Вимана пристала к берегу. Место этоказалось совершенно непригодным для высадки, но у Коренис не было выбора. Дальше плыть они не могли. Двигаясь с великим трудом — поскольку огнеупорное металлическое тело уже едва повиновалось ее воле — девушка помогла Гвалхмаю перенести провизию на отлого спускающийся к воде берег в конце длинного

узкого залива, где впадала в море затянутая льдом река.

Волосы Гвальхмая совсем побелели под лучами, постоянно испускаемыми распадающимися клетками корабля. Но юноша убедился, что ловкость и сила его не убыла, когда они с Коренис взобрались по пологому ледяному склону на невысокую скалу.

Снег падал на суровую холодную равнину вокруг огромными мягкими хлопьями. Гвальхмай и Коренис сели и посмотрели вниз, на стоящий в ожидании корабль-лебедь. Облако танцующих золотых пылинок окутывало его, почти скрывая от взгляда. Подобное облако окружало и Коренис.

Каждое движение давалось ей с большим трудом, и у Гвальхмая сжалось сердце, когда он вспомнил, с какой веселой живостью когда-то давным-давно танцевала девушка по черно-белым квадратикам пола, заставляя звучать для него музыку.

— Итак, здесь мы должны расстаться. О Гвальхмай! Неужели я завела тебя так далеко на твоем пути лишь затем, чтобы оставить на смерть? Дух Волны не может быть так жесток к нам.

— Твоя богиня не позволила бы тебе стать настолько дорогой для меня, если бы все кончалось здесь. Теперь я знаю, что выпив волшебное зелье своего крестного Мерлина, я продлил себе жизнь. Ты, бесценная моя, которая странствовала по всему свету и смотрела на мир глазами многих людей в разные эпохи, должна найти способ вернуться ко мне. Конечно, в свое время нам будет позволено встретиться снова!

Коренис с усилием улыбнулась.

— Значит, ты, как и я, чувствуешь, что смерть тела не означает конца жизни? Тело мое умирает, но оно принесло мне мало радости. Чувствовать себя

живой и знать, что ты из металла! Сознавать себя живой, ощущать человеческие желания и тосковать о любви! Жить так долго и страстно мечтать о смерти — и теперь умирать и жаждать любви! О Гвальхмай!

Все же эта жизнь значит мало для меня. В ней мы никогда не будем ближе друг к другу, чем сейчас. Если мы встретимся снова — пусть это случится в какой-нибудь будущей жизни.

— Мы должны! Мы обязательно встретимся! — Юноша крепко обнял Коренис. Она легко высвободилась из его рук и продолжала:

— Сейчас у нас нет времени для любви. И нет времени ни на что! Ты должен поспешить в глубину острова, спасая свою жизнь, ибо знай: когда я умру, Вимана может вернуться и убить тебя. Сейчас я собираюсь отвести ее далеко в море и, возможно, уничтожить, прежде чем мои силы окончательно исчезнут, и мое тело умрет полностью.

Я заслужила это наказание. Я исполнила свою клятву. Я убила Убийца и стала Убийцей сама — это непростительный грех, так меня учили. Из-за этого греха я умираю, но — да простит меня Ахуни-и! — я не чувствую себя виноватой!

— Ты не виновата! — простонал Гвальхмай. — О Коренис! Убийств и желания убивать не станет меньше оттого, что Нор-Ум-Бега уничтожен. Борьба — это часть человека, присущая ему от рождения и вовек не отделима от него!

— Возможно, — выдохнула Коренис. — Но любовь лучше. И теперь, когда я умираю, я могу сказать тебе... возможно, это неприлично для девушки, и вообще странно для металлического изваяния... но ты — возлюбленный моего сердца. Я никогда не любила никого другого!

Гвальхмай опустил седую голову и горькие рыдания сотрясли его тело. Тонкие пальчики Коренис дотронулись до щеки юноши. Они были по-прежнему мягкими, но горячими от протекающей реакции распада. Восторженное выражение появилось внезапно в глазах девушки. Она как будто прислушивалась к чему-то. Голос ее зазвучал очень нежно.

— Я получила обещание. Я прощена. Здесь, в этом краю огня и снега, конец еще не наступил для нас.

Гвальхмай снова прижал Коренис к себе, не обращая внимания на боль, причиняемую прикосновением раскаленного металла к телу.

— Позволь мне умереть с тобой, — пробормотал он. — Здесь, вот так!

Девушка вырвалась из его объятий и встала, покачиваясь от слабости, но с видом, напоминающим о былой власти.

— Нет! — воскликнула она, но музыкальные колокольчики в ее голосе звучали до слез нестройно. Затем в мгновенном приступе раскаяния она нагнулась и поцеловала юношу губами, более нежными и сладкими, чем у любой земной девушки из плоти и крови.

— Это не прощание, возлюбленный мой, ибо теперь, когда я знаю, что ты любишь меня, я найду способ вернуться к тебе. Я увижу, как ты исполнишь свою клятву, и как-нибудь помогу тебе в твоем долгом походе. Верь, и мы будем вместе в какой-нибудь следующей жизни. Да, мы встретимся и будем жить и любить снова — пусть это случится через две сотни лет!

Ахуни-и защитит тебя теперь, возлюбленный мой, ибо я больше не в силах этого делать.

Коренис повернулась и побежала на неверных ногах вниз по склону к ожидающему ее кораблю, ок-

руженная аурой из сияющих испарений — золотой призрак в золотом облаке.

— Подожди, Коренис! — в невыразимой муке вскричал Гвальхмай, бросаясь следом. — Позволь мне пойти с тобой! Когда мы встретимся? Как я узнаю тебя в другой жизни?

Коренис обернулась через плечо.

— Узнаешь меня по золоту! — крикнула она и исчезла под палубой Виманы. Почти в тот же миг та развернулась и направилась в море.

Гвальхмай вернулся наверх, сел там, обхватив голову руками, и глядел вслед удаляющемуся кораблю, пока тот не исчез с глаз. Кольцо на пальце юноши стало обжигающе-горячим.

Совершенно забыв о последнем предупреждении Коренис, он продолжал неподвижно сидеть на скале, устремив печальный взор на зловещий мрачный горизонт. Из плотных темных туч густо посыпались тяжелые снежные хлопья, и ветер крепчал — но Гвальхмай не пошевелился, чтобы найти укрытие себе, хотя уже быстро сгущались сумерки.

Затем над далекой линией, где сливались небо и море, появилось яркое свечение — словно снова восходило солнце. Гвальхмай вздрогнул и осознал, что сияющая точка быстро увеличивается и становится все более отчетливой. Сверкающее пятно, облако огня неслось по поверхности воды по направлению к юноше.

Вот оно уже приблизилось ко входу в залив. То корабль-лебедь вернулся, чтобы уничтожить врача, — свободный наконец от чьей-либо власти!

Не задерживаясь, чтобы захватить что-нибудь из провизии, юноша бросился в глубину острова по поверхности ледника, перепрыгивая через расселины, едва заметные в слепящем снегопаде, который в из-

лучаемом Виманой сиянии стал похож на низвержение ярких искр.

Поняв, что ему не убежать, Гвальхмай в отчаянии обернулся. Вимана достигла берега. Голова птицы была откинута назад, и оглушительное шипение, подобное шипению тысячи змей, наполнило воздух. Гвальхмай стоял неподвижно, готовый к смерти.

В этот миг на льду перед ним появился призрак. Сначала юноша решил, что это Коренис непонятным образом вернулась к нему. Но когда призрак с улыбкой обернулся, Гвальхмай увидел перед собой незнакомку.

Лицо у нее было овальное, но не человеческое! Невыразимо прекрасно было оно — но с глазами квадратными и с кожей, покрытой едва заметными чешуйками, похожими на драгоценные камни. Вода стекала с одеяний цвета морской волны. Девушка была в доспехах и шлеме, но без какого-либо оружия. Вместо этого она держала в руке вогнутый щит, украшенный по краю изображением огромной змеи, проглатывающей собственный хвост.

Она знаком велела Гвальхмаю спрятаться за ней, и сверкание ее доспехов ослепило юношу. Ужасная молния, выпущенная Громовой Птицей, сверкнула надо льдом, но, опередив молнию, странное существо подняло щит, закрывая Гвальхмая, отражая луч и посыпая его обратно в Виману.

Вверх до самых грозовых туч с ревом взметнулась стена огня, мощный фонтан жара, когда каждый распавшийся атом корабля отдал свою энергию для создания невиданного факела, направленного в небеса.

Черное и дымящееся дно залива обнажилось, но вода, вытесненная взрывом в море, скоро хлынула

обратно. Кипящие волны затопили прежний берег и с силой ударились о ледяной склон.

Ледяной покров сполз со скалы, с плеском рухнул в яростные воды и раскололся. Трещина прошла между Гвальхмаем и его спасительницей, и льдина унесла ее прочь в море, откуда она появилась.

Гвальхмай бросился назад к берегу. От удара огромной волны новые трещины образовались на ледяном склоне. Юноша обогнул их, но в нескольких сотнях футов от берега плотные пласти снега прикрывали старую расселину, которую он не заметил.

Снежный покров разверзся под ногами Гвальхмая, и вместе с пластами снега юноша полетел вниз, в самые недра ледника, ударяясь о стены расселины, отскакивая от них и снова ударяясь, — дабы быть погребенным в беспамятстве глубоко среди ледниковых наносов. Груды снега, сбитого Гвальхмаем в падении со стен расселины, рушились на бесчувственное тело, спрессовывались вокруг — а сверху на его гробницу опускался мягкий саван из снежных хлопьев, отрезая его от внешнего мира.

Крохотная вспышка озарила сознание юноши на краткий миг перед погружением в темноту, над которой он не имел власти.

— Мы встретимся и будем жить и любить снова — пусть это случится через две сотни лет!

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕЛИТЕЛЬ ЗЕМНОГО ПРЕДЕЛА

Пролог	7
Забытый легион	9
Артур, Мерлин и Вивиан	20
Спящий и провидец	29
Маленький корабль и Великое море	39
Остров Брандона	51
Потерпевшие кораблекрушение	62
Пленники Тлапаллана	77
Как пугали непослушных детей в Самфракии	92
Кукулькан	106
Город Змеи	112
Змей и яйцо	120
Жертвоприношение и колдовство	132
Каменные великаны и летающие головы	142
Мантис Артура	155
Мы ищем Страну Мертвых	170
Посланец Мерлина	187
Орел и змей	198
Новый Кукулькан	211
Как мы пришли к Майяпану	220
Падение Майяпана	235
Смерть Мерлина	247
Двадцать лет спустя	268
Эпилог	271

КОРАБЛЬ ИЗ АТЛАНТИДЫ

Крестный сын Мерлина	275
Золотая птица	290
Статуя в нише	302
Корабль из Атлантиды	316
Люди Рассвета	334
Остров под морем	351
Скважина	371
Битва за башню	381
Прощай, Громовая Птица!	396

Литературно-художественное издание

Уорнер Муни
Кольцо Мерлина
КНИГА ПЕРВАЯ

*Перевод с английского
Марии Куренной*

Ответственный редактор *Геннадий Белов*
Редактор *Алексей Бакулин*
Художник супербложки *Владимир Канивец*
Художник *Татьяна Канивец*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Верстка *Ирины Прокофьевой*
Корректоры *Людмила Ни, Наталья Карницика*

Подписано к печати с оригинал-макета 23.10.92.
Формат издания 84 × 108 1/32. Гарнитура школьная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 21,8. Тираж 200 000 экз.
Изд. № 90. Заказ № 35.

Издательство «Северо-Запад».
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 18.

ГПП «Печатный Двор».
197110, Санкт-Петербург, II-110, Чкаловский пр., 15.

fantasy

Повелитель Земного Предела
Корабль из Атлантиды

•Северо-Запад•[®]

Юрнер Мунн

